

ВЕСНІК

*Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна*

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ IV

ФІЛАЛОГІЯ

ЖУРНАЛІСТЫКА

ПЕДАГОГІКА

№ 3
СНЕЖАНЬ

ПСІХАЛОГІЯ

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАУСТВА

Чыгрын І. П. Да пытання далейшага вывучэння літаратурных арганізацый 20-х гадоў	3
Скоропанова І. С. «Научная поэзия» Л. Мартынова	6
Тимошенко М. И. Вячеслав Иванов в жизни Александра Блока	9
Ковалева Т. В. Достоевский и Жорж Санд (Опыт сравнительно-типологического исследования)	12
Енихен Иоланта. Марія Конопніцкая і дэцкая літаратура	16
Кулак В. М. Формы авторского «я» в литературе ГДР (на материале прозы Франца Фюмана)	20

МОВАЗНАУСТВА

Бурак Л. І. Сінтаксічная аднароднасць як вынік структурнага пашырэння сказа	22
Сямешка Л. І. З'явы аналітызму ў склонавых формах лічэбнікаў у беларускай мове	27
Зуеў М. Л. Паранамазія ў творах сучаснай беларускай літаратуры	30
Авласенко Н. А. Образно-метафорическое функционирование словосочетаний с наречиями	33
Чумак Л. Н. О синтаксической функции примыкающего инфинитива	38
Норман Б. Ю. Лексический стимул и структура порождаемого высказывания	41
Ваяхіна А. В. Соотношение понятий неполноты и незаконченности предложения	45

ЖУРНАЛІСТЫКА

Стрельцов Б. В. Эффективность очерковых текстов	49
---	----

ПЕДАГОГІКА, ПСІХАЛОГІЯ

Мурина Л. А. Формирование умений и навыков культуры русской речи у учащихся-белорусов	52
Саватеева Л. А. Формирование педагогического мастерства в процессе обучения студентов	56
Сундукова Л. В., Кадушина А. А. Подготовка учительских кадров в ЧССР	57

ПАМ'ЯЦІ ВУЧОНАГА

Борис Павлович Мицкевич	60
-----------------------------------	----

РЭЦЭНЗІІ

Супрун А. Е. Профессор Никита Ильич Толстой	61
Ажахойска Х. Г. А. Цыхун. Типологические проблемы балканославянского языкового ареала	62
Наркевіч А. І., Шыдлоўскі А. В. А. Н. Шарапда. Сравнительная типология категории падежа	63
Короткая Л. Л. В. В. Кусков. История древнерусской литературы	64
Симонова Т. Г. В. Шошин. Интернационалисты — мы! К проблеме взаимодействия национальных литератур	64
Мяснікоў А. Ф., Бараноўскі П. М. Праблематыка газетных выступленняў	65

Галоўная рэдакцыйная калегія часопіса:

М. Д. ЦІВО (*галоўны рэдактар*),
П. М. БАРАНОЎСКІ (*адказны сакратар*), **І. І. ЖБАНКОВА**,
У. Р. ІВАШЫН, **В. Р. РУДЗЬ** (*нам. галоўнага рэдактара*),
А. Я. СУПРУН, **І. Р. ЦІШЧАНКА**

Рэдакцыйная калегія серыі:

А. Я. СУПРУН (*адказны рэдактар*),
Р. В. БУЛАЦКІ, **Р. І. ВАДЭЙКА**, **А. А. ВОЛК**, **І. К. ГЕРМА-**
НОВІЧ (*адказны сакратар*), **В. В. КАЗЛОВА**, **І. П. КАХНО**,
Ф. І. КУЛЯШОУ, **М. У. ПІСКУНОУ**, **В. П. РАГОЙША**,
Б. В. СТРАЛЬЦОУ, **П. І. ТКАЧОУ**, **М. Я. ЦІКОЦКІ**, **Л. М.**
ШАКУН (*нам. адказнага рэдактара*), **І. В. ШАБЛОЎСКАЯ**,
П. П. ШУБА

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ЛЕНИНА

Серия IV, № 3, 1983

Издательство Белорусского государственного
университета имени В. И. Ленина
220048, Минск, проспект Машерова, 11
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар А. А. Сычой
Малодшы рэдактар Г. М. Добыш
Мастацкі рэдактар С. В. Балянок
Тэхнічны рэдактар і карэктар Г. І. Хмарун

Здадзена ў набор 21.09.83. Падпісана да друку 24.11.83. АТ 16920. Фар-
мат 70×108^{1/16}. Папера друк. № 1. Друк высокі. Ум. друк. арк. 5,6.
Ум. фарб.-вдб. 6,12. Ул.-выд. арк. 6,6. Тыраж 1025 экз. Заказ 507.
Цана 80 кап.

Адрас рэдакцыі: 220080, Мінск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.
Выдавецтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна.
220048, Мінск, праспект Машэрава, 11.

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП
Беларусі, 220041, Мінск, Ленінскі пр., 79.

Літаратуразнаўства

І. П. ЧЫГРЫН

ДА ПЫТАННЯ ДАЛЕЙШАГА ВЫВУЧЭННЯ ЛІТАРАТУРНЫХ АРГАНІЗАЦЫЙ 20-х ГАДОЎ

На наш погляд, узнікла патрэба ў самым скрупулёзным даследаванні канкрэтнага ўкладу ў літаратурны працэс кожнага канкрэтнага аб'яднання, групы пісьменнікаў, у шырокім плане кожнага значнага прадстаўніка аб'яднання, асобнай групы. Такую задачу перад намі настойліва ставіць час, нягледзячы на тое, што ў вывучэнні мастацкага працэсу 20-х гадоў у нас зроблена шмат. І думаецца, што далейшае даследаванне літаратурнага працэсу трэба весці не з пазіцыі супрацьпастаўлення аб'яднанняў, членаў гэтых аб'яднанняў, а з адшуквання агульнага, таго, што, урэшце, і робіць літаратуру літаратурай, пісьменніка пісьменнікам; гэтае агульнае тут ёсць, ну хоць бы таму, што ўсе яны (пісьменнікі, аб'яднанні), незалежна ад суб'ектыўных і аб'ектыўных прычын, ставілі перад сабой задачу прамаўляць да народа сродкамі мастацкага слова, г. зн. ставілі задачу тварыць літаратуру. Ды і творчыя асновы, пра што ў нас неяк забываюць гаварыць, былі ў іх агульныя.

На самой справе, надзіва ж многа ўвагі наша літаратура ў 20-я гады аддавала асваенню мастацкіх дасягненняў вуснай народнай творчасці. Прычым свядома ставіла перад сабою такую задачу. І ўсе, без выключэння, ставілі. «Маладняк» лічыць, — можна прачытаць у рэзалюцыі «Ад усебеларускага аб'яднання паэтаў і пісьменнікаў «Маладняк», — што беларуская літаратура, паступова ўспрымаючы ў працэсе свайго развіцця пралетарска-інтэрнацыянальны змест, павінна адначасова развіваць і ўдасканалваць самабытную нацыянальную форму, дзеля чаго кожны маладняковец у сваіх фармальных шуканнях павінен перш за ўсё выкарыстоўваць мастацкія багадзі народнае творчасці...»¹ (падкрэслена мной — І. Ч.)

«Работніцка-сялянская Беларусь мае небагатую па колькасці і якасці мастацкую літаратуру і багатую народную творчасць як сыры (нікім не выкарыстаны) матэрыял і крыніцу нацыянальных формаў для адзінай сацыялістычнай культуры пралетарскага зместу»². Гэта ўжо з тэзісаў да пытання ўтварэння «Узвышша».

Як бачым, тое, што фальклор павінен мець вялікае значэнне ў развіцці беларускай савецкай літаратуры, з аднолькавым разуменнем адзначана ў праграмыных дакументах і маладнякоўцаў, і ўзвышшаўцаў.

А старэйшыя, большай часткай палыміяны, яшчэ задоўга да рэвалюцыі станюўча акрэслілі свае адносіны да фальклору. Не знізілі яны сваёй цікавасці да яго і пасля рэвалюцыі, пра што сведчаць не толькі іхнія творы («Салавей» Зм. Бядулі, зборнік апавяданняў М. Гарэцкага «Досвіткі»), але і ўвага да тэарэтычнага асэнсавання вуснай народнай творчасці (той самы М. Гарэцкі, той самы Зм. Бядуля).

Цікава, што к сярэдзіне 20-х гадоў лозунг «У рожкі са старымі» прыкметна страціў сваю вастрыву. Маладыя ў гэты час ужо высока цэняць не толькі Янку Купалу, Максіма Багдановіча, але і Якуба Коласа, з якім яны так востра пікіраваліся. У рэцэнзіі Яра на зборнік «На прасторах жыцця» («Узвышша», 1927, № 1) можна прачытаць, што Якуб Колас «радаць новай эпохі малюе на чыне», «без хрыпотных дзерыгорлаўскіх крыкаў, без бравіравання, без бураленнасці», што азначае не толькі пры-

знанне старэйшых, але і бязлітасна крытычнае стаўленне да сябе, без чаго, уласна, не можа адбывацца натуральнага развіцця ніякага літаратурнага працэсу і пра што (пра гэтае стаўленне) у нас, як правіла, не гаворыцца.

Нельга сказаць, аднак, што павага да старэйшых, г. зн. да жывых носьбітаў лепшых нашых дарэвалюцыйных традыцый, была ўласціва толькі для ўзвышаўцаў. У цэлым яна была ўласціва і для маладнякоўцаў. У рэзалюцыі «Ад Усебеларускага аб'яднання паэтаў і пісьменнікаў «Маладняк» гаворыцца не толькі пра тое, што савецкая беларуская літаратура ў сваім развіцці павінна апірацца на мастацкія багаці народнай творчасці, але і «на дасягненні ў гэтай галіне старэйшых беларускіх паэтаў і пісьменнікаў»³. Тое, што самі старэйшыя (Колас, Гарэцкі і інш.) да спадчыны сваіх папярэднікаў адносіліся станоўча, ніколі ў нас не выклікала сумнення. Настойлівай патрэбай творчай практыкі беларускай літаратуры сярэдзіны 20-х гадоў з'яўлялася таксама імкненне далучыць свайго чытача да вялікага мастацтва іншых народаў, вучыцца ў гэтага мастацтва самім.

У рэзалюцыі «Ад Усебеларускага аб'яднання паэтаў і пісьменнікаў «Маладняк» ёсць і такі пункт: «Маладняк» лічыць, што «толькі дакладным веданнем культуры, створанай усім развіццём чалавецтва, толькі перапрацоўкай яе можна будаваць пралетарскую культуру» (У. Ленін), а таму ставіць адной з першачарговых задач кожнага маладнякаўца ўпартаю працаю па сядома-крытычнаму аўладанню культурнымі дасягненнямі папярэдніх эпох»⁴. Рэзалюцыя была абнародвана ў 1926 годзе. Аднак і раней маладнякоўцы разумелі культуру пары дыктатуры пралетарыяту як культуру, якая «складаецца са спадчыны культурных дасягненняў папярэдніх вякоў і новых галін будучай культуры, культуры камуністычнага ладу грамадства» і дэкларавалі яе развіваць «на загонах мастацкай творчасці, выпіскаючы ўвесь чэмер і палын, што аддае затхласцю мінулага»⁵.

У сілу паскоранага развіцця беларускай літаратуры ў 20-я гады кожны атрад беларускіх праймаўцаў выконваў свае, хай не заўсёды на тым узроўні, як хацелася б, але вельмі важныя задачы ў развіцці. Як бы мы сёння не ставіліся (а ставімся ў цэлым адмоўна) да такіх твораў маладнякоўцаў, як «Свінапас» Міхася Чарота, «Ваўчаняты» А. Александровіча, А. Вольнага, А. Дудара, апавесці «Два» А. Вольнага, трэба прызнаць, што менавіта з гэтымі творамі звязаны першапачатковы этап станаўлення ў беларускай прозе прыгодніцкага жанру, па-свойму вельмі важнага для паўнакроўнага развіцця нашай прозы. Пазней паявіўся з сваімі творамі Янка Маўр, але то было пазней. З творчасцю маладнякоўцаў яшчэ звязана станаўленне так званага рамантычнага напрамку ў развіцці беларускай савецкай літаратуры, першапачатковае найбольш поўнае асваенне рамантычнага метаду ў беларускай прозе, у прыватнасці. Асобнае, па аб'яднанні, вывучэнне мастацкага руху беларускага літаратурнага працэсу 20-х гадоў дазваляе ўбачыць, што з творчай дзейнасцю ўзвышаўцаў звязаны асобны, падкрэслена-эпічны захад да мастацкага асэнсавання жыцця (маецца на ўвазе найперш творчасць Лукаша Калюгі), які мы яшчэ і да сённяшніх дзён належным чынам не толькі не вывучылі, але не ажыццявілі на практыцы. З творчай практыкай узвышаўцаў ёсць усе падставы звязваць зараджэнне па-сапраўднаму ў беларускай савецкай літаратуры сатырычнай прозы (А. Мрый). Даследаванне творчасці старэйшых у гэтым, параўнальным, плане, думаецца, таксама адкрые новыя аспекты іх творчага ўкладу ў развіццё беларускай прозы 20-х гадоў як мастацтва.

Як бачым, аналіз з асобным даверам да спецыфічнага як заканамернага, неабходнага (самога працэсу, саміх арганізацый, саміх пісьменнікаў урэшце) можа даць цікавыя вывады, шмат у чым папярэчыць наша ўяўленне аб літаратуры, аб яе творчых пошуках у 20-я гады. Пры ўсёй агульнасці зыходных творчых пазіцый не трэба забываць пра адметнасць эстэтычных пазіцый розных груп пісьменнікаў канкрэтнага часу. Агульнае і спецыфічнае ў гэтым выпадку асабліва выразна павінна асэнсоўвацца ў дыялектычным адзінстве.

Нельга не ўлічваць, што для пісьменнікаў, вылучаных з асяроддзя «Маладняка» і згуртаваных у творчае аб'яднанне «Узвышша», зыходным пунктам мастацкіх пошукаў было падкрэсленае разуменне жыцця як няспынай плыні, руху, які дыялектыкі супярэчнасцей. Гэта выцякала з творчых задач, якія ставілі яны перад сабою, спалучалася з задачай максімум, было часткай светапогляднай асновы, на якую яны імкнуліся апірацца пры разуменні і паказе рэчаіснасці. Пры ўсім пры гэтым асноўным лозунгам была барацьба за якасць. Усё гэта так ці інакш уласціва літаратуры

наогул. Таму можна сказаць, што ўзвышэнства ў нас не пачалося і не скончылася «Узвышшам», хоць недзе на нейкім этапе мела іншы характар. Размова ідзе галоўным чынам пра глыбіню адносін пісьменніка да рэчаіснасці. Што ж датычыць канкрэтна 20-х гадоў, то ўзвышэнства тады ў шырокім сэнсе слова таксама было характэрна для ўсёй нашай літаратуры. Сама ж ідэя арганізацыі «Узвышша» зарадзілася ў «Маладняку». Паўтараем, рух гэты ў нашай літаратуры зараджаўся і высляваў даўно, толькі да часу існаваў у іншых формах, набліжаўся да самавыражэння іншымі шляхамі і тэмамі. Заслуга пісьменнікаў «Узвышша» ў тым, што яны як ніхто дагэтуль у гісторыі нашай літаратуры заастрылі ўвагу на якасці мастацкай прадукцыі, як ніхто смела ўзнялі гэтае пытанне над агульным рухам беларускай літаратуры ў яе поступе наперад.

Нельга не ўлічваць, што зыходным пунктам мастацкіх пошукаў маладнякоўцаў стала сцверджанне самага моманту. У адрозненне ад узвышшаўцаў маладнякоўцаў менш цікавіла быццё як плынь; яны найперш сцвярджалі жыццё ў завершаным яго афармленні, стваралі яго вобраз з пазіцый ідэальна-рамантычнага ў сваёй аснове бачання. Адсюль мастацкія асаблівасці іхняга падыходу і паказу рэчаіснасці — з аднаго боку дыфірамбы, радасць, захваленне, з другога — абурэнне, адмаўленне, а таму — такая абагуленасць, абстрактнасць, касмічнасць вобразнага мыслення і інш. У мастацкай спадчыне маладнякоўцаў шмат чаго няспелага, дзіцячага нават, тым не менш гэта найперш ім выпала на долю пачаць новую эру (пачынаць заўсёды нялёгка, тым больш новую эру) у развіцці беларускай літаратуры. Творчасць маладнякоўцаў славіла маладое, новае без аглядкі, асуджала тое, што састарэла, аджыло. І гэта было асабліва важным. Як вядома, гады, у якія ўзляліся за пярэ маладнякоўцы, былі самым пачаткам новай эпохі ў жыцці чалавецтва. Толькі адгрымелі рэвалюцыйныя баі, нішто не ўляглося, нішто не адстаялася, і, зразумела, для далейшага творчага росту літаратуры вельмі важным было акцэнтаваць увагу найперш на новым.

Старэйшыя (Кюлас, Гарэцкі, Бядуля, Гартны) у 20-я гады ў значнай ступені працягвалі працаваць на імі ж акрэсленых мастацкіх напрамках. Такая іхняя творчая пазіцыя апраўдвалася тым, што, па-першае, савецкая літаратура вырастала не на голым месцы, а на творчым засваенні мастацкіх набыткаў сусветнай класікі, па-другое, што засваенне беларускай літаратурай лепшых традыцый класікі ў дакастрычніцкі час толькі пачалося; думаць пра паспяховае рост нашай літаратуры ў абход гэтых патрэб было нельга; для пошукаў неабходна было падвесці адпаведны фундамент.

Справа ў тым, што да рэвалюцыі паскоранае развіццё нашай літаратуры не закончылася, непраробленай работы засталася шмат. Асабліва гэта правільна ў дачыненні да станаўлення прозы, якое да рэвалюцыі толькі-толькі пачалося, больш-менш выразна акрэсліўшыся па лініі хіба асваення рэалістычнага метаду. Работу гэту трэба было неадкладна ставіць і рашаць. Таму развіццё беларускай літаратуры ў 20-я гады ў гэтым плане ўяўляецца нам вельмі важным вузлом сілавых перасячэнняў, тэндэнцый, патрэб. Па сваёй складанасці яно не мае нічога роўнага сярод больш сталых, з большай традыцыяй літаратур, асабліва рускай, нават украінскай, хаця і там, і там пераход у новую якасць быў па-свойму вельмі складаным.

Адным словам, час перад беларускай літаратурай у 20-я гады паставіў дваадзіную задачу, якую яна, каб стаць сапраўды літаратурай, мусіла неадкладна рашаць: з аднаго боку, дабіраць тое, чаго ў сваім развіцці не дабрала да рэвалюцыі, з другога, быць на ўзроўні сучасных патрабаванняў, належным чынам рашаць праблемы паслярэвалюцыйнага мастацкага асэнсавання жыцця. Задача надзвычай складаная. Рашала яе тады наша літаратура, зразумела, усімі наяўнымі сіламі (і маладнякоўцы, і ўзвышшаўцы, і палымянцы). Аднак, у адрозненне ад маладых, роля старэйшых у гэтым складаным творчым працэсе зводзілася галоўным чынам да таго на першых парах, каб найбольш паспяхова ўключыцца ў працэс ва ўмовах паслякастрычніцкага развіцця нашага мастацкага слова. Інакш кажучы, самым важным было зрабіць карэкцыю на час. Рабілі гэта старэйшыя парознаму, у залежнасці ад творчай індывідуальнасці, ад таленту. У тым іх значнасць як мастакоў і асабісты ўклад у развіццё беларускай літаратуры, нашай прозы ў першае дзесяцігоддзе савецкай улады ў прыватнасці.

Патрэбы далейшага вывучэння беларускага літаратурнага працэсу 20-х гадоў на парадак дня высюваюць ўсё новае і новае задачы, сярод якіх, на нашу думку, найбольш важнай з'яўляецца задача далейшага асвятлення праблемы станаўлення нашай прозы як мастацтва. Праблема наколькі

важная, настолькі надзённая, далейшае вывучэнне якой, аднак, бясспрэчна ўпіраецца ў далейшае асэнсаванне дыялектыкі творчых узаемаадносін у нашай літаратуры вядучых мастацкіх груп і арганізацый. Дваеасаблівымі былі мастацкія пазіцыі гэтых груп і арганізацый, але гэта якраз і было, здаецца, станоўчым у развіцці беларускага літаратурнага працэсу таго часу, бо сведчыла пра яго бясспрэчнае ўзможненне.

¹ Маладняк, 1926, № 9, с. 9.

² Узвышша, 1927, № 1, с. 168.

³ Маладняк, 1926, № 9, с. 9.

⁴ Тамсама.

⁵ Маладняк, 1925, № 6, с. 55.

И. С. СКОРОПАНОВА

«НАУЧНАЯ ПОЭЗИЯ» Л. МАРТЫНОВА

Понятие «научной поэзии» введено в литературоведческий обиход В. Брюсовым. В предисловии к сборнику «Дали» (1922) он писал: «Поэт должен по возможности стоять на уровне современного научного знания и вправе мечтать о читателе с таким же миросозерцанием... Все, что интересно и волнует современного человека, имеет право на отражение в поэзии»¹.

Естественнонаучные открытия начала века стали предметом эстетического освоения в творчестве В. Брюсова и М. Волошина. Научные теории и гипотезы последующих лет оказали ощутимое воздействие на натурфилософскую лирику Н. Заболоцкого. Естественнонаучная и научно-техническая революции наших дней нашли отражение в поэзии Л. Мартынова, его произведениях 50—70-х годов. Наибольший интерес представляют те из них, в которых осуществляется философское осмысление бытия.

Центральный образ «научной поэзии» Мартынова — мир, постигаемый в его диалектико-материалистической сущности. Поэт увлечен выявлением невидимого через видимое, подлинного через кажущееся, вечного через сиюминутное. С этой целью он использует данные современной астрономии, физики, химии, биохимии и других естественных наук, новые научные концепции и гипотезы. На первый план Мартынов выдвигает конструктивный принцип изображения мироздания, «разбираемого на части», чтобы понять его устройство, и «синтезируемого» с учетом познанного. Соотношение «живого созерцания» и «абстрактного мышления» сдвинуто в произведениях этого типа в пользу последнего. Обобщенное представление о предмете или явлении возникает за счет перевода конкретного содержания в условно-метафорический план, использования абстрактных суждений, развернутых логических определений, символов. С другой стороны, в «научной поэзии» Мартынова возрастает степень условности образа, допускающая и ассоциативно-метафорическое его видение автором, и обращение к фантастике, перевертышам, парадоксам, алогизмам, вносящим в стихи «целый лабиринт подтекстов» (А. Урбан). Взаимодействие художественного и научного типов мышления и сопутствующих им средств выразительности — одна из важнейших особенностей поэтики Мартынова.

Каждое отдельное стихотворение «научной поэзии», являясь «деталью, фрагментом большого «мартыновского мира»², конкретизирует авторскую концепцию бытия. Раскрывая ее, поэт использует принцип многоуровневой структуры материи, в качестве ведущих уровней выделяя мегамир, макромир и микромир. В стихотворении «Все это» (1950) поэтическим эквивалентом всех этих уровней, находящимся в отношении «часть — целое», выступает образ виноградных гроздей, растущих в огромном прекрасном саду. Гроздьям винограда уподобляются и бесчисленные скопления небесных тел, «островами» заполняющих океан космоса, и «сложные формы молекул», характеризующие один из уровней микроструктуры Вселенной, и сообщество организмов, существующих в макромире. Художник раскрывает идею материалистического единства мира, создает поэтическую модель доступного нам «среза» объективной реальности. Мартынов запечатлевает в произведении известный сегодня облик Вселенной — со звездами, планетами, — находящейся в состоянии расширения, «разлетания» в результате гигантского взрыва единого сгустка вещества и энергии в нуль-пункт времени. В стихотворении возникает метафорический образ Вселенной-сада, разра-

стающегося и увеличивающегося в соответствии с концепцией разбегающихся галактик: «Эта вселенная — сад. Ширится он век за веком!»³

Художник выражает свое восхищение величием расширяющейся Вселенной, ее красотой. Вместе с тем он не считает данную форму организации материи ни универсальной, ни абсолютной, ни вечной. В финале стихотворения Вселенная-сад, ранее дававшаяся крупным планом, предстает на фоне соседних Вселенных как один из их бесчисленных вариантов. Следовательно, для Мартынова понятия «мир» и «Вселенная» не синонимичны, как для многих его предшественников в поэзии. Художник убежден, что многообразие и непостоянство форм материального мира предполагает наличие разных типов Вселенных. Вот почему в стихотворении «Огромные неповоротливые люди» (1979), обращаясь к современникам, Мартынов пишет: «Ряд Вечностей и множество Вселенных Вы ясно представляете себе».

Судьба каждой из Вселенных в восприятии поэта, будучи индивидуальной, отражает и закономерности общемирового порядка. Так, в стихотворении «Над философским словарем» (1962) приводится двойная формулировка коренных свойств расширяющейся Вселенной, где посылка и вывод меняются местами: «безгранична, но конечна» и «конечна..., но безгранична». И первое, и второе суждение в соответствии с существующими в современной науке гипотезами содержат мысль о конечности Вселенной в пространстве и времени. Но с концом Вселенной Мартынов вовсе не связывает конец мира. Исходя из ленинской концепции неисчерпаемости материи, художник выявляет единство конечного и бесконечного. Используемое в произведении понятие «безгранична» и выступает адекватом философской категории «экстенсивная бесконечность». Являясь формой проявления бесконечности и будучи связанной с бесконечностью «вне себя», конечная Вселенная оказывается, таким образом, потенциальным строительным материалом для новых космических образований.

Мировая жизнь предстает в поэзии Мартынова как единый всеобъемлющий процесс развертывания многообразия материи. Художник стремится показать, что, часто воспринимаемая как неподвластный уму человека хаос, на самом деле она подчинена определенным законам, открытым или постигаемым материалистической диалектикой. «Таится смысл во всем», — подчеркивает поэт в стихотворении с одноименным названием. Эта мысль иллюстрируется параллелью, сближающей толкучку на улицах большого города и явления, совершающиеся в микро- и мегамире:

В толченье атомов как будто смысла нет,
Но соразмерен стройный бег планет,
И кто дерзнет, тот станет невесом!

По существу все стихотворение является одной развернутой метафорой, раскрывающей идею всеобщей взаимосвязи и взаимодействия элементов мира, с необходимостью вызывающих сам процесс движения материи. Эта идея конкретизируется с помощью различных «методов», на разнообразном материале.

В стихотворении «Поединок» (1969) Мартынов дает молекулярный «срез» мира, как бы увиденного через мощный микроскоп:

Так
Мир молекул
Представляю я—
Мне увеличенный не нужен снимок,—
И темной ночью, и средь бела дня
Я чувствую: во мне и вне меня
Идет молекулярная возня
Бесчисленных, безликих невидимок.

Показывая природу вещества с точки зрения молекулярной химии и биохимии, поэт отражает текучее состояние материи на различных структурных уровнях, выявляет единство органического и неорганического. Название произведения акцентирует характер взаимосвязи элементов мира: это их «поединок», борьба противоположностей.

Шутливая интонация позволяет ощутить условность возникающих в стихотворении уподоблений, не отменяя при этом серьезности предлагаемых выводов. В этом выразилась ощущаемая поэтом потребность такого подхода к научному факту, философскому закону, при котором они обретали бы максимум наглядности, убедительности. Так, в родственном «Поединку»

по идейно-философской направленности стихотворении «Атом» (1948) Мартынов, используя олицетворение, дает слово микрочастице.

Человек и атом показаны поэтом как братья, сыновья единой матери — материи. Но у каждого из них — свое «лицо», свой «характер», различное «поведение» в неодинаковых обстоятельствах. Желая продемонстрировать герою свое могущество, атом обнаруживает способность к расщеплению ядра, обнажая те скрытые до поры силы, которые оно порождает. Из стихотворения видно, что переход атома в качественно новое состояние реализуется путем отрицания, выступающего неотъемлемым условием и моментом развития. Мир расщепленного атома становится сложнее. «Все было в нем», — пишет Мартынов, не в силах полностью перечислить оттенки «поведения» атома во время распада. На уровне микроструктуры поэт раскрывает идею «интенсивной бесконечности» материи, проявляющуюся в неисчерпаемой сложности любого материального объекта, познаваемого «вглубь». Микромир в изображении художника во многих отношениях оказывается миниатюрным подобием, моментальным снимком мегамира. Они предстают как различные иерархические уровни бытия природы, внутренние противоречия и диалектическая связь которых создают системно-целостный процесс развития.

Неразрывно слитыми со всеми уровнями «мартыновского мира» показаны в произведении поэта Земля и человек. Отвергая геоцентризм, Мартынов выявляет подвластность их существования явлениям, совершающимся во Вселенной. Он пишет и о незримом «фугляре» из радиации, в котором находится Земля («Небесный купол»), и о замедлении вращения нашей планеты в результате солнечных взрывов («Встряска»), и о начале перемещения климатических поясов («Однажды»), и о многом другом.

Эти
Грозы, грады и циклоны,
Наводнения, превращения живности
В падаль, чтоб насытились вороны,—
Это тоже след твоей активности,—

говорит поэт, обращаясь к Солнцу. Подчеркивая неразъединимую связь земного и космического, обычный зеленый тополь художник уподобляет и «агроному», связанному с землей, и «астроному», через листву которого «сочатся лики солнца», и «астронавту», споры жизни которого, возможно, были заброшены из бесконечности («Под зеленый тополь я прилег...», 1961).

Вместе с тем Мартынов выделяет Землю среди других известных человеку мегаобразований как один из материков жизни в мире неорганической природы. Земная жизнь предстает в произведениях художника как результат длительной эволюции, смены различных геологических эпох. Для ее характеристики Мартынов использует самые разнообразные ракурсы изображения. Особенно интересует поэта соотношение энтропийного и антиэнтропийного начал в формировании современного облика нашей планеты.

Художник показывает, что на Земле в дополнение к естественному действует и антропогенный фактор развития, значимость которого можно поставить в один ряд с планетарными природными процессами. Мартынов пишет о создании новых морей, превращении степей и болот в пашни, видоизменении состава почвы и других формах воздействия человека на природу («Мир, тот, которым мы владеем», «Гармония», «Рыбинское море»). Поэт выявляет два основных направления этого воздействия: целесообразного преобразования природной среды, ведущего к усилению антиэнтропийных процессов, и нарушения естественного хода природного развития. Он предупреждает об опасности искусственного нарушения подвижного равновесия в природе, сложившегося за миллиарды лет ее саморазвития, что может привести к экологической катастрофе («Радиоактивный остров», «Давным-давно уж ясных дней нет...», «Грибы мигрируют...»).

Первостепенное значение в связи с раздумьями художника о настоящем и будущем Земли приобретают в его творчестве размышления о человеке. Он предстает в произведениях Мартынова в разных «измерениях». «Человек есть ни больше, ни меньше, как чаша космических обособленностей», — указывает поэт на зависимость жизни людей от их вселенского окружения в стихотворении «Проза Есенина» (1966). Одновременно человек у Мартынова показан и в своей земной проекции:

Где мы находимся?
Астрономически—

Мы, разумеется, в небесах.
А краеведчески и следопытчески
Мы в городах, и в полях, и в лесах.

В одних произведениях человек рассматривается прежде всего как явление природы, гносеологически родственное ее другим органическим и неорганическим порождениям («Был дождь как дождь», «Здравствуй, смерчевидный человек!..», «Поединок»). В других — как общественное существо, имеющее за своими плечами большую историю и культуру («Правопреемство», «Смягчение», «Башкирская пещера», «Мемуары»). На первый план как самое важное человеческое качество Мартынов выдвигает деятельность мозга, продуктами которого являются ощущения, представления, мышление. В стихотворении «Внутренний мир» (1965) художник показывает, что зрелый разум, проделавший путь развития от низших форм мышления к самым отвлеченным логическим построениям, способен «опережать» действительность, изменяя ее согласно своим проектам. Выступая эквивалентом понятия «сознание», образ внутреннего мира раскрывает необъятные возможности человеческого мозга.

Внешний мир изменился
Не настолько еще за полвека,
Чтобы в нем поместился
Весь внутренний мир человека, —

утверждает в финале стихотворения поэт.

Фантастическая условность, позволяющая сделать невидимое — видимым, воображаемое — реальным, гипербола, отражающая мощь разума, служат у Мартынова средством возвеличивания человека как высшей формы развития жизни на Земле. Художник показывает, что физическая уязвимость и брэнность не препятствуют титанической духовной деятельности людей, их созидательным усилиям. Не затушевывая опасностей, подстерегающих человечество, поэт выражает веру в возможность реалистического решения сложнейших проблем, от которых во многом зависит будущее нашей планеты. Негативный земной опыт, считает Мартынов, должен послужить предостережением при освоении человеком космоса. Поэт предупреждает, что в космос не должно быть занесено «ни единого миазма».

Высшую миссию людей Мартынов видит в созидании всечеловеческого общества мира и гуманизма, разумно использующего все богатства Земли, дары Вселенной на благо современников и потомков. Расширяя возможности поэтического творчества, художник стремится приблизить читателя к овладению подлинно научными знаниями о мире, пониманию своего глобального назначения в нем.

¹ Брюсов В. Дали. — М., 1922, с. 7.

² Винокуров Е. Избранные произведения в 2-х томах. — М., 1976, т. 2, с. 448.

³ Произведения Л. Мартынова цитируются по кн.: Мартынов Л. Собр. соч. в 3-х томах. — М., 1977, т. 2; Мартынов Л. Узел бурь. — М., 1979; Мартынов Л. Золотой запас. — М., 1981.

М. И. ТИМОЩЕНКО

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ В ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Одним из аспектов проблемы изучения личности и творчества Блока является анализ его взаимоотношений с современниками. Путь А. Блока поэта ознаменован встречами и расставаниями со многими людьми, которые так или иначе влияли на его творчество и мировоззрение. К числу таких людей принадлежит и Вяч Иванов. К моменту их знакомства А. Блок был уже известным поэтом-символистом. Цикл «Стихи о Прекрасной Даме» сразу принес ему известность. Годы подготовки первой русской революции помогают накопить тот жизненный опыт, которого, как замечает сам А. Блок, у него «не было долго». Ширится круг знакомых поэта, начинается активная переписка с А. Белым.

В этот период А. Блок испытывает влияние В. Брюсова, «который «заворожил его» широким введением в поэзию современной темы, урбанизмом, образами будничной реальности быта, простых людей». ¹ «Лиловые миры» предстают перед взором поэта, «музыка страшного мира» раздается в его ушах, «хаос» врывается в душу:

Вечность бросила в город
Оловянный закат.
Край небесный распорот,
Переулки гудят².

Новое — неведомое и грозное — волнует А. Блока. Разрушительная стихия революции 1905 года вносит «нечаянную радость» в его жизнь. Видимо, тогда уже поэт начинают волновать проблемы выхода за рамки лирики, публицистики, реформы театра. Эти же проблемы интересовали и Вяч. Иванова, поэтому А. Белый и повез его к Блоку: «...скоро я возил Иванова к Блоку иметь разговор о таком театре».³ Так вошел Вяч. Иванов в жизнь А. Блока.

Приход Вяч. Иванова в русскую литературу совпал с изменением настроений в символистской среде. Теория синкретического «александрийского» символизма, где «становилось нечто вроде знака равенства между театром и храмом, Христом и Дионисом, Богородицей и всякой рождающей женщиной, Девой и Менадой, любовью и эротизмом, Платоном и греческой любовью, теургией и филологией, Вл. Соловьевым и Розановым, греческой оркестрой и парламентом, русской первобытной общиной и Новым Иерусалимом, левым народничеством и славянофильством и т. д.»⁴, обобщала и углубляла лозунги декадентства. И вместе с тем, по справедливому замечанию А. Белого, Вяч. Иванов выступает в роли «отравителя чистоты воздуха самой символической среды...»⁵

А. Блока многое привлекало в философии Иванова. «Дионисийство», представление о ценности страстей и состояний, об отсутствии границы между «я» и миром — все эти проблемы связаны с напряженными раздумьями А. Блока о революции, о месте искусства в жизни. Проповедуемая Вяч. Ивановым идея красоты, преобразующей мир, близка Блоку:

Еще не явлен лик чудесный,
Но я увижу лик — зарю,
И в очи молнии небесной
С чудесным трепетом смотрю! (II, 134)

Особенно тесно А. Блок сближается с Вяч. Ивановым в 1905 — 1907 годы. Но дружба эта противоречива. Ученость Иванова, его умение «стелить, как невод, разговор» притягивают молодого поэта, но остается еще чувство инстинктивной боязни, недоверия. «Над Вяч. Ивановым у меня большой вопросительный знак (как над человеком действия и воли). Он «волит», может быть, куда-то наискосок, хищно и метко», — признается А. Блок Евг. Иванову 23 мая 1905 года. (VIII, 125). И несколько месяцев спустя — А. Белому: «А мне трудно еще с Вяч. Ивановым» (VIII, 137).

С осени 1905 года начинаются «среды» Вячеслава Иванова, активным участником которых является А. Блок. Здесь встречаются самые различные люди, высказываются в многочасовых дискуссиях кардинально противоположные мнения. Жаркие споры обычно заканчивались чтением стихов. Часто читал и А. Блок. Он был здесь кумиром, но в этом была и обратная сторона: «Все были влюблены в него, но вместе с обожанием точили яд разложения на него», — справедливо отмечает С. Городецкий.⁶ Блок закружился в вихре «снежной маски». Проповедуемые Вяч. Ивановым «дионисийство», всеразрешенность очень созвучны настроениям А. Блока этого периода. 7 декабря 1906 года он пишет Евгению Иванову: «С Вячеславом очень сблизился, и многое мы поняли друг в друге» (VIII, 168). Образ жизни людей, которым в это время близок Блок, выразительно охарактеризован А. Белым в его мемуарах: «Петербург пировал: жезлоносец Иванов, Чулков, Городецкий, артистки и пианистки, эстеты и поэты, попойки и тройка из Балаганчика — все неслось галопами».⁷

Но кроме этой, внешней, у А. Блока была еще и глубокая внутренняя жизнь. Бесконечные прогулки по Петербургу, наблюдения за жизнью простых людей — все это было источником той энергии, которая вытолкнула его из замкнутого мира «снежной маски» на простор «вольных мыслей». Духовный рост А. Блока обуславливал переоценку ценностей, отход от когда-то близких людей. Это отразилось и на отношениях с Вяч. Ивановым. Тонкая интуиция сдерживает А. Блока от полного увлечения Вяч. Ивановым даже в период их самых близких отношений. «Все это строительство таких высоко культурных людей, как Вяч. Иванов, и высоко предприимчивых, как Георгий Чулков и Мейерхольд, начинает мучить меня. Чувствую уже, как хотят выскоблить что-то из меня операционным ножичком», — признается он А. Белому 3 января 1906 года (VIII, 146). Но самое страшное

пока не в этом. «Самое ужасное для меня (отчего и тоскую), что не умею быть самостоятельным», — добавляет он.

Однако уже в 1907 году А. Блок конкретно и бескомпромиссно утверждает свое отношение к «мистическому анархизму». В официальном письме в редакцию журнала «Весы» он пишет: «...высоко ценя творчество Вячеслава Иванова и Сергея Городецкого, с которыми я попал в одну клетку, я никогда не имел и не имею ничего общего с «мистическим анархизмом», о чем свидетельствуют мои стихи и проза» (V, 676). А. Блок очень хорошо понял несостоятельность «мистического анархизма». Чувство меры предостерегло его: «Мое несогласие с Вяч. Ивановым в терминологии и пафосе (особенно — последнее), — записывает он 1 августа 1907 года. — Его термины меня могут оскорблять. Миф, соборность, варварство. Почему не сказать проще? Ведь, по-существу, в этом ничего нового нет». ⁸ Блок пытается объяснить сущность своих отношений с Вяч. Ивановым: «Мы оба — лирики, оба любим колебания друг друга, так как за этими колебаниями стоят и сторожат наши лирические души. Сторожат они совершенно разное, потому, когда дело переходит на почву более твердую, мы расходимся с Вяч. Ивановым. К пунктам расхождения, очень важным, принадлежит, например, Л. Андреев, или мистический анархизм» (VIII, 200). Но Вяч. Иванов — лирик, поэт был дорог А. Блоку на протяжении многих лет. И даже разочарование в Иванове-человеке, Иванове-теоретике не мешает А. Блоку высоко оценивать его творчество. «Вяч. Иванова ценю, как писателя образованного и глубокого и как прекрасного поэта...» — писал он А. Белому (VIII, 190).

С усилением тяготения А. Блока к живому реальному миру, ослабляются его связи с символистским окружением. Поэт, по его собственному признанию, «проходит» через Вяч. Иванова. Но Иванову не хочется терять А. Блока. Стремящийся поучать, доказывающий неоспоримость своих идей Вяч. Иванов хочет иметь при себе А. Блока как гениального воплотителя этих идей. Тонкий психолог, он по-видимому уловил настроение А. Блока и сделал все, чтобы привлечь его к себе. Поэты часто встречаются (в основном по инициативе Вяч. Иванова), переписываются, выступают вместе на вечерах. Все письма А. Блока Вяч. Иванову подписаны «Любящий Вас Блок». Трудно заподозрить в неискренности Блока, «которому слов неправды говорить не приходилось». Но было еще много и потаенного в душе А. Блока, чего не понял Вяч. Иванов. В 1909 году он пишет стихотворение «Бог в лупанарии», посвященное Александру Блоку. Стихотворение написано динамичным ямбом, которому пиррихии, замедляя его, придают торжественность. Поэт здесь сравнивается с богом, сошедшим на землю и увидевшим грязь реальной жизни. Однако у Вяч. Иванова образ этот поверхностный, воспроизводящий только внешний переход поэта из чертогов Прекрасной Дамы в «притон, где слышны гик и танец, и стук бросаемых костей». Основной же задачей лирического героя является, по мнению автора, стремление

Воспоминаям чаровать
И, к долу горнее принизив,
За непонятым зывать ⁹.

Действительно, много страшного увидел А. Блок в открывшемся ему мире. Но выводы его противоположны выводам Вяч. Иванова: «утверждалась» его связь с миром, рождался художник «общественный», «мужественно глядящий в лицо миру» (VIII, 344). Летом этого же, 1909 года, задуман А. Блоком ответ Вяч. Иванову, но написан он был только в 1912 году, когда окончательно определились их отношения.

А пока их сближает еще многое: и раздумья о судьбах Родины, и разгоревшаяся полемика о кризисе символизма. Но близость эта внешняя. Чтение первых глав «Возмездия» заставляет Вяч. Иванова «метать громаы». Блок же все яснее понимает, что ему не по пути с Вяч. Ивановым. В ответ на предложение А. Белого создать «Дневник трех поэтов» (А. Блок, Вяч. Иванов, А. Белый) он пишет: «...я не уверен в необходимости журнала, состоящего из нас троих» (VIII, 345). Проявляются уже не только идейные разногласия, но и психологическая несовместимость этих людей. Если в 1910 году А. Блок еще спрашивает у Вяч. Иванова: «Кто Вы?», то в 1911 этот человек кажется ему почти страшным: «Постриг бороду и на подбородке невыразимо ужасная линия, глубоко врезалась... Язвит, колет, шипит, бьет хвостом, заигрывает» (VII, 72).

Все дальше и дальше уходит Вяч. Иванов в мир, создаваемый им са-

мим, — от нерадостного детства, трудовой юности — в мир книжный и далекий от насущных забот. Блок же весь устремлен в будущее. Он вышел из уютного бекетовского дома, чтобы пройти трудные круги познания жизни и утвердить необходимость связи поэта с миром.

Пришло время подводить итоги. 5 января 1912 года А. Блок записывает в своем дневнике, что собирается «обратиться к Вячеславу» с «воспоминательными стихами». 18 апреля он посылает Иванову экземпляр третьей книги «Собрания стихотворений» с поэтической дарственной надписью. Здесь А. Блок, как всегда, предельно правдив. Встреча с Вяч. Ивановым — «только миг в слепящей вьюге», «горькой складкой те года» легли на сердце поэта. «Царский поезд» навсегда уносит Вячеслава Иванова от «пыльного перекрестка», где стоит «печальный, нищий и жесткий» поэт. Стихотворение предельно конкретно: «... друга // В тебе не вижу, как тогда» (III, 141).

4 мая А. Блок получает «Сог ardens» с надписью в стихах. Вяч. Иванов не верит, что дружба в прошлом: «Еще костер не отбылал, И розы жалят: сердце живо». У него мир Блока слишком легок и светел. «Легким поездом» называет Вяч. Иванов тернистый путь автора «Возмездия» и «Страшного мира». Звонко-радостная звукопись —

Смотрю
На легкий поезд твой — с испугом
Восторга! Лирник-чародей,
Ты повернул к родимым вьюгам
Гиперборейских лебедей! —

звучит совершенно не в унисон с могучим оркестром А. Блока. Вяч. Иванов лепит такой образ, который бы хотелось видеть ему самому, и лепит он его с одной мыслью:

Пусть вновь — не друг, о мой любимый!
Но братом буду я тебе
На веки вечные в родимой
Народной мысли и судьбе¹⁰.

Вот тут уже придется согласиться с Вяч. Ивановым: быть «братом» Блока в народной памяти довольно заманчиво. Но «таинственное крещение Соловьевым», обручение с «единой» — прошлое, которое уже не имеет власти над Блоком. Сам лишенный устремленности к будущему, Иванов не смог увидеть «подземного роста» души Блока. И хотя после этого Вяч. Иванов и А. Блок еще встречаются, хотя общие знакомые пытаются их сблизить опять, Вяч. Иванова уже «нет» для Блока. Дальше каждый из них пошел своим путем: А. Блок — к «Двенадцати» и «Скифам», Вяч. Иванов — к «Песням смутного времени», а позже — к католицизму.

¹ Литературное наследство. — М., 1980, т. 92, кн. 1, с. 129.

² Блок А. А. Собр. соч. в восьми томах. — М., 1965, т. 2, с. 148.

Все дальнейшие цитаты из этого издания даны в тексте статьи с указанием в скобках тома и страницы.

³ Белый А. Между двух революций. — Л., 1934, с. 67.

⁴ Белый А. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке. — В кн.: Александр Блок в воспоминаниях современников. — М., 1980, т. 1, с. 265.

⁵ Там же, с. 266.

⁶ Городецки й С. Воспоминания об Александре Блоке. — В кн.: Александр Блок в воспоминаниях современников, т. 1, с. 332.

⁷ Белый А. Между двух революций, с. 183.

⁸ Блок А. А. Записные книжки. — М., 1965, с. 96.

⁹ Иванов В. И. Стихотворения и поэмы. — М., 1976, с. 220.

¹⁰ Там же, с. 250, 251.

Т. В. КОВАЛЕВА

ДОСТОЕВСКИЙ И ЖОРЖ САНД

(Опыт сравнительно-типологического исследования)

Интересным моментом в истории русско-французских литературных отношений является вопрос о восприятии Достоевским творчества Ж. Санд, которое на протяжении всей жизни было близко ему по духу и нередко использовалось как веский аргумент в споре с идейными противниками. С другой стороны, в произведениях Достоевского и Ж. Санд, генети-

чески не связанных, наблюдается много общего в тематике, идейной направленности, способах создания характеров, художественном стиле, что в значительной мере обусловлено как близостью мировосприятий писателей, их творческих индивидуальностей, так и определенным сходством развития литературного процесса в России и Франции середины XIX века. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы выяснить, как идейно и художественно учитывался Достоевским опыт Ж. Санд на различных этапах его творческого пути; намечая типологические связи между писателями, попытаться раскрыть неповторимое своеобразие каждого из них.

В 1876 году Достоевский вспоминал о своем первом знакомстве с произведениями французской писательницы: «Мне было, я думаю, лет шестнадцать, когда я прочел в первый раз ее повесть «Ускок» — одно из прелестнейших первоначальных ее произведений. Я помню, я был потом в лихорадке всю ночь»¹. Читая в юности много и жадно, будущий писатель, вероятно, знал и другие романы Ж. Санд, переводы которых публиковались в русских журналах 30-х — начала 40-х годов: «Симон», «Мопра», «Лавиния», «Орас», «Андре» и др. Не случайно в это время имя Ж. Санд появляется в письмах Достоевского. Так, в апреле 1844 года он сообщает брату Михаилу о своей работе над переводом романа Ж. Санд², 8 октября 1845 года с восхищением отзывается о романе «Теверино»: «Ничего подобного не было еще в нашем столетии. Вот люди-первообразы»³. А в одном из писем 1847 года к тому же адресату упоминает только вышедший из печати роман Санд «Лукреция Флориани». Достоевский не был одинок в увлечении творчеством французской писательницы. Ее произведения в России читали и в подлиннике, и в переводах, о них горячо спорили, ими искренне восхищались и так же искренне не принимали. Ж. Санд воспринималась передовыми людьми 40-х годов как писатель глубоко идейный и социальный, в произведениях которого критика буржуазной действительности сочеталась со страстной мечтой о светлом будущем человечества. «Явился Жорж Санд, — и роман окончательно сделался общественным, или социальным», — отмечал В. Г. Белинский⁴.

Для Достоевского восприятие творчества Ж. Санд в 40-е годы в значительной мере связано с увлечением идеями утопического социализма. В сочинениях Сен-Симона, Фурье, Ламенне, Леру, Кабэ русского писателя интересовали прежде всего мечта о будущем гармоничном устройстве общества, «золотом веке», мирный путь его достижения, близость к христианству. В этот период творчество Ж. Санд привлекает Достоевского тем, что в ее произведениях идеи утопического социализма нашли наиболее полное художественное воплощение. В сложной и противоречивой социальной философии Санд Достоевский находит то, что созвучно его собственным идейным и творческим исканиям: веру в человеческую личность, в ее неограниченные духовные возможности, в способность к нравственному совершенствованию. Оба писателя в 40-е годы XIX века трактовали многие идеи утопического социализма в духе христианского социализма, свои демократические принципы они нередко облекали в христианские формулы. И для Ж. Санд, и для Достоевского будущий «золотой век», социализм, представлялся осуществлением подлинных заветов Христа о любви и братстве всех людей, торжеством высшей евангелической морали. Ж. Санд в статье «Догма Франции» (1848) утверждала, что «Христос лучше и полнее своих предшественников сформулировал великое открытие закона равенства и братства. 1848 год — это, наконец, понятый Христос»⁵. Для обоих писателей Христос был «величайшим положительным идеалом человека», и недаром этот образ не раз будет возникать на страницах их книг. Подходя к религии с нравственных позиций, Ж. Санд и Достоевский резко выступали против католической церкви, искажающей, по их мнению, учение Христа. В той же статье «Догма Франции» Санд говорит, что «дух Христа давно покинул» католическую церковь, авторитет которой «долгое время базировался на чуде; и в своих привычках к чудесам, которые были основными инструментами власти над безграмотными массами, она потеряла четкое представление о ложном и истинном»⁶. Интересно, что, спустя много лет, Достоевский в романе «Братья Карамазовы» устами инквизитора от имени римской церкви почти в тех же словах, что и французская писательница, выразит эту мысль: «...есть три силы на земле, могущие навеки победить и пленить этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, — эти силы: чудо, тайна, авторитет. Ты (Христос — Т. К.) не сошел с креста, потому что не хотел поработить человека чудом. Мы исправили подвиг твой и основали его на чуде, тайне

и авторитете»⁷. Конечно, критика католицизма дается Достоевским с несколько иных, чем у Ж. Санд, позиций и уже тесно связана с общественно-политическими и философскими взглядами писателя 60—70-х годов. И тем не менее весьма показателен сам факт обращения Ж. Санд и Достоевского к вопросу о сущности католицизма, его месте и значении в истории развития человечества, что нашло отражение в их художественных произведениях и прежде всего в романах «Спиридон» и «Братья Карамазовы».

Достоевский и Ж. Санд во многом сходились и во взглядах на пути достижения человечеством «золотого века». Оба писателя верили, что социализм можно утвердить мирными средствами, через нравственное обновление личности, ее духовное возрождение. В показаниях следственной комиссии по делу Петрашевского Достоевский вполне искренне говорил, что его симпатии к утопическому социализму и, в частности, к философии Фурье, связаны прежде всего с мирным характером этого учения. Ж. Санд и в 40-е годы не раз высказывалась против революционных методов переустройства общества, полагая, что надо начинать с переделки духовной природы человека, с вопросов нравственных, а не с насильственного изменения социально-экономических отношений.

Опыт французской писательницы учитывался Достоевским в пору становления его как художника не только в идейном, но и в творческом плане, о чем свидетельствуют его произведения 40-х годов. Так, роман Ж. Санд «Мопра», переведенный на русский язык в 1837 году, мог привлечь внимание Достоевского в период его работы над «Бедными людьми» своей главной идеей — идеей возможности нравственного возрождения личности силой любви.

На первый взгляд, задавленный нуждой чиновник Макар Девушкин, живущий «помаленьку, втихомолочку», мало похож на неукротимого, свободолюбивого потомка феодальных разбойников Бернара Мопра. Различны социально-исторические условия, сформировавшие их характеры, личные судьбы, психологический облик. Но сближает их то, что в жизни обоих героев одним из решающих факторов их духовного развития стала любовь. Движимый глубоким и сильным чувством к Эдме, Бернар постепенно превращается из «лесного дикаря в мыслящего человека». Ранее невежественный и полный сословных предрассудков, он приближается к самым передовым идеям века, читает сочинения Монтеня, Руссо, Монтескье, принимает активное участие в борьбе за американскую независимость. Незнаваемо меняется нравственный облик героя. Человек необузданных страстей, он научился подчинять их интересам других людей, признавать ценность всякой личности, уважать ее достоинство.

Для Макара Девушкина любовь к Вареньке Доброселовой также стала содержанием и смыслом жизни. Под ее влиянием формируется его характер, взгляды на окружающую действительность и свое место в ней. В «запуганном и загнанном» чиновнике просыпается чувство собственного достоинства, осознание своей человеческой значимости. Он растет духовно, расширяется его кругозор. Герой Достоевского уже способен понять и оценить глубину содержания и гуманизм «Станционного смотрителя» Пушкина, увидеть себя в образах гоголевской «Шинели», у него самого «с недавнего времени слог формируется».

Ж. Санд, рассказывая историю «нравственного и идейного преобразования» Бернара Мопра, как бы подводит читателя к мысли, внушенной ей еще в юности произведениями Ж.-Ж. Руссо: чтобы изменить общество, необходимо, в первую очередь, переделать нравственную природу человека, облагородить его инстинкты, и «тогда нравы станут воздействовать на законы». Достоевский же на примере своих героев показал, что любовь — единственно возможная сфера утверждения личности в бесчеловечном мире. Но и она не спасает «бедных людей» от одиночества, страданий и гибели.

Летом 1845 года Достоевский начал работу над повестью «Двойник». В художественном исследовании социальной природы двойничества, нравственных и психологических последствий его для личности русскому писателю немалую помощь могла оказать и Ж. Санд. Ее роман «Теверино», в центре которого — образ бродяги, играющего попеременно роли то маркиза, то нищего, был опубликован в «Отечественных записках» в октябре 1845 года.

Оба писателя исследуют процесс обезличивания, отчуждения человека во враждебном ему мире. Теверино — сирота, подкидыш, рано познакомив-

шийся «со всеми кулисами всех сцен жизни». Он понял, что «бедняку, даже одаренному умом и красотой», трудно выбраться из нищеты, «потому что общество не помогает ему, потому что предрассудки отталкивают его»⁸. И тогда единственно возможным средством утвердиться, не дать вытеснить себя из жизни становится маска, которую надевает Теверино. Петербургский чиновник Голядкин мечтает занять «свое место под солнцем». Он трудолюбив, скромен, порядочен. Но оказывается, что этих подлинных человеческих качеств недостаточно для завоевания положения в обществе преуспевающих и сытых, в которое стремится герой Достоевского и олицетворением которого для него является статский советник Берендеев. Нужно уметь еще «паркету лощить сапогами», «скакать, вертеться по-пустому, заигрывать и подлизываться» (1, 124). Человек должен отказаться от своего «я», обезличиться, надеть на себя маску. Голядкин чутко улавливает эту особенность современной ему общественной жизни, когда с возмущением говорит, что «люди, носящие маску, стали не редки...» (1, 163). Двойник, являясь порождением его большой фантазии, в то же время и есть человек в маске.

Таким образом, Ж. Санд и Достоевский сходятся в определении социальных причин двойничества, но последствия этого раздвоения для самой личности показаны писателями по-разному. И в этой связи вызывает возражение мысль М. Гуса, высказанная им в работе о Достоевском: «Теверино мог быть своим собственным двойником... И отзыв Достоевского о нем как о «человеке-первообразе» означал, что двойственность Достоевский считал если не первоосновой человеческой природы, то одним из первейших и важнейших ее свойств»⁹. Но, читая роман Ж. Санд, нельзя не заметить, что необходимость носить маску не привела героя к внутреннему, психологическому раздвоению, к болезненному распаду его сознания. Двойственность Теверино схожа с театральным перевоплощением, и недаром он часто уподобляет себя актёру, играющему на различных подмостках жизни. Но в любой из своих ролей Теверино остается самим собой: натурой цельной, гармоничной, с развитым чувством собственного достоинства. В изображении французской писательницы ее герой — это «дитя солнца», «свободный, гордый, прекрасный, как первый человек», в какой-то мере это все тот же «естественный человек» Ж.-Ж. Руссо. И, думается, именно этим обстоятельством объясняется отзыв Достоевского о Теверино «как человеке-первообразе». Не двойственность, в которой русский писатель видел результат давления на личность враждебных ей внешних обстоятельств, а цельность, гармоничность, нераздробленность считал он изначальными свойствами человеческой природы. Двойственность Голядкина, имея источником те же социальные причины, что и у Теверино, проникла, однако, глубоко в сознание героя, проявляясь в сосуществовании различных, часто взаимоисключающих свойств и качеств его характера. С одной стороны, он осознает себя человеком, достойным уважения и признания окружающих, чувствует себя «в своем праве», а с другой — стремится постоянно «стусеваться», «совсем уничтожиться, не быть, в прах обратиться». По его собственным словам, он «ветوشка» с амбицией» (1, 168). Свообразие Достоевского в решении темы двойничества заключается в том, что он раскрыл процесс расщепления живой человеческой души в мире зла и насилия.

Значительное место в произведениях Достоевского 40-х годов занимает образ мечтателя, разработанный им в «Хозяйке», «Петербургской летописи», «Белых ночах», «Неточке Незвановой». Обращение писателя к теме мечтательности сближало его с романтической традицией русской и западноевропейской литературы 20—30-х годов XIX века, в том числе и с творчеством Ж. Санд. И в этом плане определенный интерес представляют повесть «Хозяйка» и роман «Лукреция Флориани». В характерах молодых мечтателей Кароля фон Росвальда и Василия Ордынова много общего. В какой-то мере схожие внешние обстоятельства (ранняя смерть родителей, слабое здоровье, отсутствие товарищей) сформировали их психологический облик, развив в них особую впечатлительность, душевную незащищенность, склонность к мечтательности. Переломным моментом в жизни Кароля и Ордынова, поставившим их лицом к лицу с реальной действительностью, стала встреча с Лукрецией и Катериной. Мечта об «идеальной, неслабеющей, беспредельной» любви уступает место любви живой, настоящей, захватившей все их существо. Она раскрыла героям Санд и Достоевского глаза на мир, приблизила к людям, помогла лучше понять самих себя. Но счастье это оказалось непрочным. Мечтатели не выдержали столкновения с

жизнью, испытанная любовью, что привело их к полному нравственному крушению. Ордын-мечтатель, утратив волю, мужество и способность к борьбе, не сумел своей любовью возродить Катерину. Презрение Кароля фон Росвальда к живой жизни в угоду идеализированным представлениям о ней, неумение понять нравственное величие любящей его женщины стали причиной гибели Лукреции Флориани. Вместе с тем близость мечтателей Санд и Достоевского не исключает существенных различий между ними. Причины бегства от мира в область мечты у Кароля иные, чем у Ордынова.

Аристократ Кароль фон Росвальд — еще один вариант романтического героя-индивидуалиста, разработанного ранее Санд в романах «Лелия», «Жак», «Орас» и др. Он не принимает пошлый буржуазный мир и стремится стать над ним, презирает людей, непохожих на него, не испытывает потребности в общении с ними и тем самым сознательно обрекает себя на одиночество. Основными чертами его характера стали душевная негерпимость и романтический максимализм. В любви к Лукреции Флориани он показал себя эгоистом и деспотом, и Ж. Санд решительно осуждает его за это. Василий Ордын-мечтатель — один из тех «бедных людей» первых произведений Достоевского, которые населяли петербургские углы. Это «маленький человек», пытающийся уйти от гнетущих обстоятельств русской действительности в романтическую мечту. Но он страдает от разобщенности с людьми, отчужденности от них, вынужденного одиночества. Катерину он любит горячо и самоотверженно, «ему жизнь отдать хочется» за нее, но трагедия Ордынова в том, что любовь его бездействительна, пассивна. Достоевский и сочувствует своему герою, и осуждает его.

Близость Достоевского и Ж. Санд обнаруживается не только в идейном, но и в художественном воплощении темы мечтательности. Это проявилось и в использовании автором «Хозяйки» средств романтической поэтики для выражения внутреннего состояния героев, раскрытия их неопределенных мечтаний, обрисовки портрета. Однако в 40-е годы XIX века Достоевский не только осваивает идейно-художественный опыт Ж. Санд, но в значительной мере преодолевает и развивает ее традиции в соответствии с задачами, стоявшими в этот период перед русской литературой, и собственными творческими установками.

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 томах. — Л., 1981, т. 23, с. 33.

² Достоевский Ф. М. Письма. — М. — Л., 1928, т. 1, с. 71.

³ Там же, с. 83.

⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13 томах. — М., 1956, т. 10, с. 109.

⁵ Sand G. Souvenirs de 1848. — Paris, 1879, p. 110.

⁶ Ibid, p. 108.

⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 томах, т. 14, с. 232—234.

В дальнейшем все ссылки на художественные произведения Достоевского даются по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте статьи.

⁸ Отечественные записки. — СПб., 1845, т. 42, № 10, с. 355.

⁹ Гус М. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. — М., 1971, с. 75.

ИОЛАНТА ЕНИХЕН

МАРИЯ КОНОПНИЦКАЯ И ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Формирование литературы для детей во всех европейских странах с начала XIX века происходило под влиянием различных систем воспитания, возникших вместе с новыми общественными отношениями. В Польше процесс становления литературы в первой трети XIX века значительно сдерживался влиянием устаревшей, но все еще сохранявшей свою устойчивость, программы гражданского воспитания эпохи Просвещения. Детская литература рождалась и развивалась как особая область педагогической деятельности, ее роль толковалась однозначно: она должна была стать лишь «инструментом воспитательной практики». Поэтому произведения для детей писались тогда преимущественно педагогами или «ремесленниками пера» и, следовательно, были насыщены поучительностью и морализаторством.

Мария Конопницкая, отказавшись от навязчивого дидактизма, сумела поднять польскую литературу для детей до действительно высокого художественного уровня. Время ее литературной деятельности (80—900-е годы) было периодом радикального пересмотра польскими писателями основных идейно-поэтических позиций. Это было время нарастающего разочарования

идеями и эстетикой позитивизма, зарождения критического реализма, возникновения модернистских течений, получивших название «Молодая Польша». Все это в определенной степени помогло поэтессе избежать ряда крайностей и заблуждений писателей, тесно связанных с позитивистским движением, и в то же время творчески использовать лучшие завоевания «молодых», избрав собственный путь в русле критического реализма.

Первые отзвуки «антипозитивистской кампании» нашли отражение в детской литературе лишь на рубеже XIX—XX столетий. Мария Конопницкая высказывалась за освобождение детской литературы от вредного, тормозящего ее развитие влияния упрощенной позитивистской педагогической программы, выступала против нехудожественных, псевдолитературных иллюстраций этой программы. «Детская литература, — писала М. Конопницкая 31 декабря 1892 года художнику-иллюстратору Петру Стахевичу, — вращалась до сих пор преимущественно в сфере дидактической драмы: сказки, и в сфере дидактического эпоса: фантастических рассказов или рассказов о действительных случаях»¹. Фамилии авторов «дидактической драмы» и «дидактического эпоса» в письме не названы, но, как справедливо заметила известная исследовательница польской детской литературы К. Куличковская, они легко угадываются². К «дидактической драме» поэтесса, очевидно, отнесла произведение Станислава Яховича и его подражателей, так как именно из их сказок дети должны были узнавать «очень рано о борьбе добра и зла, светлого и темного, правды и неправды» (с. 209). К «дидактическому эпосу» М. Конопницкая могла отнести тенденциозные сочинения для детей таких своих предшественниц, как Зузанна Моравская, Тереса Ядвига, Зофия Урбановская и др. Из их произведений «дети узнавали о множестве фактов, явлений, жизненных отношений, приобретая таким образом большой запас жизненного опыта, <...> готовых правил, шаблонов, суждений, понятий, <...> которые сразу очень тесно заполняли то, что называют белой, чистой страницей детской души. Это было хорошо, — замечает поэтесса, — но также было, есть и будет односторонним» (с. 209). Конопницкая предлагает добавить к жанрам «детской драмы» и «детского эпоса» жанр детской лирики — поэзии, лишенной упрощенного дидактизма, благотворно влияющей на впечатлительность ребенка, его эстетические чувства и эмоции. Конечно, лирика в польской литературе для детей была явлением, известным и до Конопницкой. Однако именно она выдвинула лозунг борьбы за поэзию для детей без поверхностного, голого поучительства, первой потребовала лирики для детей и по воспитательным соображениям как необходимого элемента гармоничного формирования личности ребенка. Это была довольно смелая декларация, значительно расширявшая понятие о границах детской литературы и выведившая ее из туликов морализаторства на широкие просторы большого искусства.

Лирика М. Конопницкой для детей оказалась действительно новаторской. Поэтесса пыталась в ней удовлетворить запросы детей, пробудить в них глубокие, искренние чувства. «Прихожу не учить детей и не развлекать их. Прихожу петь вместе с ними», — говорится в упомянутом письме к П. Стахевичу. Эти слова касаются, в первую очередь, лирических песен Конопницкой. Относить их ко всем ее детским произведениям было бы несправедливо, поскольку в некоторых из них она и «учила», и «развлекала» детей. Конопницкая облакала множество своих стихотворений в песенную форму, которая доступна и близка ребенку, легко воспринимается на слух. Ее поэтический «рассказ всегда похож на тот простой, безыскусный рассказ, которым так заслушиваются дети у няни, бабушки, у всякого просто-го, наблюдательного, правдивого человека»³, — отмечала критика.

Дебютом в этой области и, в сущности, первым произведением М. Конопницкой для детей является картинка-рассказ «Как дети в Бронове играли с Розалией». Сюжет рассказа простой, незатейливый. Главное, самое важное здесь — песни, которые поет детям няня Розалия. Они самые разнообразные по своему характеру: народные, повстанческие, сентиментальные. Но «не столько подбор этих песен, сколько тот факт, что поет их старая няня, имел на фоне эпохи характер как будто программного обращения к романтическим традициям народных рассказчиков и песенников типа <...> пушкинской Арины»⁴.

Экспрессивно-эмоциональная выразительность и редкая мелодичность стихов М. Конопницкой вдохновляла многих композиторов. Музыка на ее детские стихи писали З. Носковский, П. Машинский и др. Надо отметить, что музыку для детей польские композиторы писали и на стихотворения

С. Ленартовича, С. Яховича и др. Однако испытание временем выдержали лишь те песенки, мелодия которых положена на слова М. Конопницкой. Их и до сегодняшнего дня поют в Польше дети дошкольного возраста.

В тематическом отношении детская лирика Конопницкой является разновидностью народной лирики. Как народные, так и многие ее стихи для детей можно назвать песней о родной земле. В них взволнованно и непосредственно выражаются чувства любви к этой земле и ее народу, восхищение красотой родной природы. Этим они напоминают лирику Н. А. Некрасова. «Петь вместе с детьми» — в этих словах выразилось стремление поэтессы пробудить в них неравнодушное и глубокое гуманное отношение к явлениям природы, научить их видеть ее красоту, слушать и понимать язык природы: шум леса, журчание ручья, шелест распускающихся листьев. Конопницкая приближает детей к природе по-разному: иногда непосредственно обращая к ним («О чем поет птичка»), иногда делая их свидетелями своего диалога с деревьями и птицами («Кукушка»); то вода своих маленьких читателей за руку, то только показывая им дорогу. «Поэтесса умело знакомит детишек с царством животных и растений, но охотнее всего она ведет маленьких слушателей в широкий мир на открытые просторы, чтобы среди лугов, полей и лесов, среди хлебов и цветов дать вдохнуть им освежающий воздух и показать родные красоты»⁵.

М. Конопницкая ввела в польскую детскую литературу новые, не встречавшиеся в ней ранее мотивы реальной жизни, главным образом деревенской. Деревенский пейзаж в ее стихах для детей является не фоном, а «лирическим героем». Это достигается чаще всего путем использования традиционного фольклорного приема олицетворения природы: солнышка, ветерка, времен года, животных и растений. Характерные для польского пейзажа ива и береза предстают здесь не только зримыми образами родной природы, но и пробуждают в читателях высокие патриотические чувства. Звери и птицы — не предмет детской филантропии, а добрые и верные друзья детей, принимающие участие в их веселых играх. Конопницкая воссоздает животный мир пластичный, красочный и многоголосый, со своими особыми нравами и обычаями. Таким образом она приобщала маленького читателя к понятиям, до сих пор считавшимся «неэстетическими», пересмотрела традиционную трактовку понятий «красивое» — «некрасивое», где «красивое» всегда значило «хорошее», «некрасивое» — «плохое». Поэтесса реабилитировала в глазах ребенка животных, которые изображались до сих пор только с отрицательной стороны: волчонка, сову, зайца, внешность лягушки, паука, мухи.

Лирика М. Конопницкой для детей в некоторой степени восходит своими истоками к творчеству С. Ленартовича, и это касается именно жанра детских произведений на народной основе. Но в его лирике мы не находим того, что впервые ввела в свои стихотворения Конопницкая, — непосредственного и искреннего отношения к детям. Ленартович обращался к ним только в определенных, общепринятых формах, в его стихах не было и речи о чувствах ребенка как впечатлительного участника жизни природы. Возможно, что взгляд на деревенскую жизнь «глазами ребенка» привел лирику Конопницкой к некоторым упрощениям, но это был новый метод изображения, коренным образом отличавшийся от существовавших до нее литературных традиций, принесший с собой простоту средств изображения, изящность формы. Поэтому детская поэзия М. Конопницкой так правдива, она не перенасыщена стилизованными элементами, риторическими вопросами и контрастными сопоставлениями, которые из-за частого употребления стали уже избитыми фразами. Особенно близки ей как автору произведений для детей были лирические стихотворения и опоэтизированная фантастическая сказка; в них больше, чем в других жанрах, проявилось новаторство поэтессы.

В прозаических произведениях для детей М. Конопницкая была не столь большим мастером, в них заметно невольное следование автором традициям. Примером тому является цикл беллетристических, нравоучительных картинок «Чтение для Тадека и Зоси», схематические персонажи и действия которых во многом соответствуют требованиям позитивистской программы.

Лучшие ее детские произведения всегда связаны с поэзией. Самое большое из них и самое богатое в художественном отношении — сказка «О гномах и сиротке Марысе» (1895) — настолько естественно и правдиво сочетается в себе поэтический стих с бытовой речью, поэтические картины природы с картинами реальной жизни, фантастику с действительностью, что эти кон-

трасты образуют полную гармонию. В польской детской литературе это произведение является этапным.

Тяготение Конопницкой к поэзии привело ее к созданию новых, ранее не встречавшихся в детской литературе жанров: стихотворной сказки («Ягоды») и стихотворного рассказа (приключенческие рассказы «Янек-странник», «Путешествие на аисте», «Приключения Пимпуса Салоедки»), в котором поэтесса порывает с формой традиционного нравоучительного рассказа. Заменяя детей животными, поучая и наставляя последних в намеренно серьезном тоне, она достигла комического эффекта и вместе с тем создала новый тип пародированного повествования. Разрушение традиционных форм в детской поэзии определил не сам факт введения в произведение персонажей из мира животных. До Конопницкой это делал уже Яхович, преобразовавший аллегорическую сказку в рассказ. Но животные из шуточной поэмы «Приключения Пимпуса Салоедки», в отличие от животных из рассказов Яховича, наделены человеческими свойствами, неповторимыми чертами, помещены в среду, напоминающую человеческое окружение. В ее стихотворениях нравоучительного характера, конечно, идет речь об отрицательных сторонах поведения детей, об их недостатках, но они изображены по-новому. Поэтесса подходит к этим проблемам без излишней серьезности и драматизма, с ощутимой сердечной снисходительностью по отношению к детям. Она делает свои произведения веселыми, насыщая их безмятежным, искрящимся юмором. Конопницкая указывает на отрицательные черты характера и прегрешения детей не путем поучения, а озорного осмеяния и пробуждения в маленьких читателях мыслительной и эмоциональной активности, она искренне верит в их лучшие качества, в способность самим найти правильный выход из данной ситуации. Таким образом, М. Конопницкая, насыщая свои произведения для детей вместо морализаторства — оптимизмом, веселым юмором и пародией, опровергала существовавшую до нее в детской литературе закономерность, требующую обязательного присутствия внешней авторской тенденциозности и поучительности.

Хорошо зная вкусы детей, М. Конопницкая своим творчеством стремилась не подделываться под них, а удовлетворить их как содержанием (изображая самое близкое, доступное уму ребенка окружение), так и формой (показывая все сквозь призму детских ощущений и представлений). Так в ее произведениях возник мир детских игр и забав, изображавшийся как «настоящий» по отношению к «фиктивному» миру взрослых. И в центре его, в согласии с принципом эгоцентрического поведения детей (в дальнейшем подтвержденным наукой), она помещала ребенка, предоставляла ему слово, раскрывала его мечты. Характерно, что, опираясь в своем творчестве лишь на собственные наблюдения и размышления, писательница не вступала в противоречие с принципами психологии развития, хотя исследования в этой области в то время только начинались.

Защищая право детей на радость и развлечения, М. Конопницкая внесла в насыщенную дидактизмом польскую литературу зерна юмора и истинного веселья, и в этом ее большая заслуга. Учитывая влечение юных читателей к сказочному и волшебному, она оживляла вещи и персонифицировала животных, действовала на детей не извне, а изнутри, полагаясь на их воображение и фантазию. Поэтесса намного расширила тематический диапазон литературы для детей. Ее произведения обогащали знания детей о мире, подготавливали их к пониманию различных общественных явлений, способствовали установлению их контакта с природой и человеческим обществом. И самое главное: Мария Конопницкая в Польше, как Н. А. Некрасов в России, первая сумела заговорить с маленькими читателями на языке поэзии, создав настоящие шедевры лирики для детей.

¹ Цит. по кн.: Brodzka Alina. Maria Konopnicka.— Warszawa, 1961, s. 208 (перевод наш — И. Е.). Далее ссылки на это издание даются в тексте.

² См.: Baculewski J. Maria Konopnicka.— Warszawa, 1978, s. 339 (перевод наш — И. Е.).

³ Северный С. Мария Конопницкая (Две смерти. Две памяти).— Свободное воспитание, 1910 (1911), № 4, с. 85.

⁴ Baculewski J. Maria Konopnicka, s. 344.

⁵ Kozłowski Sł. Maria Konopnicka. Szkic krytyczny.— Warszawa, 1902, s. 36 (перевод наш — И. Е.).

ФОРМЫ АВТОРСКОГО «Я» В ЛИТЕРАТУРЕ ГДР (на материале прозы Франца Фюмана)

Франц Фюман вошел в немецкую литературу после окончания второй мировой войны, вошел со своей темой, со своим голосом. Как и все писатели ГДР, Франц Фюман придает большое значение изображению немецкой действительности, исторической и современной. Особенно большое место в его творчестве занимают проблемы сравнительно недавнего прошлого — времени позорного фашистского владычества и второй мировой войны. Многие его произведения на антифашистские темы написаны на материале последних лет и даже дней гитлеровского «третьего рейха».

В статье рассматривается вопрос об определении жанровой природы книги «Еврейский автомобиль». Это сборник рассказов, однако каждый рассказ мог бы стать главой романа, а вместе они составляют как бы единое произведение — недаром писатель дал циклу весьма знаменательный подзаголовок: «Четырнадцать дней из двух десятилетий».

Все, о чем пишет художник в этой книге, пережито им самим и его сверстниками. Эти четырнадцать дней изъяты из двух десятилетий жизни немцев 1922 года рождения; эпизоды, ставшие рассказами, были основными событиями жизни этого поколения. Это отлично выразил Стефан Херmlin: «Герои Фюмана, его окружение, пейзажи — это было пережито им от начала до конца опосредованно... В конце концов все, что сделал Фюман и что в значительной степени изложено в этой книге, является подлинно национальной самокритикой»¹.

Некоторые наши литературоведы считают почти всю прозу Франца Фюмана автобиографической, особенно роман в новеллах «Еврейский автомобиль». «Это не сказ, — пишет Сергей Львов, — где повествователь не тот человек, что автор, где он отделен от него другим именем, другой биографией, стилизованной речью: не от условного первого лица написаны они. Эти рассказы от своего собственного, от подлинно первого лица, где «я» означает Франц Фюман... И поэтому сильнее доверие читателя к этим рассказам»². Такое утверждение кажется нам спорным.

В прозе авторским «я» может быть и сам автор, а не его какой-то условный заменитель, но это и не данный эмпирический человек, а отделившаяся от него по ряду причин неадекватная ему личность. Это свойство не противоречит тому, что у разных художников и даже в разных произведениях одного автора легко можно заметить различные формы существования авторского «я». С одной стороны, «я» может быть авторской мыслью, не персонифицированной и не конкретизированной. Это может быть философская мысль о мире, где «я» выступает не как отдельный человек, а скорее как представитель общества, как человек вообще с его отношениями к окружающей действительности. С другой стороны, авторское «я» может «тяготеть к большей конкретизации, большему опредмечиванию образа, превращению его в сознательно создаваемый «образ автора», живущий на его страницах наравне с другими образами»³.

Резкое изменение социальной действительности, которая происходит в ГДР, обусловило и формирование нового типа авторского «я». Наиболее характерные его черты следующие: с одной стороны, конкретизация лирического «я» художника-современника, вышедшего к людям, ощущающего на себе их взгляды, с другой — предельная обобщенность этого же образа, вызванная тем, что писатель чувствует себя представителем широких трудящихся масс, говорит с ними и за них. Следовательно, авторское «я» как бы раздвигает свои рамки, включая в себя большой социальный контекст, позволяющий вносить оценки не только от своего имени, но и от имени определенной социальной среды. Итак, «я» предельно конкретное и вместе с тем предельно обобщенное.

Основным принципом творчества Фюмана является максимальное приближение к жизни. Он даже не меняет многих действительных имен собственных и зачастую придерживается фактов собственной жизни. Несмотря на это — перед нами рассказы и повести о драматических путях-дорогах молодого немца 30-х годов, а не документальные мемуары, скажем, Франца Фюмана. А так как для нас наиболее важным и интересным является тернистый путь длительного становления героя, образ которого под пером писателя при всех его автобиографических признаках приобрел черты ти-

личности, то, думается, и главного героя рассказов и повестей Ф. Фюмана, от лица которого ведется повествование, необходимо рассматривать по законам художественной типизации.

Да и сам Ф. Фюман пишет, что «Еврейский автомобиль» — это произведение не биографическое. Хотя в нем есть много пережитого мною, и хотя вымышленный «я» — рассказчик иногда называется моим именем, тем не менее этот цикл рассказов является только тем, чем он должен быть: сообщением о 14 днях из жизни среднего немца 1922 года рождения. Он не является автобиографическим и в том смысле, что в нем есть много недосказанного в духовном, идеологическом и моральном развитии, не говорится открыто об изменениях своих убеждений, оттенках этого развития. Кое-что выдуманно, многое взято из жизни, подчеркнуто и т. д.»⁴ Эту же мысль очень метко сформулировал литературный критик Вернер Лириш: «Биографией своего поколения он (Франц Фюман — В. К.) пишет биографию Германин»⁵.

Францу Фюману удастся увязать жизненные пути отдельных героев с историческим развитием страны. Узловые моменты германской истории на протяжении двадцати лет — классовые бои в Австрии и инфляция, охватившая почти все империалистические страны, канун мюнхенского сговора и оккупация Судетской области, начало второй мировой войны и вероломное нападение на Советский Союз, разгром немцев под Москвой и битва под Сталинградом, события 20 июля 1944 года в Германии и капитуляция гитлеровского вермахта, Потсдамская конференция и объединительный съезд КППГ и СДППГ, Нюрнбергский процесс над главными немецкими преступниками и, наконец, образование Германской Демократической Республики — все эти события непосредственно переплетаются и образуют сюжетную ткань повествования. Такой способ изображения дает возможность писателю объемно показать общественную жизнь Германии в различные периоды, отразить большие политические сдвиги в обыкновенной, будничной жизни и сознании простых людей.

Повествование от первого лица позволяет Ф. Фюману быть не просто комментатором событий, он постоянно добивается того, чтобы из логики повествования, из совокупности отдельных оценок, понятий вырисовывалось исторически верное истолкование жизненных явлений. Автор стремится правильно сориентировать читателя в той сложной совокупности событий, которая разворачивается на страницах его романа. В «Еврейском автомобиле», как в капле воды, отразилась биография целого поколения немцев. «Еврейский автомобиль» — это произведение «узловое», от которого протягиваются тематические нити ко многим другим повестям и рассказам современной немецкой литературы.

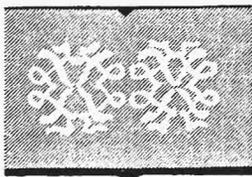
¹ Sinn und Form, 1969, № 4, S. 1017.

² Франц Фюман. Избранное. — М., 1973, с. 4.

³ Ермилова Е. В. Проблемы художественной формы социалистического реализма. — М., 1971, т. 1, с. 167.

⁴ Franz Fühmann. Brief an den Autor, 9. Dezember, 1973.

⁵ Liersch W. Beiträge zur deutschen Biographie. — Neue deutsche Literatur, 1968, № 2, S. 159.

Мовазнаўства

Л. І. БУРАК

СІНТАКСІЧНАЯ АДНАРОДНАСЦЬ ЯК ВЫНІК СТРУКТУРНАГА ПАШЫРЭННЯ СКАЗА

У склад простага сказа ці прэдыкатыўных частак складанага сказа часта ўводзяцца асобныя словаформы або словазлучэнні, якія прызначаны для пашырэння іх структуры. Сінтаксічнае пашырэнне ў сучаснай беларускай мове не мае якіх-небудзь структурных абмежаванняў, а цалкам звязана з экстралінгвістычнымі фактарамі. Яно прадугледжвае дубліраванне або шматразовую рэалізацыю пазіцыі аднаго з кампанентаў сказа, г. зн. заключаецца «ў дабаўленні да адпаведнай сінтаксічнай адзінкі іншых элементаў таго ж сінтаксічнага статуса і агульнай сінтаксічнай сувязі ў структуры сказа»¹. Устаноўлена, што працэс пашырэння характарызуе з'яву аднароднасці, якая паказвае на аднолькавы сінтаксічны статус сваіх кампанентаў. Між тым прысутнасць кампанентаў пашырэння (аднародных адзінак) у сказе не з'яўляецца канструктыўна неабходнай умовай яго арганізацыі: сказ можа быць структурна завершаны без гэтых кампанентаў, паколькі яны выходзяць за рамкі яго структурнага мінімуму.

Паняцце аднароднасці непарыўна звязана са структурай сказа і звычайна разглядаецца як тоеснасць сінтаксічнай пазіцыі аб'яднаных кампанентаў. Па традыцыі аднароднымі лічацца тыя кампаненты, якія аб'яднаны паратаксічнай сувяззю, выконваюць аднолькавую сінтаксічную функцыю ў сказе і ў аднолькавай ступені адносяцца да агульнага для іх кампанента гэтага сказа. Значыцца, асноўнымі адзнакамі аднародных кампанентаў з'яўляюцца наяўнасць паратаксічнай сувязі паміж імі, тоеснасць сінтаксічных функцый і аднолькавая суаднесенасць у сказе. Пры гэтым сінтаксічная аднароднасць прадугледжвае ўзаемаадносіны ў сказе не менш чым трох структурных кампанентаў, якія знаходзяцца ў рознай сувязі адзін з адным: з іх два кампаненты функцыянальна аднатыпныя, яны аб'яднаны паміж сабой злучнікавымі ці бяззлучнікавымі сродкамі паратаксічнай сувязі; трэці кампанент для іх агульны, ён выконвае неаднолькавую сінтаксічную функцыю і звязваецца з імі бяззлучнікавымі сродкамі ўласна гіпатаксічнай або ўзаемна гіпатаксічнай сувязі. Напрыклад: *Горад і вёска аправулі святочны ўбор* (П. Глебка); *Ціха песня разліваецца, звiніць* (М. Багдановіч); *У вольную хвіліну я чытаю кнігі, а таксама газеты* (К. Чорны); *Лес майчыць глуха, зацята, знямела* (Я. Колас). Безумоўна, абедзве разнавіднасці гіпатаксічнай сувязі маюць тут своеасаблівы «пучковы» характар, бо абслугоўваюць не кожны з аднародных кампанентаў асобна, а аб'яднаны комплекс у цэлым.

Вядома, што аднародныя кампаненты сказа маюць паралельныя (часцей за ўсё марфалагічна прыпадобненыя) формы і абазначаюць аднатыпныя паняцці аб'ектыўнай рэчаіснасці. Аднак гэтыя ўласцівасці хоць і тыповыя, але не асноўныя, а дадатковыя, паколькі не вызнача-

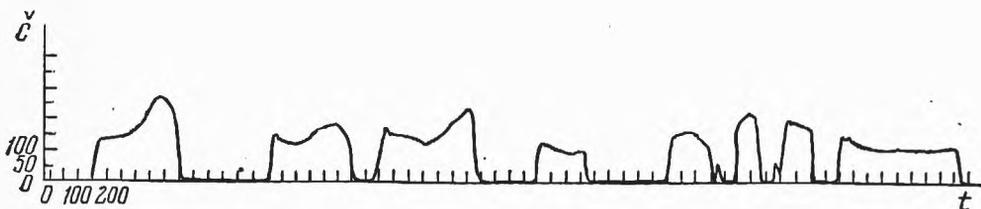
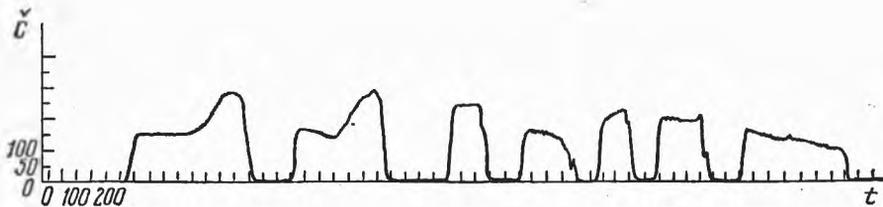
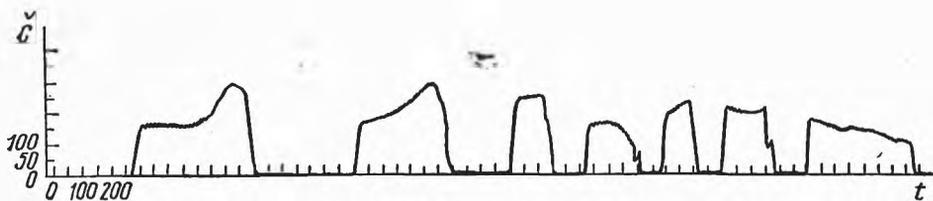
юць глыбінёвай сутнасці аднародных кампанентаў. Улічваючы гэта, да-следчыкі слухна сцвярджаюць, што аднароднасць кампанентаў у сказе «залежыць не ад іх лексічнай прыроды і не ад іх марфалагічнай прыналежнасці, а ад іх функцыянальнай сінтаксічнай раўназначнасці»². Такая раўназначнасць кампанентаў звычайна афармляецца пры дапамозе паратаксічнай сувязі, знаходзячы сваё праяўленне ў іх узаемнай сінтаксічнай незалежнасці і ў аднолькавай суаднесенасці з агульным кампанентам сказа. Не выпадкова «паратаксічная сувязь магчыма толькі паміж кампанентамі сказа, якія лагічна адназначныя і лексічна супастаўляльныя»³.

Паратаксічная сувязь не ўдзельнічае ў пабудове прэдыкатыўнай асновы сказа. Гэта сувязь не ўносіць істотных (якасных) змен у структуру сказа, бо яна толькі пашырае сказ за кошт уключэння ў яго склад аднатыпных кампанентаў і не патрабуе выдзялення асобнага тыпу пазіцый, паколькі пазіцыя кожнага з наступных кампанентаў у сказе паўтарае пазіцыю папярэдняга яго кампанента. У выніку атрымліваецца, што аднародныя кампаненты займаюць адно сінтаксічнае месца і выступаюць у пазіцыі аднаго члена сказа, які звычайна кваліфікуецца як злітны, ускладнены ці пашыраны. Зразумела, што дубліраванне пазіцыі аднаго з кампанентаў уяўляе сабой не толькі колькаснае пашырэнне структуры сказа, але і выражае новыя семантыка-сінтаксічныя адносіны, павялічвае інфармацыйную ёмістасць выказвання, г. зн. узбагачае сказ і ў фармальным, і ў змястоўным плане.

Знешнімі паказчыкамі паратаксічнай сувязі і функцыянальнай раўназначнасці аднародных кампанентаў у сказе служаць паратаксічныя злучнікі і спецыфічная інтанацыя. Канкрэтная рэалізацыя ўсякага паратаксічнага злучніка абумоўлена характарам семантыка-сінтаксічных адносін, у якія могуць уступаць аднародныя кампаненты ў сказе. Напрыклад, адносіны адначасовасці: *Бярозы ды алешыны з усіх бакоў акружалі возера* (Я. Маўр); адносіны паслядоўнасці: *Над рачулкай узняўся туман і павольна пачаў распаўзацца па ўсім лузе* (А. Чарнышэвіч); супраціўныя адносіны: *Месяц свеціць, але не грэе* (Я. Колас); адносіны неадпаведнасці: *Бабка спіць — а гусей пасе* (З. Бядуля); пералічальна-размеркавальныя адносіны: *То разб'яжыцца, то пухам засце-лецца хітрая мяцеліца* (П. Броўка); *Ці вясною, ці ўлетку шмат народу на палетку* (А. Русак); градацыйныя адносіны: *Электрычнасць асвятляе не толькі будынкі, але і доўгую вуліцу* (К. Чорны); далучальныя адносіны: *Вырас засеў небывалы, ды прыгожы, ды прыўдалы* (Я. Колас).

Апрача таго, сустракаюцца нешматлікія выпадкі, калі аднародныя кампаненты аб'ядноўваюцца ўступальнымі і асобнымі ўмоўнымі або параўнальнымі злучнікамі, якія па традыцыі звычайна ўключаюцца ў разрад гіпатаксічных. Гэтыя злучнікі маюць уласцівасць афармляць своеасаблівыя віды адносін неадпаведнасці або параўнальна-супастаўляльных адносін і тым самым набліжаюцца да ўласна супастаўляльных ці супраціўных злучнікаў. Напрыклад: уступальныя адносіны: *Шапаціць мне штосьці жыта, хоць слоў не гаворыць* (Я. Купала); уступальна-супраціўныя адносіны: *Хоць балюча, ды без злосці мне сябры давалі ў косці* (П. Панчанка); параўнальна-супастаўляльныя адносіны: *Як дзень, так і ноч палыхае ў домнах агонь* (А. Вялюгін); умоўныя адносіны: *Яна пойдзе працаваць цялятніцай, калі не даяркай* (Звязда); умоўна-супастаўляльныя адносіны: *Заслугі калі не зараз, дык потым адзначаюць* (М. Чарот). Не выпадкова некаторыя даследчыкі лічаць магчымым разглядаць такія злучнікі як паратаксічныя⁴.

Аднак злучнікі не з'яўляюцца абавязковым сродкам выражэння аднароднасці ў сказе. У сучаснай беларускай мове аднародныя кампаненты даволі часта аб'ядноўваюцца пры дапамозе бяззлучнікавай сувязі. Ва ўтварэнні такой сувязі асабліва вялікая роля належыць інтанацыі, якая не толькі арганізуе сказ і членіць яго на асобныя часткі, але і вызначае сэнсавыя ўзаемаадносіны паміж гэтымі часткамі. Назіранні

Інтанаграма 1. Луг, рэчку ахутаў туман.

Інтанаграма 2. Луг і рэчку ахутаў туман.

Інтанаграма 3. Луг ды і рэчку ахутаў туман.

паказваюць, што аднародным кампанентам з бяззлучнікавай сувяззю ў сказе спадарожнічае пералічальная або супастаўляльная інтанацыя, якая адрозніваецца больш-менш аднолькавымі па сіле націскамі на аднародных кампанентах, больш-менш аднолькавай вышынёй іх асноўнага тона і працяглымі паўзамі (300—500 мс) паміж імі. Такія кампаненты ўвогуле імкнуцца да аднатоннай інтанацыі і ў радзе выпадкаў афармляюцца своесаблівай рытмічнай арганізацыяй (гл. інтанаграму 1, дзе $\bar{c}$ — частата асноўнага тону ў герцах, t — час у мілісекундах).

Пералічальная ці супастаўляльная інтанацыя падобнага тыпу ўласціва таксама злучнікавым спалучэнням аднародных кампанентаў, толькі пры моцнай сувязі паўза паміж імі можа адсутнічаць (гл. інтанаграму 2), асабліва калі ўлічыць, што паўза да 150 мс на слых не ўспрымаецца.

У залежнасці ад характару сувязі і інтанацыйнага афармлення аднародных кампаненты сказа падзяляюцца на злучальныя і далучальныя. Злучальныя аднародныя кампаненты адносна раўназначныя, могуць самастойна аб'ядноўвацца адзін з адным пры дапамозе злучнікавай або бяззлучнікавай сувязі, прычым сувязь гэтая, як правіла, моцная. Далучальныя ж аднародныя кампаненты ніколі самастойна не ўжываюцца, а дабаўляюцца да далучаючых кампанентаў і звычайна аб'ядноўваюцца з імі пры дапамозе злучнікавай сувязі, якая заўсёды слабая. З'яўляючыся аднафункцыянальнымі і сінтаксічна аднатыпнымі з далучаючымі кампанентамі, далучальныя кампаненты афармляюцца арытмічнай арганізацыяй (гл. інтанаграму 3), яны адрозніваюцца ад папярэдніх кампанентаў сэнсавай нагрузкай у сказе і як бы не зусім раўнамерна ўмяшчаюцца з імі ў адну сэнсавую плоскасць⁵. Перад далучальным кампанентам вытрымліваецца працяглая паўза (250—350 мс), а сам кампанент звычайна вымаўляецца паскораным тэмпам

і суправаджаецца аслабленнем інтэнсіўнасці і нязначным паніжэннем асноўнага тона (на 15—20 гц). Ва ўсіх выпадках неаднолькавае інтанацыйнае афармленне далучальных і далучаючых кампанентаў абумоўлена розным камунікатыўным прызначэннем іх у сказе і сведчыць аб тым, што гэтыя кампаненты, выконваючы аднолькавую сінтаксічную функцыю, у сэнсавым плане аднародныя толькі адносна (прыблізна). Сімптаматычна, што абсалютнай раўназначнасці не назіраецца і ў злучальных аднародных кампанентаў. Паводле сцвярджэння В. Г. Адмоні, першы кампанент аднароднага спалучэння валодае «больш высокім сінтаксічным рангам, чым другі, паколькі ён як бы ў першую чаргу суаднесены з асноўным саставам сказа і мог бы забяспечыць яго структурную паўнату і без другога кампанента. Адносін сінтаксічнага панавання і залежнасці тут няма, але ёсць адрозненне ў сінтаксічнай перавазе — адрозненне паміж прымарнай і секундарнай уключанасцю ў сказ»⁶.

Анародныя кампаненты (злучальныя і далучальныя) у сказе могуць быць прадстаўлены адным або некалькімі радамі — адкрытымі і закрытымі. Адкрытасць або закрытасць рада залежыць ад сродкаў сувязі аднародных кампанентаў і характару семантыка-сінтаксічных адносін паміж імі. Адкрытыя рады часцей за ўсё шматчленныя, маюць расчлянёны характар: яны ўтвараюцца аднароднымі кампанентамі, якія выражаюць пэўныя віды пералічальных адносін, аформленыя паўторнымі злучнікамі або бяззлучнікавай сувяззю: *Ракеты асвятлялі наваколле то белым, то блакітным, то ружовым святлом* (Т. Хадкевіч); *У бубны дахаў вецер б'е, грыміць па ім, звініць, пляе* (М. Багдановіч). Закрытыя рады, як правіла, двухчленныя, яны могуць мець як расчлянёны, так і нерасчлянёны характар. У гэтыя рады аб'ядноўваюцца аднародныя кампаненты, якія выражаюць розныя семантыка-сінтаксічныя адносіны, аформленыя адзіночнымі злучнікамі або спецыяльнымі словамі ў функцыі злучнікаў: *Луг і поле каля вёскі акасітам зелянеюць* (Я. Журба); *Касьба цягнецца дзве, а то і тры нядзелі* (В. Каваль); *Яна бачыць шчаслівую ўсмішку, нават зеленаватыя іскрынкі ў вачах* (М. Паслядовіч). У закрытых шматчленных радах, якія зрэдку сустракаюцца ў структуры сказа, семантыка-сінтаксічныя адносіны афармляюцца рознымі злучнікамі або бяззлучнікава-злучнікавай сувяззю: *Не ёлкі, а сосны ды бярозвы растуць на лясных узгорках* (Я. Маўр); *Дождж аднастайна, ціха і безупынку шуршаў па страсе* (М. Гарэцкі).

Кампаненты, з якіх арганізуюцца аднародныя рады, функцыяніруюць у сказе як яго галоўныя ці даданыя члены. Назіранні паказваюць, што ў сучаснай беларускай мове (асабліва ў гутарковым і мастацкім стылях) аднародныя галоўныя члены ўжываюцца значна шырэй, чым аднародныя даданыя члены. Неаднолькавая частотнасць выкарыстання аднародных галоўных і даданых членаў у пэўнай меры залежыць ад спосабаў іх выражэння і прыёмаў арганізацыі ў складзе аднароднага рада. У адрозненне ад галоўных членаў, якія ў межах адной прэдыкатыўнай адзінкі заўсёды аднародныя, даданыя члены могуць быць або аднароднымі, або неаднароднымі. Аднароднасць даданых членаў часцей за ўсё рэалізуецца ў двухсастаўным сказе, тады як аднароднасць галоўных членаў можа быць рэалізавана не толькі ў двухсастаўным, але і ў аднасастаўным сказе. Як галоўныя, так і даданыя аднародныя члены могуць быць марфалагізаванымі і немарфалагізаванымі, нярэдка развіваюцца залежнымі ад іх словаформамі, якія ўдакладняюць іх семантычнае значэнне ці суправаджаюць яго дадатковымі мадальнымі або эмацыянальна-экспрэсіўнымі адценнямі. Праўда, у межах аднаго аднароднага рада звычайна аб'ядноўваюцца марфалагізаваныя або немарфалагізаваныя ці марфалагізавана-немарфалагізаваныя галоўныя члены і ў асноўным толькі марфалагізаваныя даданыя члены (адзначаныя ўласцівасці праяўляюцца асабліва выразна пры далучальным характары аднародных кампанентаў у радзе). Адметна і тое, што галоўныя члены лягчэй развіваюцца залежнымі словаформамі, чым дада-

ныя члены. Усё гэта сведчыць аб сэнсавай ёмістасці галоўных членаў і іх здольнасці выражаць больш разнастайныя семантыка-сіntaxічныя адносіны, чым даданыя члены.

Некаторыя даследчыкі (В. А. Белашапкава, І. К. Кучарэнка і інш.) сцвярджаюць, што аднародныя галоўныя члены (асабліва выказнікі) істотна змяняюць структуру сказа, ад чаго той павінен кваліфікавацца як складаназлучаны⁷. Аднародныя ж даданыя члены не змяняюць структурнай схемы сказа, які незалежна ад колькасці гэтых членаў у яго складзе разглядаецца як просты. Аднак падобнае проціпастаўленне сіntaxічных пабудоў з галоўнымі і даданымі членамі наўрад ці апраўданае, паколькі яно ставіць пад сумненне наяўнасць адзінай катэгорыі аднароднасці, якая існуе на ўзроўні сказа і ў аднолькавай меры датычыць усіх яго членаў. Але гэта, безумоўна, не значыць, што паміж складанымі і простымі сказами з аднароднымі членамі існуе выразная мяжа. У тых выпадках, калі развітыя выказнікі займаюць у сказе дыстантную пазіцыю, яны часта збліжаюцца з няпоўнымі прэдыкатыўнымі часткамі складаназлучанага сказа. Гэтаму збліжэнню садзейнічае своеасабліва інтанацыя, якая адрозніваецца не павышэннем, а паніжэннем асноўнага тона. У выніку «адбываецца спецыфічны зрух у логіка-граматычным характары ўсяго сказа»⁸, які прыводзіць да адпаведнага расчлянэння сказа, семантычнага ўзбагачэння кожнай з расчлянёных частак і набыцця імі большай граматычнай самастойнасці. Апрача таго, развітыя выказнікі могуць знаходзіцца ў розных прэдыкатыўных адносінах да дзейніка, напрыклад: *Мсціслаў паклаў пасму валасоў у медальён, а медальён схавай пад сарочку* (У. Караткевіч). Асабліва цяжкае размежаванне аднастаўных сказаў з галоўнымі членамі і складаназлучаных сказаў, у якіх аднастаўнымі з'яўляюцца прэдыкатыўныя часткі. Галоўныя члены аднастаўнага сказа фармальна незалежныя, у іх няма магчымасці падпарадкавацца агульнаму члену. Праўда, яны могуць падпарадкавацца агульны для іх член, у якасці якога звычайна ўжываюцца дэтэрмінаванае дапаўненне або дэтэрмінаваная акалічнасць: *Панаса арыштавалі і пасадзілі ў астрог* (Я. Колас); *У лесе было холадна і няўтульна* (К. Чорны). Параўн. складаназлучаныя сказы: *Панаса накармілі ды і далі яму спакой* (Я. Колас); *Холадна і няўтульна* (Я. Брыль). Блізкасць такіх пабудоў да складаназлучаных сказаў дае падставу разглядаць іх як пераходную з'яву паміж простымі (монапрэдыкатыўнымі) і складанымі (поліпрэдыкатыўнымі) сказами⁹. Пераходныя з'явы сведчаць аб існаванні недастаткова дыферэнцыраваных сказаў, а гэта пацвярджае сістэмны характар сіntaxічнага ладу, бо «наяўнасць перакрываваных сувязей і ўзаемазалежнасцей пры рознай ступені ахопу гэтых сувязей з'яўляецца надзвычай істотнай для сістэмнасці мовы, для яе цэласнасці»¹⁰.

¹ Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения.— Киев, 1971, с. 116.

² Реформатский А. А. Введение в языкознание.— М., 1955, с. 271.

³ Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка.— М., 1973, с. 209.

⁴ Гл.: Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык, т. 2.— М., 1958; Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка; Граматыка беларускай мовы, т. 1.— Мінск, 1962; Грамматика современного русского литературного языка.— М., 1970; Русская грамматика, т. 1, т. 2.— М., 1980.

⁵ Гл.: Виноградов В. В. Пушкин и русский литературный язык XIX в.— Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.— Л., 1941, с. 577.

⁶ Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка.— Л., 1973, с. 40.

⁷ Гл.: Белашапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке.— М., 1967; Михеева Н. С. К вопросу о границах простого и сложного предложения в современном русском языке.— М., 1974; Адамец П. Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка.— Прага, 1973; Кучеренко І. К. Логіко-сіntaxічна природа речень з адноріднымі членамі.— Мовознаўства, 1976, № 4.

⁸ Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка.— М., 1955, с. 200.

⁹ Гл.: Бабайцева В. В. Переходные конструкции в синтаксисе.— Воронеж,

1967; Севбо И. П. Структура связного текста и автоматизация реферирования.— М., 1969; Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка.

¹⁰ Гухман М. М. Понятие системы в синхронии и диахронии.— Вопросы языкознания, 1962, № 4, с. 26—27.

Л. И. СЯМЕШКА

З'ЯВЫ АНАЛІТЫЗМУ ў СКЛОНАВЫХ ФОРМАХ ЛІЧЭБНІКАУ У БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Усё большую ўвагу лінгвістаў у апошні час прыцягваюць пытанні, звязаныя з вывучэннем тых змен у галіне лексікі і граматыкі літаратурных моў, якія абумоўлены экстралінгвістычнымі фактарамі, у прыватнасці новымі ўмовамі існавання і выкарыстання мовы. Бурны прагрэс навукі і тэхнікі, які суправаджаецца рэзкім павелічэннем аб'ёму інфармацыі, развіццё і ўдасканаленне моўных сродкаў і спосабаў яе перадачы, змяненне суадносін паміж вуснай і пісьмовай формамі моўных зносін і іншыя фактары рэалізацыі моўнай дзейнасці аказваюць значны ўплыў на распаўсюджанне асобных моўных з'яў, выклікаюць змены ў жанрава-стылістычнай арганізацыі моўных сродкаў, стымулююць у пэўнай ступені ўнутрысістэмныя зрухі ў мове.

Такімі сацыяльна абумоўленымі ў канчатковым выніку зрухамі ў граматычным ладзе большасці славянскіх моў з'яўляюцца развіццё і пашырэнне элементаў аналітызму на марфалагічным і сінтаксічным узроўнях як вынік тэндэнцыі да эканоміі знакавых сродкаў выражэння, уніфікацыі і павышэння іх выразнага патэнцыялу. Праяўленні аналітызму ў галіне марфалогіі і сінтаксісу ўзаемазвязаны і часта маюць агульны характар. Так, сутнасць аналітызму ў марфалогіі заключаецца ў тым, што парадыматычныя ўласцівасці іменных часцін мовы выражаюцца не формамі словазмянення, а сродкамі кантэксту, у сінтаксісе ж аналітызм праяўляецца ў паслабленні сінтагматычных сувязей, у пашырэнні «свабодных», «прымыкаючых» канструкцый, словы і часткі якіх аб'ядноўваюцца не «па звычайных законах дапасавання ці кіравання, а шляхам іх простага супалажэння або прымыкання, што патрабуе ад залежнага слова яго зыходнай формы»¹.

Сярод «свабодных» канструкцый, якія актывізаваліся ў апошні час у беларускай мове, звяртаюць на сябе ўвагу спалучэнні назоўніка з колькасным лічэбнікам у форме назоўнага склону. Гэты колькасны лічэбнік узыходзіць да азначэння, выражанага парадкавым лічэбнікам: **Алімпіяда-80** (Алімпіяда 1980-га года), **Касманаўт-1** (першы касманаўт), **РБУ-35** (трыццаць пяце РБУ). Пры такім ужыванні колькасны лічэбнік як пэўная граматычная катэгорыя, якая мае формы словазмянення, у структуры словазлучэння не рэалізуе гэтых магчымасцей і прымыкае да стрыжнёвага слова ў сваёй зыходнай форме. Гэта значыць, што нульвыя флексіі развіваюцца ў межах лічэбніка, які ў падобных пазіцыях свае парадыматычныя ўласцівасці выражае сродкамі кантэксту. Параўн.: Статыстыка **сезона-79** (Беларусь, 1980, № 3); Тры каманды ў **сезоне-79** так і не вычарпалі свой ліміт (там жа); Касцяк сталічнага «Дынама» — **чэмпіёна-82** (Звязда, 1982, 12 снежня). Выступаючы ў ролі своеасаблівага азначальніка, колькасны лічэбнік страчвае сваё спецыфічнае лікавае, колькаснае значэнне і функцыянальна набліжаецца да постпазіцыйнага аналітычнага прыметніка. Параўн.: Сяджу на **пасту нумар адзін** (К л і м у к П. Зоры побач); У **конкурсе 100-42** бяром таймаўт (Звязда, 1982, 9 снежня); З усіх праблем навакольнага асяроддзя вада — **праблема нумар адзін** (ЛіМ, 1983, 11 лютага).

З'явы дэфлексіі лічэбнікаў развіваюцца ў беларускай мове пад непасрэдным уплывам рускай мовы, у якой «нескланяльнасць колькасных лічэбнікаў (або колькасных, узнікшых з парадкавых) становіцца нормай пісьмовай літаратурнай мовы», а дэфлексія з'яўляецца «адным з актыўных працэсаў іменнага скланення сучаснай рускай мовы»². Характэрна, што ўплыў рускай мовы ў гэтым выпадку не абмяжоўваецца толькі

знешнім уздзеяннем. Як вядома, уплыў чужой мовы, гаворачы словамі Б. Гаўранека, — гэта таксама і нешта «звязанае з унутраным, іманентным развіццём мовы, якая выбірае тое, што патрабуецца адпаведна яе структуры і моўным умовам яе развіцця. Тое, што мова выбірае, становіцца састаўной часткай яе іманентнага развіцця»³. Шырокае распаўсюджанне ў рускай мове словазлучэнняў з аналітычнай формай колькаснага лічэбніка, абумоўленае актывізацыяй тых моўных сродкаў, якія забяспечваюць большую лаганічнасць, «эканомнасць», а таксама большую экспрэсіўнасць, дзейнасць выказвання⁴, з аднаго боку, а з другога — блізкасць граматычных структур беларускай і рускай моў, развіццё беларускай мовы ва ўмовах непасрэднага і ўсебаковага кантакту з рускай стымулявалі зрухі ва ўжыванні лічэбнікаў у беларускай мове. У значнай ступені гэтаму спрыялі і агульныя для абедзвюх моў сацыяльныя фактары, што вызначаюць асноўныя напрамкі моўнага развіцця. Імклівы працэс матэматызацыі розных навук, які ідзе на змену апісальным метадам, атэалізацыі матэматычных ведаў сярод шырокіх мас абумовілі ўзмоцненае функцыянаванне знаковых абазначэнняў лічбаў і ўзрастанне ролі ліку не толькі ў спецыяльных сферах, але і ў агульналітаратурнай мове. Так, пастаянная патрэба ў эканомных і адначасова выразных сродках намінацыі разнастайных матэрыялізаваных дасягненняў навукова-тэхнічнага прагрэсу забяспечваецца ў многіх выпадках побач з традыцыйнымі сродкамі актыўным выкарыстаннем элементаў матэматычнай мовы (знакаў, сімвалаў, лічбаў і інш.).

Найбольш характэрным прыкладам спалучэння мовы слоў і мовы лічбаў з'яўляюцца шырока распаўсюджаныя як у рускай, так і ў беларускай мове наменклатурныя адзінкі, якія выкарыстоўваюцца для наймення аднародных паняццяў, што знаходзяцца на адным узроўні абстракцыі і адлюстроўваюць класы аднародных прадметаў. Мадыфікацыя аднаго і таго ж прадмета, вырабу адзначаецца нумарнымі знакамі ў форме розных варыянтаў постпазіцыйнага колькаснага лічэбніка: апараты **Марс-3**, **Марс-5**; асноўныя віды ядзернага паліва **уран-235**, **уран-238**, **ЭВМ «ЕС-1035»**, **«ЕС-1060»** і інш. Спалучэнне назоўніка з колькасным лічэбнікам з'яўляецца зручным спосабам намінацыі ў выпадках, калі трэба падкрэсліць прымету колькасці, парадку, класнасці, велічыні, г. зн. вылучыць якую-небудзь колькасную прымету прадмета. Так, у назвах радыёпрыёмнікаў **«Рыга-103»**, **«Мелодыя-105»** першая лічба абазначае класнасць апаратуры, у назвах касмічных караблёў **«Усход-1»**, **«Усход-2»**, **«Саюз-36»** і інш. — парадкавы нумар мадэлі і г. д.

Гэты спосаб наймення праз газеты, навукова-тэхнічныя, навукова-папулярныя часопісы, рэкламныя матэрыялы стаў шырока вядомы ў беларускай мове ў 50—60-я гады. Цяпер ён ахоплівае самыя разнастайныя наменклатурныя адзінкі — назвы прадметаў народнага ўжытку, прамысловага абсталявання, прыборабудаўніцтва, службы для фіксацыі і перадачы навуковай, ваеннай інфармацыі. Пераважная большасць наменклатурных адзінак узнікае ў рускай мове і затым адэкватна перадаецца сродкамі беларускай мовы, пэўная частка іх ствараецца паралельна па аднолькавых мадэлях з рускімі. Параўн.: рус. **Восток-1**, **Луна-24**, **МХАТ-2**; бел. **Усход-1**, **Месяц-24**, **БДТ-2** і інш.

Шырокая ўжывальнасць колькасных лічэбнікаў у ролі своеасаблівых кодавых азначальнікаў у спецыяльных сферах аказала ўплыў на марфалагічны статус гэтых адзінак у іншых разнавіднасцях літаратурнай мовы. Аналітычныя формы колькасных лічэбнікаў становяцца рэгулярнымі ў вусна-гутарковым маўленні, яны шырока пранікаюць у розныя жанры газетна-публіцыстычнай мовы, у творы мастацкай літаратуры. Напрыклад: гатоўнасць нумар адзін, вуліца **Леніна**, **6**, дом **пяць дроб два**, на адлегласці **сем кіламетраў**, на глыбіню **тры сантыметры** і інш. У гэтых прыкладах адлюстроўваецца характэрная асаблівасць гутарковай мовы спалучаць словы ў іх зыходнай форме. У якасці стрыжнявых слоў у такіх словазлучэннях часцей за ўсё выступаюць канкрэтныя назоўнікі тыпу **дом**, **корпус**, **рэйс**, **вагон**, якія могуць быць прануме-

раваны, або рознага тыпу абрэвіятуры, уласныя імёны, якія могуць мець колькасныя азначальнікі: аўтакалона 2427, ГПЗ-1, БУ-3, ЖЭС-35, мік-параёны «Мір-1», «Мір-2» і г. д.

Характэрна, што кола слоў, здольных спалучацца з аналітычнай формай лічэбніка, пастаянна пашыраецца, і папаўненне іх у прынцыпе нічым не абмежавана. Так, у апошні час намінатыўныя словазлучэнні з аналітычнай формай колькаснага лічэбніка замест адпаведных апісальных канструкцый шырока выкарыстоўваюцца ў газетнай публіцыстыцы для абазначэння паняццяў грамадска-палітычнага, культурнага жыцця. Імкненне перадаць максімум інфармацыі найменшым наборам сродкаў паведамлення выклікала з'яўленне словазлучэнняў тыпу **уряджай-80**, **абітурыент-82**, **фотаграфіка-81**. Розныя этапы перагавораў аб абмежаванні стратэгічных наступальных узбраенняў атрымалі назву **АСУ-1**, **АСУ-2**. З узростаннем ролі і пашырэннем функцый адрасаванай масаваму чытачу і слухачу мовы гэты тып яркай «шыфраванай» назвы набывае магчымасць функцыяніраваць у неабмежавана шырокім коле тыповых кантэкстаў. Параўн.: Па дарозе **Еўропа-4** (Барадулін Р. Вечалле); Беларускае кінематографы рыхтуюць фільмы для **Экспо-70** (Польмя, 1969, XI); «**Міні-фота-79**» — своеасаблівы летапіс сучаснасці (Беларусь, 1980, 1). Выкарыстоўваюцца разглядаемыя адзінкі і ў нулявым кантэксце, напрыклад, як назвы асобных загаловаў, рубрык у газетах: **Навігацыя-83**; Раённае свята «**Спорт-82**»; «**Восень-81**» (аб аўтаралі, праведзеных у Мінску ў 1981 годзе); назвы літаратурных альманахаў: «**Далягляды-79**», «**Братэрства-82**»; назвы кінафільмаў, фестываляў: «**Тэгеран-43**», «**Беларуская музычная вясна-80**» і інш. У гэтых назвах вылучаецца ўсё найбольш важнае і апускаецца тое, што з пункту погляду інфарматыўнасці з'яўляецца збытковаўным.

Цяжка сказаць, наколькі трывала замацоўвацца ў мове падобныя канструкцыі, таму што многае тут вызначаецца і модай, але сам факт іх з'яўлення ў мове масавай інфармацыі адлюстроўвае пэўныя зрухі ва ўжыванні лічэбнікаў. «Матэматычна адцягненае мысленне, — адзначаў В. У. Вінаградаў, — уварвалася ў агульную мову і трансфармавала сістэму лічэбнікаў, пазбавіўшы іх выразных форм імені, адарваўшы іх ад структуры назоўнікаў і прыметнікаў»⁶. Замацаванню аналітычных форм у значнай ступені спрыяюць графічнае адлюстраванне лічэбнікаў пры дапамозе лічбаў, а таксама пастаянная постпазіцыя ў адносінах да стрыжнявага слова. Нескланяльнасць іх падтрымліваецца і існаваннем групавых аналітычных азначальнікаў тыпу **лік 3 : 2**, **адносіны 2 : 1**, **вынік 6 : 7**, якія, замяняючы сабою склонава-прыназоўнікавыя канструкцыі, прымыкаюць да стрыжнявага слова ў назоўным склоне. Канструкцыі з групавым колькасным азначальнікам, крыніца якіх матэматычнае выражэнне адносін, сустракаюцца ў мове розных галін навукі і тэхнікі. Аднак найбольш шырока яны прымяняюцца ў спартыўнай тэрміналогіі для запісу ліку гульні. Напрыклад: **Вострая гульня дынамаўцаў скончылася з лікам 0 : 0** (Кавалёў П. Пакінь нас, трывога); **Упэўненая перамога над гродзенцамі — 5,5 : 2,5** (Звязда, 1983, 1 лютага). Паколькі ў якасці стрыжнявага слова тут, як правіла, выкарыстоўваюцца назоўнікі **лік**, **вынік**, якія ўвогуле могуць апускацца ў тэксте, то такая канструкцыя ператвараецца ў своеасаблівы сінтаксічны фразеалагізм. Параўн.: **Маскоўскія баскетбалісты зраўнялі лік 91 : 91**, а ў дадатковыя пяць мінут яны забралі сабе і сярэбраныя медалі — **104 : 100** (Звязда, 1982, 15 красавіка).

Такім чынам, новае ва ўжыванні лічэбнікаў у беларускай мове заключаецца найперш у павелічэнні частотнасці словазлучэнняў з прымыкаючай аналітычнай формай лічэбніка, а таксама ў пашырэнні кола слоў, якія спалучаюцца з гэтай формай. Новая мадэль словазлучэнняў з прымыкаючым азначальнікам — колькасным лічэбнікам, больш эканомная, чым адпаведны апісальны зварот, становіцца рэгулярнай у тэкстах рознай функцыянальнай накіраванасці. Развіццё такіх канструкцый у беларускай мове — гэта адно з праяўленняў працэсаў, якія адбываюцца

Ў граматычным ладзе многіх развітых літаратурных моў, і якія ў абагуленым выглядзе могуць быць вызначаны як працэсы «сцяжэння», «кандэнсацыі», «апрошчання» сінтаксічных структур. Інтэнсіўнасць працякання гэтых працэсаў выклікаецца «патрэбнасцю ў лаканічных і ў той жа час наглядна-выразных формулах выказвання — патрэбнасцю, якая ўзмацнілася ў наш час дзякуючы паскарэнню тэмпу жыцця і актывізацыі яго грамадскага пачатку»⁶.

¹ Иванчикова Е. А. О развитии синтаксиса русского языка в советскую эпоху.— У кн.: Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966, с. 18.

² Акимова Г. Н. Новые явления в грамматическом строе современного русского языка.— Русский язык в национальной школе, 1980, № 5.

³ Гавранек Б. К проблематике смещения языков.— Новое в лингвистике, вып. VI: Языковые контакты. М., 1972, с. 107.

⁴ Гл.: Шмелев Н. Д. О семантических изменениях в современном русском языке.— У кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964, с. 16.

⁵ Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове).— М., 1972, с. 234.

⁶ Иванчикова Е. А. Адзнач. работа, с. 14.

М. Л. ЗУЕУ

ПАРАНАМАЗІЯ ў ТВОРАХ СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ

Паранамазія* як стылістычная фігура, сутнасць якой заключаецца ў свядомым збліжэнні слоў, што маюць гукавое падабенства, але розны сэнс, у сучасным мовазнаўстве разглядаецца па-рознаму. Часта яна лічыцца суадноснай з параніміяй. «У стылістыцы,— адзначае Ф. П. Філін,— паронімы з'яўляюцца асобнай фігурай — паранамазіяй»¹. Некаторыя даследчыкі сцвярджаюць, што паранімія і паранамазія — дзве самастойныя з'явы ў мове. Для параніміі, у прыватнасці, «характэрна каранёвая роднасць сугучных слоў» і «наяўнасць гнёздаў моўных пар»². Што да паранамазіі, то, згодна з поглядамі адных вучоных, яна назіраецца пры фанетычнай блізкасці рознакарэнных, але сугучных слоў, адрозных усяго толькі адным якім-небудзь гукам ці складам. Другія даследчыкі пад паранамазіяй разумеюць наогул «любыя гукавыя падабенствы слоў»³. На нашу думку, паранамазіяй усё ж мэтазгодней лічыць менавіта рознакарэнныя (але блізкія ў фанетычных адносінах) словы, якія адрозніваюцца гукам або складам у корані, або афіксе. Калі разглядаць паранамазію як любыя гукавыя падабенствы слоў, то аб'ём яе занадта пашырыцца. За любымі гукавымі падабенствамі ў лінгвістычнай літаратуры зараз замацоўваецца тэрмін «паранімічная атракцыя».

Стылістычныя функцыі паранамазіі яшчэ амаль не вывучаліся. У беларускім мовазнаўстве наогул няма спецыяльных прац, у якіх разглядалася б стылістычнае выкарыстанне гэтай фігуры. Зусім не даследавалася паранамазія як прыём стварэння гумару і сатыры. У артыкуле ставіцца задача на матэрыяле твораў сучаснай беларускай літаратуры разгледзець найбольш тыповыя прыёмы выкарыстання паранамазіі.

Пісьменнікі, свядома збліжаючы блізкія паводле гучання словы, дасягаюць пэўнага стылістычнага (найчасцей — камічнага) эфекту. Нечаканае сутыкненне сугучных, але розных па семантыцы слоў, стварае пэўную стылістычную экспрэсію ў сатырычных і гумарыстычных вершах. Напрыклад: Складаю прытчы павучальныя, пішу сцэнарыі вячальныя. Паэмы тронна-велічальныя і электронна-вылічальныя. (В. Вітка. Падрадчык); З усіх сусветных кніжных скарбаў любіў ён толькі кнігу скаргаў (П. Сушко. Адналюб); Такуе крытык, Атакуе. Ды думку я таю Такую (Р. Барадулін. Перакананне Пятра Прыходзькі).

Абыгрыванне паранамазіі з мэтай дасягнення лёгкай усмешкі, жарту характэрна і для беларускай дзіцячай паэзіі: І на балконе глядачы

Дрыжалі, Моўчкі гледзячы, як важна ў партэры Сядзелі дзве пантэры (Р. Барадулін. На прэм'еры); Каля лесу бегла Ліска, А насустрач Лісцы Лыска (Р. Барадулін. Ліска і Лыска); Вось у нас выдатніца, Да навукі здатніца. У шэрай цяцёркі па пісьму пяцёркі (В. Вітка. Цяцёрка); Я пад першы парог — А мне з хаты — пірог (В. Вітка. Дударык). Выкарыстоўваюцца сугучныя словы (параномасы) ў скоргаворках (Калі ў торбе Кобра — Гэта вельмі добра (В. Вітка. Кобра), кароткіх сатырычных мініяцюрах (Калі б ён не піў прапіваючы, Жыў бы, відаць, прыпяваючы. А ён дык усё спалучае: Адразу і п'е, і спявае (Р. Лазуркін. Спалучэнне), пародыях, эпіграмах (Той уласны сказ бракуе. Той да славы шлях брукуе (Р. Барадулін. Як трапіць на прыём). З дапамогай паранамастычных слоў могуць перадавацца рознастайныя адценні камічнага — ад дабрадушнага гумару, да з'едливай сатыры і сарказму: Цячэ гаворка, як віно. І да відна Дна не відно (Р. Барадулін. Слова ў застоллі Геворга Эміна); Не будзь толькі хцівы і хіжы, Помні, што блат — твой брат. Як будзеш хапаць сабе пыжык — Хапай мне такі ж акурат (В. Вітка. Дэман — спакуснік).

У каламбурную гульню фанетычна падобных, але не аднолькавых па сэнсу слоў могуць свядома ўключацца прозвішчы персанажаў. Прыклад такога абыгрывання сугучных слоў маем у наступным дыялогу. Курбатаў. Аферысты бываюць розных калібраў. Калібераў. Што? Курбатаў. Я кажу, таварыш Калібераў, што аферысты бываюць розных калібраў» (А. Макаёнак. Выбачайце, калі ласка). Свядомае сутыкненне ў рэпліцы пракурора Курбатава прозвішча Калібераў і сугучнага з ім агульнага назоўніка калібраў выяўляе сатырычна-адмоўныя адносіны Курбатава да несумленнага чалавека і махляра Каліберава. Аналагічны прыём выкарыстоўваецца ў камедыі Э. Валасевіча «З носам». Жонцы старшага ветэрынарнага ўрача абласнога ўпраўлення Прузыне не па душы яе імя: «Зусім другое — Мацільда, Венера, Псіхей! Гэта ж чудоўна!.. Я і прозвішча сабе змяню. Якая ж я Круціла? Шэрасць. Няхай хоць бы Круцілло! Нешта ад французскага». Не падабаецца мяшчанцы і імя па бацьку — Нічыпараўна: Прузына... Напалеонаўна! Во гэта — шык!» У адказ ёй гучыць рэпліка мужа: «Ну добра. Хай будзе пшык. Давай есці».

Пэўны стылістычны эфект, як паказваюць прыклады, дасягаецца паранамастычнымі словамі. Прозвішча, якое з'яўляецца адным з параномасаў, ужываецца з адценнем лёгкага гумару ў сяброўскіх эпіграмах: «П'ём, як з карца... За нязломнасць духу. Амін. За жонку... За шчыруху ў руху! Эмін» (Р. Барадулін. Слова ў застоллі Геворга Эміна). Прыкладам стылістычнага скарыстання паранамазі можа служыць наступны дыялог з камедыі К. Крапівы «Брама неўміручасці»: «Дабрыян. А як вас зваць? Калгасніца. Прозвішча Лапата. Ну, пішучь — Лапато. Гэта як бы далікатней. А завуць Алена. Алена Максімаўна».

Сустракаюцца выпадкі, калі адным з параномасаў з'яўляецца агульны назоўнік, а другім — уласны, што абазначае геаграфічную назву. У кнізе «Колас расказвае пра сябе» М. Лужанін прыводзіць наступны эпізод з жыцця народнага пісьменніка: «Канстанцін Міхайлавіч узяў даволі старую кнігу «Список населенных мест Минской губернии» і доўга смяўся, што назвай «Ляхва» занята больш за дзве старонкі дробнага друку. «Няўжо ў тых мясцінах нашаму брату была такая лафа? Усе гэтыя Ляхвы не так далёка ад Лунінца. Там жа тулілася і першае месца майго юнацтва — Люсіна. А я не сказаў бы, што там вялікая лафа». Выкліканыя назвай вёскі Ляхва асацыяцыі сугучнага, але не роднаснага слова лафа (з размоўным адценнем у значэнні «выгада») з'явіліся «матэрыялам» для каламбура.

Увогуле ў творах беларускай літаратуры досціп, вострае слова, рознага тыпу абыгрыванні лексіка-фразеалагічных сродкаў мовы — з'ява даволі пашыраная. Гэта ў пэўнай ступені тэндэнцыя, агульная заканамернасць мовы мастацкіх твораў. Слушна адзначаецца, што, «многія ге-

роі п'ес савецкай драматургіі 70-х гадоў дасціпна гавораць, надаюць сваім рэплікам форму саркастычных сентэнцый, жартоўных і парадаксальных выказванняў⁴. Прыкладам выкарыстання сугучных слоў можа служыць наступны ўрывак з камеды Н. Гілевіча «Не кажы «гоп...» Кандыдат у аспіранты Пацяруха чытае «абноўленыя» ім народныя прыпеўкі жонцы дацэнта Кутаса і домработніцы Ганне Піліпаўне». Пацяруха (разгублена-вінаватым голасам). Алена Змітраўна! Даруйце, калі ласка! Гэта стары варыянт праскочыў... Дазвольце, я пачну спачатку. Алена Змітраўна (іранічна ўсміхаючыся). Калі ласка... Ганна Піліпаўна. Глядзі ж, каб і зноў які стары вар'ят не праскочыў. Востры сатырычны эффект супраць тых, хто несумленным шляхам імкнецца трапіць у інстытут і хто ім дапамагае, ствараецца з дапамогай параномасаў у наступным урыўку. Дацэнт Пусці-Павалюся пытае на экзамене абітурientа Аскольда: Што трэба ўзяць для вокісу — па логіцы? (Аскольд маўчыць). Скажыце: «Купрум-о! Ну! Аскольд. Цукрум-о! Пусці-Павалюся: Не цукрум — купрум! Цукрам чай салодзіцца, А гэта ж вокісь!.. (Н. Г і л е в і ч. Формула іржавіны).

Камічны эффект узнікае, калі адно з сугучных слоў, якія ўтвараюць паранамазію, з'яўляецца словам іншамоўнага паходжання: «Карчмарка. То, можа, з дарогі пан чарачку гарэлкі загадае — пагрэцца. **Быкоўскі**. Шампану прошу бутэльку, чыстага французскага шампану, і закусіць — сігі вьндзонія ў цябе ёсць? Карчмарка. Жартаўнік вы, пан Быкоўскі, просіць чаго няма. Я і з роду не чула, каб фігі вьндзілі. **Быкоўскі**. Не фігі, а сігі, рыба такая... (шырока разводзіць рукамі). Кіт! (В. В і т к а. Шчасце паэта). Эфектыўна сутыкаецца слова іншамоўнага паходжання і ў наступным урыўку з аповесці З. Бядулі «Салавей». Пан Вашамірскі, пачуўшы мастацкі свіст Сымона, запляскаў у далоні і, як у парыжскім тэатры, закрычаў: «**Біс!**» (Слова біс ні для каго не было зразумелым). А як жа, яснавяльможны пане, акурат **бес!** — уставиў эканом. «Маўчы, галган!» — крыкнуў пан. Уступаць у паранамастычныя адносіны можа таксама крылаты выраз і фанетычна падобны да яго словы. Напрыклад: Кузьміч. У мяне ўнук — ад Фроські, да чаго паскуднік, а на кожным слове... па-загранічнаму: **момэнто морэ, момэнто морэ**. Гэта паіхнямю, лаві выпадак, не спі, маўляў... пакуль не пасадзілі. **Максім** (Налівае сабе зноў). Ну, дзед, за ўнука і за маменты ў моры!» (А. П е т р а ш к е в і ч. Укралі кодэкс). Лацінскі выраз *temento mori* (помні пра смерць) у рэпліцы **Максіма** дасціпна абыгрывацца, у выніку — ствараецца жарт, гумарыстычны эффект.

У мастацкіх творах з дапамогай параномасаў дасягаюцца «своеасаблівыя» «пералівы» формы і зместу ў слове⁵. Напрыклад: Як не сама літаратура, Дык час ёй зробіць добры лад. І для халтуры на хаўтуры Не паскупіцца на разрад (М. Л у ж а н і н. Як нараджаўся новы свет). Адным з тых, хто ў мастацкай літаратуры па-майстэрску валодае «пералівамі» формы і зместу, з'яўляецца Р. Барадулін. У яго моватворчасці сатырычны ці гумарыстычны эффект часта ствараецца нечаканым супастаўленнем у кантэксце параномасаў. Прыклады: Шаноўны прафесар! Адкіньце **кульбу!** Чытайце лозунг: «Усе на **бульбу!** (Р. Б а р а д у л і н. Усе на бульбу!); Ціск можна збіць з панталыку, як нама, Чорнай **ароніяй** З дачнага ўчастка, Можна таксама — Светлай **іроніяй!** (Р. Б а р а д у л і н. Карысная парада). Зрэдку сустракаюцца ў мастацкай літаратуры выпадкі адначасовага выкарыстання параномасаў і амафонаў: Сіл патрабуецца для справы **трошкі**. Як, скажам, са стала падмесці **крошкі**, А бюракрат з ёй гэтак **валаводзіць**. Як быццам па загоны **вала водзіць**. (П. С у ш к о. Валавод). Часам у мастацкіх творах параномасы могуць утвараць так званую («унутраную рыфму»: Даў сабе **сурок Зарок** — Болей не лічыць **сарок**. (Р. Б а р а д у л і н. Як сурок лічыў сарок?). Сутыкненне побач такіх слоў стварае моўны каламбур, гульнію слоў.

Некаторыя вучоныя лічаць разнавіднасцю паранамазіі нечаканыя свядомыя перастаноўкі («перавёртванні») гукаў, слоў у адносна невялікіх кантэкстах. Напрыклад: Добры госць **Есць**, што ёсць. У **благага** свая

чэсьць: Што ёсць — не есць. (В. Вітка. Добры госць); Усяк бывае, і жабрак пану грош кідае... Дзе наша не прападала. Прапала вяроўка, прападай кароўка. (Л. Радзевіч. Блуднікі). Тут у каламбурную гульнію слоў уступаюць апошні кампанент фразеалагізма «дзе наша не прападала» і аднакарэнныя з гэтым кампанентам дзеясловы прапала, прападай у складзе прыказкі. Усё ж такія выпадкі да паранамазіі могуць быць аднесены толькі ўмоўна.

Паранамазія ў лінгвістычнай літаратуры слухна называецца цікавай стылістычнай фігурай⁶. Яна ўжываецца ў розных стылях мовы, але асаблівае пашырэнне набыла ў мастацкай літаратуры, дзе з'яўляецца адным з дзейсных і эфектыўных прыёмаў стварэння гумару і сатыры.

¹ Филин Ф. П. Слово и его значение.— Русская речь, 1980, № 3, с. 80.

² Вишнякова О. В. Паронимы современного русского языка.— М., 1981, с. 44.

³ Бельчиков Ю. А. Параномазия.— У кн.: Русский язык: Энциклопедия. М., 1979, с. 199.

⁴ Винокур Т. Г. О языке современной драматургии.— У кн.: Языковые процессы современной русской художественной литературы: Проза.— М., 1977, с. 336.

⁵ Минаева Л. В., Феденев В. Б. Паронимия в языке и речи.— Вопросы языкознания, 1982, № 2, с. 54.

⁶ Гл.: Щербина А. А. О некоторых приемах «заострения слога».— Русский язык в школе, 1975, № 3, с. 80.

Н. А. АВЛАСЕНКО

ОБРАЗНО-МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С НАРЕЧИЯМИ

Образное функционирование слова связано прежде всего с развитием в нем дополнительных смысловых оттенков, которые реализуются в словосочетании или более широком контексте. Нарушение общезыковых системных связей слова создает метафорический его смысл. Образность метафоры основана на индивидуально-авторском восприятии действительности. «В метафоре резко выступает строго определенный, единственный субъект с его индивидуальными тенденциями мировосприятия»¹. Следствием метафорического словоупотребления является экспрессия как оценочная категория, которая дает эстетически переживаемое «приращение смысла», воздействует на читателя своей образностью, потому что «слово является одновременно и знаком мысли говорящего и признаком прочих психических переживаний, входящих в задачу и намерение сообщения»². Важно выразить не только свое, авторское понимание какого-либо явления, но заставить сопереживать с ним читателя. В данной статье рассматриваются грамматические особенности, изобразительные возможности и функциональная специфика словосочетаний с метафорическими наречиями, имеющими форму на -о/е в текстах художественных произведений — прозе и поэзии. По словам А. И. Чижик-Полейко, «наречия с суффиксами -о/-е составляют основной массив экспрессивных, эмоциональных, характеризующих, живописующих средств этой части речи»³. Метафоричность наречий — это новая семантическая функция, которая появляется в результате употребления этих наречий в необычном словесном окружении, когда «одна и та же внешняя оболочка слова обрастает побегами новых значений и смыслов»⁴.

Метафоризация наречий имеет свои особенности, которые заключаются в том, что признак наречия, употребленного в переносном значении, косвенно связывается со словом, обозначающим предмет (именем существительным). Связь наречия с именем существительным осуществляется через посредство прилагательных и глаголов, называющих признаки и действия этих слов. Прилагательное или глагол помогают метафоризации наречия, образуя единую смысловую метафорическую структуру. Следовательно, существительные в таких сочетаниях выпол-

няют прямые, номинативные функции и связывают все словосочетание с действительностью, а наречия вместе со связующими компонентами (глаголом или прилагательным) служат средством образного представления изображаемого. Рассмотрим пример: *Крупный мокрый снег лениво кружится* около только что зажженных фонарей (Чехов. Тоска). В данном тексте образно-метафоризированным смыслом наделено словосочетание *снег лениво кружится*. Слова *снег* и *лениво* в речи имеют разное семантическое окружение, в своей смысловой структуре они не содержат никакого общего признака. Но слово *снег* мотивирует выбор предиката *кружится*. Признак, который приписывается этому слову ('1. делать круговые движения; вращаться, вертеться' и '2. делать, описывать круги на лету'⁵), реализует свои первичные функции по отношению к существительному, позволяет при данном глаголе употребить наречие *лениво*. Однако слово *снег*, синтаксически и семантически связанное с предикатом, не допускает сочетания с наречием *лениво*, потому что оно называет признак иного семантического плана. Таким образом, наречие в данном примере получает переносное значение по отношению к существительному через посредство глагола, что и приводит к восприятию всего словосочетания *снег лениво кружится* как средства образного представления описываемой ситуации. Смысловая ассоциация эмоционально-образного характера, мотивированная субъективно-авторским восприятием, связанным с видом снега, основана на смещении обычных лексических связей слова. По этой же модели образованы метафорические сочетания А. М. Горького: *Надежда мягко отскочила, приветно сияют золотые кресты, губы жадно приоткрыты*. В них так же, как и в рассмотренном выше словосочетании, при существительных употребляются предикаты, указывающие на реальное свойство предмета, названного субъектом. Присоединение совместимого с предикатом, но не совместимого с субъектом по смыслу наречия и создает семантическую дуплановость признака. Свообразием семантических отношений между компонентами словосочетания усиливает экспрессивно-образный смысл высказывания в целом.

Оживляется образность, а также экспрессивная насыщенность словосочетания с метафорическим наречием, если глагол или прилагательное употреблены по отношению к существительному не в прямом, а в переносном значении: *Деревянный город Буев тесно сжался на угорье, над рекой Оберихой; дома запутанно кружатся, улицы... лениво расползлись* во все стороны; *переулки слепо натываются* на заборы (М. Горький. По Руси). В данном тексте метафоричны оба члена словосочетаний по отношению к существительным — и глаголы (*город сжался, дома кружатся, улицы расползлись, переулки натываются*), и наречия (*город тесно сжался, дома запутанно кружатся, улицы лениво расползлись, переулки слепо натываются*). Анализ компонентов помогает обосновать языковую возможность сочетания несочетающихся, на первый взгляд, слов. Глаголы здесь употреблены в прямом номинативном значении по отношению к наречиям, но эти значения глаголов не совместимы с лексическим значением существительных, с которыми они координируются. Признаки, заключенные в наречиях и ассоциативно связанные с существительными, мотивированы употреблением предикативных компонентов — глаголов. Но вместе с тем, эти признаки имеют переносное значение по отношению к существительным, в результате чего возникают новые смысловые оттенки наречий, которые помогают автору передать свое мироощущение при описании явлений действительности.

Наблюдения показывают, что при метафорическом употреблении наречий отношения между компонентами словосочетания по степени реализации прямого и переносного значений могут быть различными. Это прежде всего равномерное распределение прямого и переносного значений признака, заключенного в наречии, по отношению к существительному. Оба значения сосуществуют, но степень соотношения этих

значений в каждом конкретном случае неодинакова. Например: Председатель, *антрацитово блеснув глазами*, повысил голос (А. Толстой. Восемнадцатый год). Наречие *антрацитово* совмещает здесь два значения — прямое от прилагательного *антрацитовый* — 'очень черный с блеском' и переносное 'злой, страшный'. Эти два значения реализуются в наречии равномерно. Ср. еще: (*ослик*) вытянул шею и — прискорбно закричал, но, должно быть, ему не понравился свой голос в этот день, — *skonфуженно оборвав крик* на высокой ноте, он встряхнул мохнатыми ушами (М. Горький. Сказки об Италии). Создавая образ сконфуженного ослика (в сочетании *skonфуженно оборвав крик*) автор использует номинативное значение наречия и ситуативное его употребление.

Языковой материал представляет нам возможность наблюдать почти полную нейтрализацию элементов общеязыкового значения метафоризированных наречий. Прямое значение едва ощутимо, хотя непременно улавливается: Сейчас даже посторонний человек сказал бы, что они братья: куда денешь одинаково выпирающие скулы и *нахально лезущие на лоб густые разлохмаченные брови* (В. Распутин. Последний срок). В данном примере образное словосочетание *нахально лезущие на лоб брови* создается по ассоциации *нахально лезть куда-то человеку*, в метафорическом употреблении это значение признака почти утрачивается и на первый план выступает переносное его восприятие — высоко расположенные, широкие, разлохмаченные брови. Прямое значение заменяется образным употреблением⁶.

Изучение особенностей употребления метафорических сочетаний с наречиями позволяет говорить, что главная роль в процессе метафоризации наречий принадлежит основной семантической категории существительного — категории одушевленности — неодушевленности. Именно эта категория определяет основные разновидности расширения лексических связей наречия и является показателем нарушения их обычной сочетаемости. Обновление смыслового объема и образование новых смысловых оттенков наречия происходит в следующих случаях:

1. При переносе выраженных наречиями признаков, свойственных одушевленному существительному, на неодушевленные существительные: *Стены, потолок, лампа и ковер на полу замигали ей насмешливо* (Чехов. Попрыгунья). Насмешливо подмигивать может человек. Этот признак наречия с помощью глагола переносится на неживые предметы окружающей среды, быта — *стены, потолок, лампу*. В результате такого переноса и создается метафорически-образное, эмоциональное сочетание, усиливается его воздействующая сила. Образно-метафоричны и следующие сочетания, в которых признаки, названные наречиями и свойственные одушевленному предметам, приписываются 'неодушевленному': *густо жметса крапива, коварно обжигая малых ребят; овраг вычурно изгрыз землю; земля любовно подбрасывает его; скучно желтые цветы* (М. Горький. По Руси). Первичное значение употребленных в словосочетаниях наречий связано с человеком. Это значение не утрачивается полностью, поэтому налицо игра двух значений — прямого и переносного.

2. При переносе признаков, свойственных неодушевленному предметам, на явления, характерные для человека, свойственные миру человека: Она так прекрасна, что *непролазно сонные будочки* смотрели ей вслед по улице (Вс. Иванов. При Бородине). Смысловое содержание наречия *непролазно* предполагает употребление неодушевленного существительного. В данном примере это наречие через прилагательное *сонные* соотносится с одушевленным существительным *будочки*, создавая тем самым образно-метафорическое значение. Образное восприятие создается также в подобных сочетаниях: *сухо спрашивал, тускло посмотрел, мягко говорил* (М. Горький. По Руси).

3. В результате переносного употребления наречий в пределах грамматической категории одушевленности—неодушевленности. Наречия вводятся в состав словосочетаний семантически несовместимых слов, но в

пределах одушевленности или неодушевленности. Рассмотрим пример: Не забитые досками два окна плюшкинского дома были тоже подслеповаты. И вообще в хозяйстве Плюшкина *все глядело* ныне *пасмурно* (Гоголь. Мертвые души). Семантический признак, заключенный в наречии *пасмурно*, свойствен неодушевленным существительным. В данном примере этот признак с помощью глагола характеризует тоже неодушевленное местоимение-существительное *все* в сочетании *все глядело пасмурно*. Сочетание приобретает выразительность за счет переносного употребления и наречия, и глагола. Семантический признак наречия *пасмурно* совершенно иного плана, чем семантический признак обобщающего слова *все*, в семантику которого включены наименования предметов хозяйства плюшкинского дома. Ассоциативное их употребление в одном сочетании создает переносный смысл, позволяя автору таким путем усилить образность сказанного. То же можно видеть и в следующем примере: *Облачно встают* из моря *берега* (М. Горький. Сказки об Италии). Неодушевленное существительное *берега* характеризуется признаком, свойственным также неодушевленному предмету,— *облачно*. Художественная выразительность создается в результате совмещения номинативного значения и переносного употребления и глагола, и наречия.

В процесс метафоризации включаются наречия, мотивированные качественными и относительными прилагательными. Они являются основным источником семантического преобразования наречий и широко используются для образной передачи мысли. Метафорические наречия ассоциативно характеризуют существительные, несовместимые с наречиями по своей семантике. Словосочетания с качественными наречиями через глагол или прилагательное дают оценочную характеристику таким существительным, наречия в них расширяют свой смысловой объем за счет возникновения переносных значений: *некоторые из облаков... смотрят внимательно* на людей (Евтушенко); *пароходы грустно*, по-собачьи *лают* (Симонов); *двери и окна миловидно глядели* (Гоголь).

Большой экспрессивностью обладают метафоры-наречия, мотивированные относительными прилагательными. Известно, что окачествление отосительных прилагательных всегда сопровождается метафоризацией. При метафоризации наречий, как и соответствующих прилагательных, активизируется качественный отвлеченный признак, который совмещается со значением предметности. В таких метафорах прямое значение, вытекающее из их семантической структуры, сливается с переносным. Отождествление происходит в воображении, создавая образное восприятие сказанного: *Волга дышит смолисто* (Евтушенко. Братская ГЭС); *Звучат бомбежки ураганно* (там же); *Голос звучал жестяно* (М. Горький. По Руси). Выразительность создается прежде всего в результате смысловой ассоциации с номинативным значением наречия. Непривычные для наречия лексические связи способствуют проявлению его эмоционально-изобразительной функции.

Как показывает материал, наиболее активно вовлекаются в процесс метафоризации наречия, мотивированные относительными прилагательными с суффиксальным показателем *-н-*. Такие наречия чаще, чем другие структурные типы наречий, способны расширять свои семантические связи с другими словами: *Вел ее есаул... с деревянно твердыми загибами* властного бритого рта (Шолохов. Тихий Дон); *Юнцы* хмельные, дюжие напротив *стали каменно* (Евтушенко. Под кожей статуи свободы). Метафорическое значение такого типа наречий возникает на базе их основного номинативного значения. Выразительность зависит от того, насколько отчетливо проявляется в них взаимосвязь метафорического и исходного значений.

Творческая, индивидуальная манера писателя выявляет новые семантические оттенки у наречий, использование которых усиливает экспрессию контекста, уточняет смысловую наполняемость художественного образа. Особенно ярко изобразительные функции наречий проявля-

ются в индивидуально-авторских, в основном, поэтических метафорах. «Поэтическая метафора представляет собой образное выражение какого-либо непривычного и трудно уловимого сознанием сходства»⁷. Определительные наречия представляют неисчерпаемый источник таких возможностей. Метафорические наречия в поэтическом контексте призваны выразить смысловые оттенки и экспрессивно-образные признаки, для актуализации которых в языке нет более точных, кратких, образительных средств: Когда и *безвязыко и незряче она брела* сквозь плети, батожье, *явился Пушкин* просто и *прозрачно* как самосознание ее (Евтушенко. Братская ГЭС); *Глаза старух, глядящие иконно* (там же); *Я смотрела пригвожденно* (там же). Формирование такого рода метафор отражает прежде всего авторскую позицию, позволяет расширить рамки образного выражения постоянно меняющихся индивидуально воспринятых картин действительности.

Иногда авторское метафорическое употребление наречия не осознается в минимальном контексте — словосочетаниях, образительность их возникает при осмыслении более широкого текста. Например: Но быть хорошими, значит ли жить стерильными ангелочками? Не станцевать, не спеть, не сострить, не выпить пива, не закурить, короче: *крахмально белея быть платочками-уголочками* (Эд. Асадов. Отцы и дети). Метафорическое сочетание *крахмально белея быть платочками-уголочками* отличается прежде всего отсутствием четких семантических границ, так как эта метафора мотивирована предыдущей *жить стерильными ангелочками*, которая также зависима от более широкого контекста. Метафорическое оценочно-характеристическое содержание наречия *крахмально* нельзя четко представить без включения его в состав всего метафорического многокомпонентного высказывания. В данном случае можно говорить о контекстуально-образном употреблении наречия.

Особой выразительностью отличаются метафорические наречия, представляющие собой сложные образования. В таких сложных образованиях обычно первый компонент уточняет номинативное значение второго. Подобные метафорические наречия часто встречаются в поэзии Е. Евтушенко: И смущенно и *доброглазо поднимали*, как будто отцы.; (Братская ГЭС); *Пирамида остроугольно смотрит* (там же); И вставали у подножья Братской ГЭС, подумал я о Маяковском сразу, как будто он костисто *крупноглазо* в ее могучем облике *воскрес* (там же). Образное восприятие происходит прежде всего на основе конкретных представлений, заключенных в семантике обоих компонентов сложного наречия. Обновление лексических связей обогащает его эмоционально-смысловой объем.

Итак, определительные наречия, мотивированные качественными и относительными прилагательными, обладают неограниченными возможностями в выражении ярких, свежих оценочных характеристик путем преобразования их семантической структуры.

¹ Виноградов В. В. Стиль Пушкина.— М., 1941, с. 89.

² Виноградов В. В. Русский язык.— М., 1941, с. 19.

³ Чижик-Полейко А. И. Стилистика русского языка, ч. 2.— Воронеж, 1964, с. 207.

⁴ Виноградов В. В. Русский язык, с. 14.

⁵ Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах.— М., 1959, с. 1728.

⁶ Следует отметить метафорические штампы типа: горячо говорит, глубоко убежден, тяжело слушать, сухо разговаривает, больно оскорблял и др., в которых полностью стерто прежнее номинативное значение наречий. Метафорическое значение становится средством оценочной характеристики, интенсивности чего-либо.

⁷ Кожин А. Н. Переносное употребление слова.— РЯШ, 1954, № 3, с. 21.

О СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ПРИМЫКАЮЩЕГО
ИНФИНИТИВА

В одной и той же валентностной позиции сказуемого могут выступать различные языковые единицы: существительное или его эквиваленты, инфинитив, инфинитив с союзом *чтобы*, придаточное предложение. При этом данное типовое значение, т. е. тип отношений, не изменяется: *Он просил меня о защите; Он просил меня защитить его; Он просил меня, чтобы я его защитил* (отн. объектные изъяснительные). Инфинитив, примыкая к глаголу, вступает с ним в отношения восполняющие (комплексивные), объектные и целевые¹. Цель данной статьи — выявление закономерностей функционирования инфинитива в позиции объекта при простом глагольном сказуемом, ибо понятия «объектный инфинитив» и «объектное значение зависимого инфинитива» не совпадают. Объектные отношения могут устанавливаться как при объектном инфинитиве, когда действие, обозначенное им, адресовано дополнению, так и при субъектном инфинитиве, когда действие отнесено к подлежащему: *Давай помогу сестре (2)*²; *все просил их трудиться* поусерднее и *не жалеть* ни собственных рук, ни веника, ни его спины и кожи — объектный инфинитив с объектным значением словоформы (Oo); *Она словно что-то стремилась понять, проникнуть* куда-то за все известные ему пределы; *Петух и три курицы... заглядывали в сарай, готовясь взлететь* на шест — субъектный инфинитив с объектным значением словоформы (So).

При анализе мы обращали внимание, во-первых, на возможность варьирования синтаксических единиц в синтаксической позиции, занимаемой инфинитивом, так как наличие варьированной формы подчеркивает функцию члена предложения; во-вторых, на принадлежность глаголов, сочетающихся с инфинитивом, к группе переходных с сильным одиночным или двойным управлением, так как примыкание инфинитива с объектным значением осуществляется на уровне присловной подчинительной связи и является сильной связью. Это позволило отделить сочетания с целевыми отношениями от объектных. В-третьих, на отнесенность данных глаголов к определенной лексико-семантической группе слов, при которой формируются объектные отношения определенного типа (изъяснительные, отделятельные, достигаемые и др.), что явилось основанием для дальнейшего разграничения объектных отношений и комплетивных. Функционирование объекта при объектном и субъектном инфинитиве определяется различными грамматическими факторами, что требует их отдельного описания.

Объект при объектном инфинитиве (Oo). Объектный инфинитив, выражающий действие не подлежащего, а дополнения, синтаксическая наука традиционно не включает в состав сказуемого, а рассматривает как второстепенный член. Синтаксическая функция инфинитива при этом — значение объекта действия или обстоятельства цели: *Василий пригласил Андрея к столу погреться* после такой дороги — отн. целевые; у самого погоста старухи *потребовали остановиться* — отн. объектные.

«Инфинитив объекта, — по замечанию А. М. Пешковского, — всегда связан с побудительным значением основы подчиняющего глагола»³. С ним сочетаются глаголы определенных лексико-семантических групп, при которых он выступает как второй компонент двойной синтаксической связи, а именной компонент в дательном или винительном имеет значение лица.

1) Глаголы со значением волеизъявления и воленправленного действия: а) сочетание образуется по модели Гл. + Дат. + Инф.: *разрешить, запретить, позволить, приказать, предложить, советовать, поручить, сказать, обещать, помогать, мешать* (хотя раньше *покаялся* никогда больше с тобой *не видеться*); б) сочетание образуется по модели Гл. +

+ Вин.+ Инф.: *просить, умолять, заставить, обязать, принудить, уговорить, побудить, учить* (Ты же сама мне позвонила и *попросила прийти*; Словно кто... рывком *заставил его повернуться назад*). При глаголах *отпустить, пригласить, принять, послать* второй компонент имеет целевое значение, несмотря на сильное примыкание инфинитива (бабка Пелагея широким жестом *пригласила их войти*).

2) Глаголы со значением передачи и конкретного адресованного действия. Сочетание образуется по модели Гл.+Дат.+Инф.: *дать, подарить, принести* (Морозов... *давал тебе делать, что ты хочешь*; опять *дала ему отхлебнуть*).

Инфинитив в функции дополнения обозначает действие как объект, на который направлено другое действие. При глаголах других лексических групп инфинитив имеет значение цели (Семенову же он сам *вызвал побывать лето с детьми*).

Объект при субъектном инфинитиве (So). При субъектном инфинитиве между спрягаемым глаголом и инфинитивом возникают три вида отношений: целевые, объектные и комплетивные (Пойду *взглянуть*; Василий *поставил варить картошку*). Объект при субъектном инфинитиве всегда является элементом одиночной синтаксической связи и принимается глаголами следующих групп: 1) с **отделительным, аблятивным значением**: *отказаться, отвыкнуть, бояться, опасаться, страшиться, стыдиться, испугаться*. Инфинитив называет действие как объект, от которого удаляется субъект (Он не решался его обгонять, *опасаясь попортить* грядки; лежала, *боясь шевельнуться*); 2) со **значением желания**: *хотеть, желать, жаждать, ждать, стремиться*. Инфинитив называет объект достижения, желания субъекта (Он даже в этом не *захотел уступить*; ему очень *хотелось курить*; теперь она сама *стремилась освободиться* от него); 3) со **значением побуждения, волеизъявления**: *распорядиться, согласиться, вызваться, готовиться, забыть, любить, думать* и др. и глагол *учиться*. Инфинитив называет объект мысли, чувства, отношения субъекта (Всегда *мечтал написать* цикл славянских языческих молитв; *Баниться* вместе с отцом он *любил* больше всего на свете).

Выражение объекта действия при данных сильнопереходных глаголах не предложно-падежными формами существительных, а инфинитивом способствует некоторому ослаблению их вещественного значения, они приобретают модальную оценку отношения субъекта к его собственному действию. Однако это не помешало, например, А. М. Пешковскому вообще отрицать составное глагольное сказуемое, считая инфинитив во всех случаях дополнением даже при тех глаголах, которые сочетаются только с инфинитивом (и инфинитивом субъектным); *мочь, уметь, пытаться, пробовать* и др.⁴ Другие ученые, например, П. А. Лекант, придерживаются противоположной точки зрения, считая, что вообще «...нельзя доказать наличие объектных отношений между спрягаемым глаголом и инфинитивом» в случае «*болся говорить* (ср.: приказал ему *прийти*)», т. е. при субъектном инфинитиве, мотивируя это тем, что спрягаемые модальные глаголы включают в себе лишь оценку действия со стороны субъекта или оценку отношения к действительности, а не самостоятельное лексическое значение⁵. Третьи предлагают компромиссное решение: выделять одно главное сказуемое и второстепенное сказуемое инфинитивного типа, признавая его отдельным грамматическим членом⁶.

Выдвигая в качестве критерия разграничения критерий синтаксических, т. е. считать ли синтаксически нечленимым такое сочетание или рассматривать его как соединение самостоятельных членов предложения, следует учитывать в совокупности и взаимосвязи следующие факторы: во-первых, степень лексической самостоятельности спрягаемых глаголов, во-вторых, характер отношений между спрягаемым глаголом и инфинитивом; комплетивные или объектные. Валентностный характер семантики данных глаголов обусловлен тем, что они могут функционировать только при наличии изъяснительного объекта. Объектные от-

ношения сохраняются при альтернации различных языковых единиц в той же валентностной позиции сказуемого (*Хотел* на самой высоте *покуражиться*; Он не хотел, чтобы мать запомнилась ему в последний раз такой). Причем возможность вариативности должна определяться не свойствами зависимого, а свойствами главного слова иметь при себе объект. Лишь в сочетаниях с объектными отношениями синтаксическая позиция дополнения может замещаться изъяснительным придаточным предложением с союзной или местоименно-соотносительной связью или инфинитивным оборотом с объектным значением, чего нельзя сказать о сочетаниях с комплетивными отношениями, где варьируются лишь связи примыкания и управления. При комплетивных отношениях синтаксическая целостность должна проявляться на всех уровнях, например: *Я начал работать* (сказуемое) — *Я начал работу* (тоже) — Это предшествовало *началу работы* (дополнение). Глагольные имена с фазисным значением не сочетаются с инфинитивом, а только с существительным в Род. п., но отношения здесь не объектные, как отмечено в «Русской грамматике» (с. 54), а комплетивные.

Ключ к решению проблемы, на наш взгляд, лежит в разграничении объектных и комплетивных отношений между спрягаемым глаголом и инфинитивом: при объектных отношениях функция инфинитива — дополнение, при комплетивных — часть составного глагольного сказуемого.

Традиционно функция вспомогательного компонента составного глагольного сказуемого закреплена за глаголами только двух лексических групп — фазисными и модальными. Однако вся сложность в том, что круг модальных глаголов зачастую неправомерно расширяется за счет сильнопереходных глаголов с четким объектным значением. Например, у П. А. Леканта: *хотеть, желать, мечтать, готовиться, согласиться, решиться, любить, готовиться, привыкнуть, пристраститься* и др.⁷ В «Русской грамматике» этот круг значительно сужен, но часто не дифференцированы отношения объектные и комплетивные. Например, при глаголах *рассчитывать* (на что), *предпочитать* (что чему); при кратких прилагательных *рад* (чему) *согласен* (на что, с чем), *готов, склонен, способен* (к чему), где инфинитив — *So*.

При комплетивных отношениях спрягаемые глаголы обладают рядом конституирующих признаков, которые существенно отличают их от приведенных переходных глаголов с объектным значением. Во-первых, они употребляются с ослабленным лексическим значением; во-вторых, большинство из них функционирует лишь в сочетании с инфинитивом (*стать, мочь, уметь, пытаться* и др.); в-третьих, при сочетании с существительными, т. е. при связи управления, также относятся к группе синтаксически несвободных сочетаний. Возможность таких сопоставлений, как *кончил играть — кончил игру — сыграл; начал рассказывать — начал рассказ — рассказывает*, подтверждает, что это нерасчлененный структурно-семантический элемент. Такие сочетания близки к глагольно-именным словосочетаниям типа *принял решение — решил, иметь значение — значить*, т. е. лексикализованным, также выполняющим функцию одного члена предложения — сказуемого. Однако анализ этих оборотов проявляется не на синтаксическом уровне, а на лексическом.

Фазисные глаголы в подобных сочетаниях с инфинитивом действительно выполняют лишь роль своеобразного аффикса — показателя момента протекания действия (Некоторое время *продолжал думать* о ней; Василий при помощи Степана *успел навести и сварить* картошки и *соорудить...* нехитрый ужин). К собственно модальным глаголам, которые способны функционировать в данной позиции, можно отнести следующие глаголы: *уметь, мочь*⁸, *сметь, осмелиться, пытаться, стараться, намереваться, порываться* и др., а также краткие прилагательные с модальным значением: *вынужден, намерен, должен, обязан, волен, горазд*, выступающие в связанном значении (Делая невероятное усилие, Анд-

рей попытался встать на занемевшие ноги; он изо всех сил старался принять непринужденный вид). Эти глаголы и краткие прилагательные с модальным значением в силу обобщенности значения нуждаются в его конкретизации, которая реализуется в основном за счет одной формы зависимого слова — формы инфинитива. Чем более отвлеченно и неопределенно лексическое значение вспомогательного глагола, тем более он сливается с инфинитивом, выражая лишь модально-временное значение сказуемого; чем самостоятельнее значение, тем больше возможности у второго компонента занимать самостоятельную синтаксическую позицию.

В статье проанализированы сочетания глаголов с инфинитивом в объектном значении. Такие глаголы обслуживают грамматическое значение предложения и сохраняют основные свои свойства как лексические, так и грамматические, т. е. обнаруживают функцию самостоятельного члена предложения — простого глагольного сказуемого. Эти глаголы в большинстве своем входят в состав семантического поля глаголов психической деятельности человека. Инфинитив в функции дополнения выражает здесь объект мысли, чувства, побуждения, отношения и т. п. субъекта и другого объекта — одушевленного лица.

Инфинитив как форма глагола в данной синтаксической позиции сам обладает валентностью и в свою очередь может распространяться второстепенным членом с обстоятельственным или объектным значением, выраженным формой существительного или инфинитива, образуя самостоятельную конфигурацию предложения.

¹ Русская грамматика.— М., 1981, т. 1, с. 41.

² Иллюстративный материал взят из повестей П. Проскурина «В старых ракетах», «Черные птицы», «Полуденные сны».— Роман-газета, 1983, № 1.

³ Пешковский А. П. Русский синтаксис в научном освещении.— М., 1956, с. 338.

⁴ Там же.

⁵ Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке.— М., 1976, с. 74—77.

⁶ См.: Располов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке.— М., 1970, с. 51—53; Юрченко В. С. Типы сказуемого.— Русский язык в школе, 1973, № 4.

⁷ Лекант П. А. Указ. раб., с. 77.

⁸ В «Русской грамматике» они отнесены к глаголам с объектным значением (с. 41). См. также: Располов И. П. Указ. раб., с. 225.

Б. Ю. НОРМАН

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СТИМУЛ И СТРУКТУРА ПОРОЖДАЕМОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Процесс порождения текста включает в себя несколько стадий, которые в самом общем виде могут быть сведены к этапам внутренней и внешней речи. Последние термины были введены в лингвистический оборот Л. С. Выготским. Он неоднократно подчеркивал вербальную природу мышления: мысль «не выражается в слове, но совершается в слове», ее можно сравнить с «нависшим облаком, которое проливается дождем слов»¹. Значит ли это, что основным, центральным звеном в процессе перехода от внутренней речи к внешней является выбор лексем? Или, в иных терминах, можно ли утверждать, что программирование высказывания означает прежде всего актуализацию фрагментов лексической системы и выбор соответствующих номинаций?

Речевая практика дает нам множество свидетельств того, как лексика в процессе порождения высказывания актуализируется и материализуется в звуковом сегменте еще до того, как выбрана синтаксическая структура высказывания (наиболее характерны такие примеры для устной спонтанной речи). Вместе с тем, нередко встречается и обратный случай: когда синтаксис высказывания (или хотя бы его фрагмента)

говорящим уже выбран, а лексика запаздывает, или поступает на выход, но не та, что требуется. Обе ситуации приводят к явлениям так называемой хезитации (колебаний) в речевой деятельности, воплощающимся в паузах, самообрывах, перестройках, использовании субститутов и т. п. Но в целом материал наблюдений не дает однозначного ответа на вопрос о соотношении единиц разных языковых уровней в процессе порождения текста: эта проблематика требует специального исследования.

С данной целью нами был проведен психолингвистический эксперимент. Информантам (лицам обоего пола в возрасте от 17 до 25 лет со средним образованием, для которых русский язык является родным) были розданы индивидуальные задания с идентичным текстом: «Придумайте по одному предложению на каждую тему: «лес», «старость», «школа», «вышивание», «старт». Общее число испытуемых — 200 человек, в итоге было получено $200 \times 5 = 1000$ высказываний. Ответы по каждой теме сводились в отдельный протокол и затем статистически обрабатывались.

Подчеркнем, что формулировка заданий включала в себя названия тем, но не задавала конкретной лексики будущих высказываний — от испытуемых требовалось: «Придумайте предложения на тему...», а не «Придумайте предложения со словами...». Поскольку же для темы естественна номинативная (субстантивная) формулировка, то с данной целью и были подобраны 5 существительных, по возможности различных в семантическом отношении.

Характерно, однако, что в подавляющем большинстве случаев испытуемые восприняли название темы как буквальный лексический стимул. Как правило, в ответах-высказываниях присутствовала либо сама заданная лексема, либо словообразовательно связанное с ней (родственное) слово. В абсолютном исчислении результаты эксперимента выглядят следующим образом (см. таблицу).

№	Тема	Стимул	Дериват	Перифраза
1	лес	172	3	25
2	старость	152	33	15
3	школа	149	28	23
4	вышивание	121	60	19
5	старт	161	11	28
Итого:		755	135	110

В графе таблицы «Стимул» представлено количество ответов-высказываний, буквально воспроизводящих слово-стимул в той или иной грамматической форме (пример из протокола 1: *Хорошо зимой в лесу!*). Графа «Дериват» отражает количество ответов со словами, производными от того же, что и слово-стимул, корня (пример из того же протокола: *Лесник обходит свои владенья*). Наконец, графа, условно обозначенная как «Перифраза», указывает на количество ответов, не содержащих ни слово-стимул, ни его дериваты (пример из того же протокола: *Под деревьями — сырость и мрак*).

Еще более наглядны количественные данные в относительном исчислении. Суммарный процент высказываний, содержащих непосредственно слово-стимул или его дериват, составляет весьма высокую и стабильную величину; для отдельных протоколов он равен: 1. $87,5 \pm 2,3\%$; 2. $92,5 \pm 1,8\%$; 3. $88,5 \pm 2,2\%$; 4. $90,5 \pm 2,0\%$; 5. $86,0 \pm 2,4\%$. Доверительные границы этой доли для генеральной совокупности (при уровне значимости 0,05) составят соответственно: 1. 82,8—92,2%; 2. 88,8—96,2%; 3. 84,0—93,0%; 4. 86,4—94,6%; 5. 81,1—90,9%. Если исследо-

вать полученные высказывания с позиций актуального членения, то, как и следовало ожидать, слово-стимул попадало обычно в их тематическую (а не рематическую) часть. Причем нередко эта часть имела вид вокабулы, разъясняемой во второй, рематической части (ответы типа: *Лес — наше богатство, Старость — печальная пора жизни; Школьные годы чудесные!* и т. п.).

Значителен в ответах удельный вес буквальных или приблизительных цитат. Приведем часть примеров, полученных в ответ на тему «лес» (протокол 1): *Леса и воды — краса природы; Дальше в лес — больше дров; Как волка ни корми, он все в лес смотрит; Я из лесу вышел — был сильный мороз; В лесу родилась елочка; А лес стоит загадочный...* и даже: *Унылая пора! Лесов очарованье!* и т. п. Такие фольклорные и литературные реминисценции хранятся в памяти носителя языка в качестве своего рода полуфабрикатов высказываний и автоматически актуализируются (целиком!) в условиях подходящей речевой ситуации. Можно полагать, что особенно интенсивно протекает этот процесс тогда, когда речевая ситуация является искусственно созданной, т. е. не включает в себя конкретной референтной ситуации. В подобных случаях, по В. А. Звегинцеву, мы имеем дело не с настоящим высказыванием, а с псевдопредложением²; именно таковой была ситуация в эксперименте.

Таким образом, первый вывод, основанный на результатах эксперимента, сводится к тому, что заданное слово (стимул) уже само по себе до известной степени предопределяет выбор лексем для порождаемого высказывания. Если же учесть круг устойчивых синтагматических и парадигматических ассоциаций данного слова, то влияние последнего на формирование лексической структуры высказывания следует признать весьма значительным.

Каковы же синтаксические характеристики полученного в ходе эксперимента материала? Отсутствие для испытуемых условий нормальной речевой ситуации привело к тому, что синтаксис порождаемых высказываний отличался чрезвычайным разнообразием. В частности, слово-стимул в полученных ответах встречается в роли подлежащего, дополнения (прямого и косвенного), определения, обстоятельства (разных разрядов), сказуемого, обращения.

Естественно, в ходе эксперимента информанты стремились сэкономить речевые усилия (да и общий коммуникативный опыт навязывал свои вероятностные ограничения на длину и структуру фразы), поэтому число простых предложений в ответах почти в три раза превышает число сложных (соответственно 73 и 27 %, при средней ошибке, равной примерно 1,4 %). По отдельным протоколам (темам) доля простого предложения испытывает заметные колебания, связанные, возможно, с семантической разнородностью заданной лексики: 1. $79,5 \pm 1,3$ %; 2. $64,5 \pm 1,5$ %; 3. $78,0 \pm 1,3$ %; 4. $76,0 \pm 1,3$ %; 5. $65,0 \pm 1,5$ %. Подавляющее большинство полученных в эксперименте простых высказываний ($89 \pm 1,0$ %) относится к двусоставным личным структурам, что подтверждает характеристику последних как наиболее типичных представителей предложения вообще и псевдопредложения в частности. Что же касается использованных синтаксических моделей предложения (структурных схем), то искусственность коммуникативных условий, в которых находился испытуемый, не позволяла надеяться на проявление каких-либо содержательных закономерностей в их применении. Действительно, все пять протоколов демонстрируют большое разнообразие структурных схем (независимо от того, какую систему их описания и исчисления принимать за исходную — ср., в частности, известные опыты систематизации синтаксических моделей русского языка, предпринятые Н. Ю. Шведовой и Г. А. Золотовой³). Единственная закономерность в использовании структурных схем, которую можно обнаружить в полученном материале, сводится к неодинаковой частоте употребления этих схем. Хотя частотностная иерархия синтаксических моделей

до сих пор исследовалась только при помощи методики непосредственного наблюдения (сплошного обследования текстов или словарей), наши данные не противоречат известным результатам⁴.

Сказанное позволяет сделать второй вывод: лексический стимул чрезвычайно слабо прогнозирует синтаксическую структуру порождаемой фразы. В связи с этим следует напомнить, что одна из распространенных психолингвистических моделей основывается на понимании речевой деятельности как марковского (стохастического) процесса. Согласно данной концепции, появление каждого нового элемента в речевой цепи обуславливается предшествующим элементом. Но указанная модель, применимая (с оговорками) к формированию лексической структуры высказывания, не способна охватить процесс порождения фразы в целом⁵. Действительно, правила лексической сочетаемости предписывают слову главным образом его ближайшего «партнера», да и то, в среднем, с невысокой степенью обязательности. К примеру, вероятность того, что лексема *туца* вызовет в языковом сознании лексему *слышать*, а та, в свою очередь, лексему *радость* и т. д. (*Он кричит — и тучи слышат радость в смелом крике птицы* — М. Горький), невелика — и на этом основан один из эффектов художественного текста.

По экспериментальным данным известно, что если задать испытуемому несколько лексем, то ему легче составить предложение с каждой из них, чем подыскать сочетаемостные «мостики», которые бы объединили эти слова в рамках одного (простого) предложения⁶. Более того, даже если предъявить носителю языка *все* лексемы, образующие данную фразу, но представить их при этом в условном (например, алфавитном) порядке и условной (словарной) форме, то процесс восстановления фразы наталкивается на значительные трудности. Более высокий или более низкий коэффициент восстановления будет зависеть от ряда факторов: длины высказывания, синтаксических функций входящих в него лексем и т. п.⁷. В то же время, как показал еще в 60-е годы Н. И. Жинкин, синтаксическая модель в ходе экспериментов с порождением или воспроизводством высказывания появляется в сознании информанта сразу, как единое целое, по принципу «все или ничего»⁸.

Все эти наблюдения и данные экспериментов приводят к общему заключению о том, что процесс перехода от внутренней к внешней речи или, точнее, от этапа замысла к этапу программирования начинается не столько с подбора лексем, сколько с выбора некоторого конструктивного ядра, содержащего в себе максимально обобщенный смысл будущего сообщения. Этот смысл сводится к обозначению типовой ситуации, а типовая ситуация составляет содержание структурной схемы. Вот теперь мы можем сформулировать важное для нас положение: переход от замысла к программированию высказывания в грамматике говорящего начинается с выбора синтаксической модели (структурной схемы). И если на этапе замысла говорящий имеет дело с единицами предметно-образительного кода (соотносящимися через систему понятий с языковой системой), то на этапе программирования синтаксическая модель, образуемая определенным количеством и качеством позиций типа «субъект», «объект», «адресат», «инструмент» и т. п., непосредственно опирается на языковые категории.

Более подробное обоснование тезиса о примате синтаксических моделей в процессе порождения текста может идти по трем направлениям, которые здесь будут только намечены:

1. Задача говорящего в общем виде заключается не в том, чтобы назвать предмет, а в том, чтобы передать смысл (включающий в себя отражение референтной ситуации и способ ее представления). Именно поэтому деятельность говорящего нацелена на высказывание; слово же по самому своему статусу не может отразить целую ситуацию.

2. Высказывание начинается там, где появляются признаки внешне-речевой организации замысла. Иными словами, коммуникативная единица должна обладать определенной структурой, обеспечивающей

адекватную передачу замысла (слово не может гарантировать последней в силу исключительной сложности, нежесткости лексической системы).

3. Синтаксическая модель — это психическая реальность, заключающаяся в активизации комплексов нервных структур и в образовании на базе единиц данного языкового уровня динамических стереотипов.

¹ Выготский Л. С. Собр. соч.— М., 1982, т. 2, с. 305, 356.

² См.: Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи.— М., 1976, с. 185.

³ См.: Русская грамматика. Синтаксис.— М., 1980, т. 2, с. 92—98, 237—383 и др.; Золотова Г. А. К типологии простого предложения.— Вопросы языкознания, 1978, № 3, с. 51.

⁴ См.: Караева М. С., Товарова И. С. Некоторые данные по частотности синтаксических единиц современного русского языка.— Ученые записки Азербайджанского педагогического института иностранных языков имени М. Ф. Ахундова. Серия XII, язык и литература, 1967, № 4; Белокриницкая С. С. Объектные синтагмы и синтагмоды в русском языке.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1967. М., 1968; Станковић Б. Интерференција у предикатским синтагмама руског и српскохрватског језика.— Београд, 1979.

⁵ См.: Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания.— М., 1969, с. 47.

⁶ См.: Розет И. М. Психология фантазии.— Минск, 1977, с. 135.

⁷ См.: Роговой Б. С. Лингвopsихологические эксперименты с деграмматикализованными текстами.— В кн.: Вопросы общего языкознания. Л., 1965, с. 117.

⁸ См.: Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи.— Вопросы языкознания, 1964, № 6, с. 33.

А. В. ВАХИНА

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ НЕПОЛНОТЫ И НЕЗАКОНЧЕННОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Проблема неполного предложения всегда вызывала оживленные споры среди лингвистов. В современной лингвистике отсутствует единство взглядов на критерий эллиптичности предложения. Такой критерий видят в смысловой стороне предложения, в его формальной стороне (нарушении грамматической связи между главными членами), в обеих сторонах вместе взятых, в возможности передачи одной и той же информации более экономичным способом, в нестабилизированности формально неполносоставной конструкции. Каждый из этих критериев безусловно не является достаточным для определения такого сложного понятия как эллипсис. В настоящее время среди синтаксистов все более утверждается взгляд на эллипсис не как на «опущение», «нарушение», «пропуск», а как на оппозицию «развернутая структура» / «неразвернутая структура»¹.

Неполное предложение представляет собой особый вид регулярной реализации структурной схемы предложения. Формальным показателем эллипсиса является наличие в предложении подчиненных форм при отсутствии подчиняющих или наличие подчиняющей формы, обладающей обязательной сочетаемостью, как грамматической, так и лексической, при отсутствии подчиненной формы. Учет обязательной сочетаемости позволяет определить структурный минимум той или иной синтаксической конструкции. Поэтому нарушение этой сочетаемости становится сигналом эллиптичности предложения.

Контекстные связи предложения определяют значимость не только обязательной, но и факультативной сочетаемости. Позиция, факультативная в изолированном предложении, может быть обязательной для предложения, взятого в определенном контексте, особенно в том случае, когда в факультативной позиции сосредоточен полностью или частично коммуникативный центр высказывания, его рема. Таким образом, контекстуальные связи и отношения также являются важным критерием эллиптичности.

Следует заметить, что эти же факторы выделяются нами в качест-

ве критериев незаконченности предложения. Мы определяем ее как незаконченную реализацию структурно-логической модели в силу действия каких-либо внешних или внутренних обстоятельств речевого акта, сохраняющую типовое значение, закрепленное за данной моделью. Незаконченные предложения (НП), представляя собой нерегулярные реализации структурно-логической модели, так же, как и неполные предложения, характеризуются нарушением обязательной грамматической и лексической сочетаемости, а также факультативной сочетаемости в том случае, когда ситуация и контекст предопределяют необходимую реализацию факультативных связей и отношений в структуре предложения.

Это не единственное, что объединяет явления неполноты и незаконченности. НП и неполные предложения имеют общие истоки, одинаковые предпосылки возникновения. Такие явления, как неполнота и незаконченность предложения, могли возникнуть только при непосредственном речевом общении, в условиях устной речи. Особенности устной речи, а именно: высокая роль экстралингвистических факторов, определенность и общность ситуации, непосредственность общения, высокая эмоциональность допускают некоторые нарушения формальной структуры речевых единиц, которые, однако, не должны препятствовать выполнению ими коммуникативной функции. В. В. Виноградов по этому поводу замечает: «В речевой общественной практике разговорного обмена мыслями, в связи с конкретной ситуацией, при наличии мимики и жестов как вспомогательных выразительных средств, при большой экспрессивной силе интонации формируются такие структурные типы предложений, в которых отсутствует словесное выражение каких-нибудь отдельных членов, ясных из контекста и ситуации... Такие предложения, в словесной ткани которых «не хватает» одного или нескольких членов, обычно называются неполными»². Прделанный нами анализ мотивов прерванности НП³ позволяет сделать вывод, что их возникновение обусловлено теми же факторами, что и в случае неполноты предложений.

НП и неполные предложения объединяет также то, что они представляют собой в каждом конкретном случае особые виды реализации одной структурно-логической модели, которая связана с соответствующим ей типовым значением. Модель предложения одна, но возможны различные ее реализации: полная, неполная и незаконченная. Полное предложение характеризуется полнотой и завершенностью реализации всех компонентов структурно-логической модели. Неполное предложение представляет собой регулярную неполную реализацию модели и характеризуется отсутствием того или иного компонента, который легко восстанавливается в соответствии с контекстом и речевой ситуацией. НП представляет собой нерегулярную незаконченную реализацию модели, которая прерывается в результате воздействия внешних или внутренних факторов. Например: *Все борются за чистоту языка* — полная реализация модели; *Все за чистоту языка* — неполная реализация модели; *Все борются за...* — незаконченная реализация модели. Несмотря на различие реализации во всех высказываниях функционирует одна и та же модель с закрепленным за ней типовым значением. Общность модели предполагает и общность типового значения.

Итак, явления неполноты и незаконченности имеют сходство в следующих характеристиках: их объединяет общность структурно-логической модели предложения и его типового значения; они имеют общие предпосылки возникновения и успешного функционирования в коммуникативной деятельности; и неполнота, и незаконченность с формальной точки зрения характеризуются недостаточностью структуры предложения вследствие нарушения обязательных грамматических и лексических связей, а также консигнативно обусловленных факультативных связей.

Несмотря на относительное сходство этих явлений было бы ошибкой отождествлять неполноту и незаконченность предложения. Несмотря на

тождество модели и типового значения, НП и неполные предложения представляют собой различные виды реализации. Неполная реализация является регулярной и составляет одну из характеристик структурной схемы предложения⁴. Незаконченная реализация не является регулярной и, как правило, возникает в результате каких-то помех внешнего порядка или внутренних, зависящих от самого коммуникатора.

Неполные предложения являются нормативными образованиями и выполняют коммуникативную функцию практически всегда. Неполные предложения представляют вариативность языковой нормы. НП — это отступление от нормы, что, собственно, и определяет их отнесенность к нерегулярным реализациям. НП — это особого рода нарушения в речевой цепочке, случайные образования. Помехи могут возникать в любой момент речевого общения, их трудно, а иногда и невозможно предвидеть, поэтому обрыв высказывания может быть непреднамеренным. Такие случайные, нетипичные, непредусмотренные явления, как незаконченность, разумеется, никак нельзя отнести к языковой норме.

Существуют значительные различия в возможностях адекватного восприятия НП и неполных предложений. Неполные предложения всегда, особенно в конкретной речевой ситуации, но также и в изолированном положении воспринимаются правильно. Их содержание передается реципиенту без каких-либо потерь. Неполные предложения всегда выполняют коммуникативную функцию, обеспечивают передачу информации в полной и точной форме. Недостающий смысловой компонент легко восстанавливается с помощью контекста и ситуации речевого общения. Восприятие НП более проблематично. Далеко не всегда возможно адекватное восприятие незавершенной структуры в соответствии с замыслом коммуникатора. Контекст и ситуация речи значительно облегчают правильное понимание содержания незаконченного высказывания, но в случае крайней недостаточности его структуры может возникнуть некоторая неопределенность, возможность ошибочного толкования содержания, а иногда и полное непонимание. Контекст и ситуация не всегда компенсируют недостаточность реализованной части высказывания. В связи с этим можно выделить еще одно различие между неполнотой и незаконченностью предложения. Эти единицы обладают неодинаковой контекстуальной и ситуативной обусловленностью. В случае НП роль контекста и ситуации повышается вследствие большей информативной недостаточности реализованной части. Неопределенность незавершенных высказываний является прямым следствием случайности обрыва, который может происходить в любой стадии реализации.

Кроме всего прочего НП и неполные предложения имеют различные интонационные структуры. Неполное предложение характеризуется целостностью интонационной оформленности, тогда как особенностью НП является незаконченная интонация. Законченность интонации увеличивает информативность неполных предложений по сравнению с НП, сообщая целый ряд экспрессивно-модальных значений. Наличие терминальной части мелодической кривой позволяет определить коммуникативный тип высказывания. В случае НП коммуникативный тип высказывания определяется далеко не всегда, а при отсутствии в реализованной части вопросительных слов, характерных особенностей порядка слов, отрицательных частиц и т. п. коммуникативный тип незавершенного высказывания определить бывает невозможно, так как практически всегда терминальная часть мелодической кривой в них отсутствует. Незавершенность интонации влияет также и на определенность экспрессивно-модальных значений. Если обрыв происходит в самом начале реализации, интонация как единое целое практически отсутствует. Это увеличивает проблематичность восприятия незаконченных высказываний.

В связи с различием интонационной оформленности следует заметить, что явление напряжения («синтаксическое содержание предложения, мыслимое как создание у слушающего ожидания реализации со-

общения, коммуникативного «разрешения» связи темы и ремы»⁵), составляющее важную характеристику НП, отсутствует в случае неполного предложения. Если реализация модели закончена, у реципиента не возникает чувства неудовлетворенности, он уже больше ничего не ждет. У участников речевого акта не возникает потребности в продолжении высказывания. НП, напротив, вызывают чувство напряжения и неудовлетворенности, особенно если адекватное восприятие невозможно в случае недостаточной информативности реализованной части.

Итак, явления неполноты и незаконченности, несмотря на некоторое сходство, обладают целым рядом особенностей. Сходство проявляется в следующем: НП и неполные предложения имеют одинаковые предпосылки возникновения (особенности непосредственного речевого общения); характеризуются общностью структурно-логической модели и типового значения, нарушением обязательной сочетаемости и факультативной сочетаемости, обусловленной контекстными связями — общие формальные показатели.

Различие неполноты и незаконченности высказываний состоит в следующем: НП и неполные предложения представляют собой различные виды реализации одной структурно-логической модели; неполные предложения нормативны, а НП — отклонение от нормы языка; различные возможности адекватного восприятия; различная ситуативная и контекстуальная обусловленность; различное интонационное оформление; НП вызывают у реципиента ощущение напряжения, которое отсутствует в случае неполных предложений.

Таким образом, неполнота и незаконченность предложения — явления разного порядка, хотя они и соприкасаются друг с другом в некоторых точках. Неверно было бы противопоставлять НП неполным предложениям. Они входят в разные оппозиции: полное предложение/неполное предложение и законченное предложение/незаконченное предложение. Полное предложение, неполное предложение и НП представляют как бы три вершины одного треугольника, три различных вида реализации одной структурно-логической модели с определенным типовым значением. НП противопоставляются законченным синтаксическим единицам независимо от полноты реализации. Как полное, так и неполное предложения могут противопоставляться НП только в случае законченной реализации их модели. Полное законченное предложение и неполное законченное предложение стоят в одном ряду в оппозиции к НП по признаку законченность/незаконченность, но в то же время противопоставляются друг другу по признаку полнота/неполнота. По признаку полнота/неполнота полное законченное предложение противопоставляется как неполному законченному предложению, так и неполному незаконченному предложению. Каждый вид реализации модели предложения, выделяемый по этим критериям, обладает своими характерными особенностями. отождествление понятий полноты и законченности, неполноты и незаконченности совершенно необоснованно. Незаконченность предложения — совершенно особое явление, характеризующееся целым рядом факторов, и понятие незаконченности не соответствует понятию неполноты предложения.

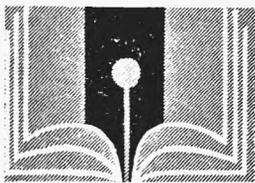
¹ См.: Сковородников А. П. О критерии эллиптичности в русском синтаксисе. — Вопросы языкознания, 1973, № 3, с. 114.

² Виноградов В. В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. — Вопросы языкознания, 1954, № 1, с. 29.

³ См.: Ваяхина А. В. Незаконченные предложения в диалогической речи. Мотивы прерванности. — Вестн. Беларускага ун-та. Сер. 4, філал., журн., пед., псіхал., 1981, № 3, с. 56.

⁴ См.: Грамматика современного русского литературного языка. — М., 1970, с. 547.

⁵ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1969, с. 251.

Б. В. СТРЕЛЬЦОВ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОЧЕРКОВЫХ ТЕКСТОВ

Очерковые тексты, независимо от способа их коммуникации, проявляют как бы двойную эффективность. С одной стороны, это эффективность специфического участия в формировании общественного мнения, практическое воздействие, рассчитанное на изменение конкретных жизненных ситуаций; с другой — эффективность чисто эстетического характера, эффективность обеспечения полезного досуга самых широких масс. Вот это — эффективность обеспечения полезного досуга — исследователями журналистики почему-то не учитывается. Исследование эффективности ведется в основном по утилитарным параметрам, рассредоточенным по трем горизонтам: непосредственное влияние на решение задач экономического и культурного строительства, т. е. практическая действенность; влияние на формирование общественного мнения; личностное восприятие читателями печатного слова и влияние личностного восприятия на социальную позицию индивида¹.

Наш народ справедливо называют читающим. Обыкновенно это устойчивое словосочетание — читающий народ — накрепко связывается с книгой, преимущественно с художественной литературой. Да, книга у нас в почете. Но присмотримся, что сейчас преимущественно читают пассажиры городских автобусов и троллейбусов, рабочие во время обеденного перерыва, колхозники на полевом стане? Оказывается, газету. Нет, газета, конечно, целиком не вытеснила книгу, она ни в коей мере не может полностью заменить художественную литературу. Однако периодическая печать забрала значительную часть свободного времени, которое раньше отводилось книге.

Не будет ли логичным предположить, что, забрав часть времени, периодика должна возместить хотя бы часть тех эстетических функций, которые приходится на долю книги.

С этой точки зрения — эффективности периодической печати в обеспечении досуга — требуют пересмотра тезисы о функциональном предназначении эмоционально-образных факторов в газетных текстах. Так, отдельные исследователи, рассматривая эффективность деятельности органов массовой информации и пропаганды, выделяют две стороны: отражающую, фиксирующую, продукт которой — информация о действительности, и управленческую, преобразующую, организаторскую, в которой продуктом выступает измененная социальная действительность. А где же чисто эстетическая, не утилитарная, не организационная сторона? Она, оказывается, включается в рамки управленческой деятельности. Так, Б. А. Грушин, выделяя пять элементарных функций-целей управленческой деятельности средств массовой информации и пропаганды (СМИП), называет среди них и функцию создания определенного эмоционально-психологического тона².

А здесь, очевидно, все куда сложнее. Проследим внутреннее взаимоотношение пяти функций-целей, определенных как составные части управленческой деятельности СМИП. Вот они: информирование, т. е. увеличение объема или изменение состава знаний у аудитории; воспитание — формирование определенных установок, ценностных ориентаций, организация пове-

дения; коммуникация — усиление, поддержание или ослабление связей между представителями аудитории или между аудиторией и органами управления, создание определенного эмоционально-психологического тонуса. Все эти цели взаимосвязаны и в определенной степени взаимопереходящи. Каждая из них имеет четко определенное самостоятельное значение. Однако нетрудно заметить, что цель создания эмоционально-психологического тонуса по сравнению с другими целями имеет как бы исключительную самостоятельность. Она явно приподнята над остальными целями — в том смысле, что активно влияет на каждую из них, интенсифицирует содержание-изобразительные средства, посредством которых достигаются намеченные цели. Кроме того, эмоциональный тонус влияет и на другую сторону деятельности СМИП — отражающую, фиксирующую, дающую читательской аудитории информационные сведения об окружающей действительности. Имея прямое отношение к отражающей и управленческой деятельности СМИП, эмоционально-психологический тонус журналистского произведения обеспечивает и эффективность досуга. Учитывая эти важные факторы, видимо, правильнее будет выделять не две, а три стороны деятельности средств массовой информации и пропаганды: информационную, управленческую и эстетическую.

Очерк открыто оборачивается к читателю всеми тремя сторонами. Он сообщает новые факты, содержит большой объем сведений, является одним из активных носителей социальной информации.

Управленческая, организаторская нацеленность очерка также очевидна. В отношении проблемного очерка особых доказательств, кажется, не требуется. Само название вида говорит за себя. Проблемный очерк преследует те же функциональные цели, что и проблемная корреспонденция, проблемная статья. Однако эффективность воздействия при достижении цели у проблемного очерка должна быть значительно выше, потому что он сочетает в себе и публицистическое (форма политического познания и отражения действительности), и художественное начало (форма эстетического отражения окружающего мира и человека). Несомненна организаторская роль и портретного очерка. Известно, какое значение придавал силе примера В. И. Ленин. Он был убежден, что вопросы дисциплины, отношений руководителей и подчиненных на производстве, повышения производительности труда, экономии трудовых затрат, сбережения продуктов и материалов могут быть решены путем широкой пропаганды в печати лучших образцов. «...мы можем и должны, — писал В. И. Ленин, — достигнуть того, чтобы сила примера стала в первую голову моральным, а затем — и принудительно вводимым образцом устройства труда в новой Советской России»³.

Яркий, показательный пример связан с яркой, незаурядной личностью, с тружеником новой формации. Именно такая личность должна быть героем портретного очерка. Конечно, пропаганда передовых приемов труда осуществляется и с помощью других жанров — причем довольно эффективно. Но в портретном очерке читатель не просто знакомится с прогрессивными методами производства и их носителями, здесь происходит узнавание человека человеком. В результате достигается эффект приближения дальнего опыта, эффект абсолютной реальности описываемого, эффект доступности того, о чем повествуется в очерке. Этим самым стимулируется побуждение к действию, к массовому повторению передового опыта.

Заряд эффективности и действенности очерка значительно возрастает благодаря тому, что здесь публицистические выразительно-изобразительные средства дополняются средствами художественной литературы. И публицистика и художественная литература оперируют образами. Анализ художественно-публицистического образа поможет утвердиться в мнении, что в деятельности средств массовой информации и пропаганды, наряду с информационной и управленческой, есть третья, одинаково значимая, а не просто вспомогательная сторона — эстетическая.

Художник слова путем конкретизации действия создает образы реальной действительности. У каждого художника — индивидуальное восприятие, соответствующее его идеалу, складу ума и характера, своеобразию видения окружающего мира, социальному опыту. Он дает читателю новое предметное видение движения человеческой истории, человеческих отношений, борьбы идей и характеров, развития жизненных ситуаций. Художественные произведения представляют собой мозаику образов-картин, складывающихся в единый образ эпического, поэтического и драматургического действия. Однако, стремясь дать срез жизненных пластов через индивидуальное вос-

приятие, писатель сознательно или подсознательно опирается на опыт, накопленный обществом. Предшествующий общественный опыт закреплен в сознании писателя и, конечно же, оказывает плодотворное влияние на выразительно-содержательную конфигурацию создаваемых образов. И все же, если иметь в виду образное репродуцирование реального мира в художественном произведении, соотношение индивидуального авторского видения и влияния общественного опыта здесь не адекватно. Личностное восприятие и авторская фантазия при создании художественного образа играют довлеющую роль.

У публициста, так же как и у прозаика или поэта, восприятие окружающей действительности индивидуальное. В силу этого создаваемые им образы обладают достоинством непосредственности, оригинальности. Это чрезвычайно важно, потому что публицист имеет дело с повторяющимися фактами и ситуациями. Кроме того, он не может синтезировать образы, свободно варьируя акцентами по воле авторской фантазии, а должен отображать конкретный мир, конкретных людей. В отличие от художественного произведения, в публицистическом тексте преобладает не предметный образ, не образ-картина, а образ мысленный, образ-анализ. Для публициста предметный образ, конечно, важен. Он служит исходным материалом для анализа явлений, конфликтов, связи фактов, столкновений характеров, отправным поводом для размышлений. Вот тут и кроется основное отличие публицистического образа от художественного. Вспомним, что главной функцией партийной публицистики является отражение и формирование общественного мнения. Публицист призван, с одной стороны, фиксировать, отражать общественный опыт, общественное видение политических, экономических, социальных и других явлений, а с другой стороны — оказывать воздействие на общественное видение окружающего мира, участвовать в формировании взглядов и убеждений как отдельных социальных ячеек, трудовых коллективов, так и всего общества. Исходя из этого, следует считать, что в публицистическом произведении соотношение авторского индивидуального видения и влияния общественного опыта при создании образа также неадекватно. Но неадекватно с обратным знаком. Общественный опыт в данном случае довлеет над личностным восприятием, играет первостепенную роль.

Форма очерковых произведений чрезвычайно сложна, своеобразна и оригинальна. Она складывается из выразительно-изобразительных средств художественной литературы и публицистики. Кроме того, творчество очеркиста имеет явно выраженное тяготение к социологическому исследованию, использованию приемов научного анализа. А это также активно влияет на форму, придает ей дополнительное своеобразие. Соответственно сложен и образ в очерке. Он синтезируется из образа предметного и образа мысленного, сочетает в себе объективную картину реального мира и субъективное восприятие ее автором, несет политическую и эстетическую нагрузку. Преобладающий читательский интерес меняется не только в содержательном, но и в эстетическом отношении. Конечно, художественный образ, несущий оригинальную новизну, способную взволновать всплеском неожиданного видения мира, по-прежнему активно воздействует на читателя. Но одновременно он хочет познать истоки этого неожиданного видения, не только увидеть и запечатлеть в памяти оригинальный образ субъекта и объекта, но и получить сведения: откуда он такой взялся, прочен он или слаб, какая у него связь с течением современных жизненных процессов. К нагрузке, коммуницируемой художественным образом, читателю требуется аналитико-логический комплекс, содержащийся в образе публицистическом — сочетание, синтез двух типов образного отображения действительности.

Здесь и кроется ответ на вопрос, какая часть газетных текстов в первую очередь должна компенсировать в эстетическом отношении время, утраченное художественной литературой и приобретенное периодикой. Конечно же, художественно-публицистические жанры, в первую очередь — очерк. Он обладает мощным эмоционально-образным потенциалом и способен удовлетворять высокие эстетические запросы современного общества.

¹ См.: Цукасов С. В. Время зрелости. — М., 1979, с. 41.

² См.: Грушин Б. А. Эффективность массовой информации и пропаганды: понятие и проблемы измерения. — М., 1979, с. 7.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 148.

Л. А. МУРИНА

ФОРМИРОВАНИЕ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ РЕЧИ У УЧАЩИХСЯ-БЕЛОРУСОВ

Советские психологи и психолингвисты рассматривают речь как вид человеческой деятельности, обеспечивающей общение. По мнению А. А. Леонтьева, речь является «совокупностью речевых действий, имеющих собственную промежуточную цель, подчиненную мотиву той коммуникативной деятельности, в рамках которой она рассматривается»¹. А. Е. Супрун пишет, что «процесс речи сводится к тому, что определенная мысль одного человека материализуется в виде произнесенных или написанных этим человеком фраз, которые воспринимаются другим человеком, извлекающим из материальной оболочки идеальное содержание, заложенное в нее первым участником общения»².

В речевом сообщении языковая система не предписывает строгого размещения слов, словосочетаний, предложений. Язык допускает большую свободу размещения языковых средств, хотя и существуют известные ограничения (семантические, стилевые, логические и др.) их употребления. Правильность, по мнению А. Е. Супруна, «это лишь низшая ступень, обеспечивающая эффективность. Эффективность речевой деятельности обеспечивается и наличием у принимающего соответствующей пресуппозиции, и стремлением его понять передающего, и отбором языковых средств со стороны передающего сообщения. Последнее — чрезвычайно важное обстоятельство, определяющее всю ценность стилистической обработки текстов для их действенности»³. Из сказанного следует, что речевой деятельности, как и любой другой, необходимо обучать.

Советская дидактическая наука, опираясь на труды психологов и психолингвистов, активно разрабатывает систему обучения речевой деятельности. До 60-х годов обучение речи учащихся понималось как обучение различным видам изложений и типам сочинений. В 70-е годы создается теория методики обучения речи. В практике работы школ для обозначения процессов и результата речевой деятельности учащихся употребляются следующие синонимические наименования — «связная речь», «текст» и «высказывание». Учебная речевая деятельность учащихся предусматривает работу над языковыми единицами всех уровней (с целью овладения нормами русского литературного языка) и работу над связной речью. Работа по овладению нормами проводится при изучении грамматической теории. Здесь представляется возможность работать над обогащением словаря учащихся, совершенствованием грамматического строя их речи, знакомить с нормами употребления в тексте языковых единиц всех уровней. Развитие речи учащихся при изучении грамматики рассматривается как одно из важнейших направлений общей методики преподавания русского языка в школе. Содержание работы по развитию связной речи учащихся раскрывается в специальных разделах программы: «Связная устная и письменная речь» и «Стилистика».

Нетрудно заметить внутреннюю зависимость между работой по развитию речи при изучении грамматики и работой над связной речью, поскольку высокая культура речи не может быть сведена к одной правильности (соблюдению норм), она заключается еще, по словам С. И. Ожегова, «в

умении найти не только точное средство для выражения своей мысли, но и наиболее доходчивое (т. е. наиболее выразительное) и наиболее уместное (т. е. самое подходящее для данного случая и, следовательно, стилистически оправданное)»⁴.

Итак, чтобы структура речи приобрела необходимое коммуникативное совершенство, учащийся должен владеть совокупностью нужных умений и навыков. Вместе с тем, для того чтобы приобрести эти умения и навыки, нужно иметь образцы коммуникативно совершенной речи, знать признаки и закономерности ее построения. Как показывают исследования психологов (Жинкин Н. И., Леонтьев А. А.), речевое сообщение имеет динамическую структуру, которая включает в себя четыре последовательно сменяющиеся друг друга фазы: ориентировку, планирование, реализацию и контроль. Умения связной речи, сформулированные в действующей программе по русскому языку, соотносятся с фазами речевой деятельности.

Первая фаза в структуре речевой деятельности требует от говорящего разобрататься в ситуации и решить вопрос о форме речи (устная, письменная), сфере общения (официальная, неофициальная), об условиях общения, функциях речи (общение, сообщение, воздействие). Она реализуется в процессе обучения школьников функциональным стилям.

Вторая фаза соотносится с умением собирать и систематизировать материал для высказывания, отбирать нужное и определять последовательность расположения в зависимости от типа речи. Эти умения способствуют формированию одного из основных коммуникативных качеств речи — логичности. Логичность как качество речи основывается на строгом соответствии употребления слов их значениям, на синтаксической организации и смысловой непротиворечивости частей в высказывании. Как видим, логичность как качество речи реализуется в основном на синтаксическом уровне.

Третья фаза речевой деятельности заключается в отборе языковых средств, адекватно раскрывающих тему высказывания в зависимости от типа и стиля речи. Эта фаза соотносится с умениями строить высказывания разных типов речи (повествование, описание, рассуждение) и выражать мысли правильно (с точки зрения литературных норм), точно и выразительно. Здесь формируются основные коммуникативные качества хорошей речи: правильность, точность, выразительность. Научить учащихся правильно, точно, выразительно употреблять и размещать слова в высказывании — одна из важных задач в системе обучения речи. Однако высказывание (текст) — это не просто совокупность слов, словосочетаний и предложений, а сложное образование, обладающее тематической, смысловой цельностью, связностью и определенной структурой.

Четвертая фаза речевой деятельности соотносится с умениями совершенствовать высказывание, правильно установить связи между темой высказывания, его основной мыслью и стилем речи, между темой и наиболее употребительными конструкциями. Работа по формированию данных умений требует системы, которая должна включать анализ композиции текстов различного характера, высказываний (сочинений) самих учащихся, выполнение упражнений с заданиями: озаглавить текст, правильно расположить его части, убрать не соответствующий теме материал, доработать высказывание и т. д.

Таким образом, сформулированные основные умения системы обучения связной речи соотносятся со всеми четырьмя фазами структуры речевой деятельности. «Через все звенья как бы проходит речь школьника в процессе речевой коммуникации вообще и при выполнении коммуникативно-речевых упражнений в частности, — пишет М. Б. Успенский. — Как известно, при этом формируются общеречевые умения, которые предполагают речевую деятельность целенаправленную и «программированную» по отношению к содержанию и интуитивно-рефлекторную по отношению к выбору языковой формы»⁵.

Исследования психолингвистов и методистов показывают, что процесс порождения речевого высказывания сложен. Особенно он сложен в условиях национальных школ, в том числе и в школах с белорусским языком обучения, так как при создании речевого произведения коммуникативные умения (умения создавать текст) опираются на речевые навыки (например, произносительные, словоупотребления, навыки правильного согласования, управления слов и др.), которыми учащиеся-белорусы владеют недостаточно хорошо вследствие интерферирующего влияния родного языка.

Все речевые навыки формируются постепенно в процессе работы по

грамматике и развитию связной речи учащихся. Например, умению правильно употреблять языковые средства в разговорном, научном и художественном стилях речи учащиеся обучаются в IV классе, в V классе овладевают умением употреблять языковые средства в текстах делового стиля; в VI классе работают над новыми дополнительными умениями: правильно строить тексты публицистического стиля, употреблять языковые средства в них и др. Естественно, что для создания высказывания каждого типа речи (повествования, описания, рассуждения) в его новом жанровом и стилевом варианте требуются и новые умения. Например, в IV классе — подробно и сжато излагать повествовательные тексты с элементами описания (предметов, животных и человека) и рассуждения, уметь писать сочинение-рассказ от случая из жизни и др.; в V классе — уметь передать текст от 1-го или 3-го лица, подробно, сжато и выборочно излагать повествовательные тексты с элементами описания помещения и природы, создавать сочинения-описание помещения и природы и др.; в VI классе — уметь создавать тексты повествовательного характера с элементами описания внешности людей, процессов труда, сочинение-рассуждение и др. Все перечисленные умения характеризуются точной целевой направленностью. Но из всех умений можно выделить такие, которые используются при создании высказывания любого типа речи, жанра, стиля. Это умение собирать, отбирать и систематизировать материал, соблюдать и аргументированно раскрывать тему высказывания, подчинять высказывание основной мысли, организовать материал в композиционно законченный текст, правильно, точно, выразительно, уместно использовать языковые средства. Умения аргументированно раскрывать тему и подчинять высказывание основной мысли связаны между собой неразрывно. Их можно назвать ведущими, хотя для раскрытия темы и выражения основной мысли учащиеся используют и другие умения. Практически все они находятся в постоянном взаимодействии и подчиняются одному, общему умению — создавать высказывание (текст) конкретного типа, жанра и стиля речи.

Значит, система работы по культуре речи должна быть основана на принципе обучения умениям связной речи, с помощью которых создаются повествования, описания, рассуждения в их жанровых и стилевых вариантах. Однако если исходить из положения, что культура речи — это нормативно-стилистический союз на уровне текста, то учитель должен, во-первых, позаботиться о системе тренировочных упражнений, способствующих овладению учащимися нормами литературного языка, во-вторых, упражнениях, предусматривающих самостоятельное создание текста.

Учитывая эти два основных направления в работе по культуре речи (привитие навыков правильной и хорошей речи), необходимо выделить и две группы упражнений: грамматические и коммуникативные. Упражнения 1-й группы должны быть направлены на усвоение норм русского литературного языка, предупреждение ошибок, устранение их из речи учащихся, на выработку умения сознательно использовать и контролировать употребляемые грамматические формы слова в высказывании, на осознание смысловых и выразительных возможностей грамматических форм, их стилистической окраски. Указанные упражнения до недавнего времени в связи с неупорядоченностью терминологии носили наименование стилистических. Они широко представлены в новых учебниках IV, V, VI классов для школ с белорусским языком обучения.

Работая над грамматической формой слова, учитель должен знать все типичные затруднения в усвоении нормы и ошибки в образовании и изменении (например, форм множественного числа существительных, сравнительной и превосходной степени прилагательных, личных форм глагола и форм склонения, форм причастий и др.), в употреблении форм в предложении (например, несоблюдение правил сочетаемости видовых и временных форм глагола, неправильное употребление краткой формы прилагательных вместо полной и т. д.) для того, чтобы выбрать методы и приемы их предупреждения и устранения. Для выполнения упражнений 1-й группы учитель имеет возможность обратить внимание учащихся и на особенности употребления изучаемой грамматической формы русского слова в отличие от родного (белорусского) и устранить ошибки, вызванные условиями двуязычной среды.

Вместе с тем наши наблюдения над речью учащихся показывают, что упражнения 1-й группы самостоятельного значения в аспекте коммуникативной деятельности учащихся не имеют, если эта нормативная работа не

вписывается в обучение связной речи. Эффективность таких упражнений значительно повышается, если они проводятся в рамках речевой деятельности, как один из ее этапов. Умения не только правильно, но и целесообразно, точно, выразительно употреблять языковые средства в речи вырабатываются в основном с помощью коммуникативных упражнений.

Вопрос о типологии коммуникативных упражнений недостаточно разработан. В теории методики связной речи они различаются по цели проведения (обучающие и контрольные), месту оформления (классные, домашние), форме выражения (устные, письменные). Т. А. Ладыженская, например, выделяет пять групп коммуникативных упражнений: 1) упражнения аналитического характера по готовому тексту (задания требуют анализа текста); 2) аналитико-речевого характера по готовому тексту (задания требуют абстрагирования, обобщения, создания элементов текста); 3) на переработку готового текста (задания требуют исправления текста); 4) создание нового текста на основе данного; 5) создание своего текста⁶. Если иметь в виду конечную цель обучения связной речи — выработку умения самостоятельно создавать высказывания различного стиля и типа, то в первую очередь нужно вооружить учащихся необходимыми теоретическими знаниями организации текста.

Вопрос о минимуме речеведческих знаний теоретических понятий относится к числу наименее разработанных. В современной школьной программе связной устной и письменной речи для усвоения учащимися IV—VI классов выделены следующие речевые понятия; текст, его структура и средства связи в нем; тема (широкая и узкая) и основная мысль текста; стили речи (разговорный, научный, художественный), типы речи (повествование, описание, рассуждение) — в IV классе; виды связи в тексте, официально-деловой стиль — в V классе; публицистический стиль речи — в VI классе. Данные теоретические сведения создают лингвистическую основу работы по развитию связной речи, так как «теоретические знания, усваиваемые учениками в процессе работы по программе «Развитие связной речи», — это главным образом знания о способах деятельности, о том, что и как надо делать, чтобы раскрыть тему и основную мысль высказывания»⁷.

Работа над теоретическими понятиями связной речи (текст и его структура, средства связи в нем, тема и основная мысль текста, стили речи, типы речи) позволит вооружать учащихся необходимыми знаниями и умениями построения текстов. Поэтому в системе II-й группы коммуникативных упражнений должны быть представлены: 1) Упражнения, требующие анализа готового текста на основе знаний теоретических речеведческих понятий. 2) Упражнения, вырабатывающие у учащихся умение создавать текст на основе исходного, по аналогии и свой текст.

Анализ может распространяться как на содержательную сторону высказывания, так и языковую форму речи. Совершенствование текстов будет во многом способствовать предупреждению ошибок в содержании, композиции, языковом оформлении будущих высказываний.

Таким образом, обучение культуре речи учащихся представляет собой систему работы, в основе которой лежит принцип формирования умений, обеспечивающих правильность, точность, выразительность, образность, логичность речи. Умения в свою очередь вырабатываются с помощью описанной нами системы упражнений. Выбор того или другого упражнения из общей системы определяется принципами целенаправленности и последовательности, последний из которых должен программировать нарастание трудности (от анализа к созданию высказывания, отвечающего требованиям правильной и хорошей речи).

¹ Леонтьев А. А. Речевая деятельность. — В кн.: Основы теории речевой деятельности. М., 1974, с. 25.

² Супрун А. Е. Лекции по лингвистике: Учебное пособие. — Минск, 1980, с. 4.

³ Там же, с. 15.

⁴ Ожегов С. И. Лексикология, Лексикография, Культура речи. — М., 1974, с. 287.

⁵ Успенский М. Б. Совершенствование методов и приемов обучения русскому языку в национальной школе. — М., с. 60.

⁶ Ладыженская Т. А. Связная речь. — В кн.: Методика развития речи на уроках русского языка. М., 1980, с. 219.

⁷ Там же, с. 197.

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МАСТЕРСТВА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Коллектив кафедры педагогики БГУ имени В. И. Ленина на протяжении ряда лет разрабатывает систему психолого-педагогической подготовки студентов. По мнению Н. В. Кузьминой, педагогическое мастерство характеризуется достижением высоких результатов, идейной целеустремленностью, владением своим предметом и методами учебно-воспитательной работы, пониманием ученика; высокой педагогической техникой, изобретательностью, находчивостью в решении многочисленных учебно-воспитательных задач, теоретическим осмыслением своего опыта, педагогической культурой и творческим подходом к делу, системой и последовательностью в работе¹. Существует прямая корреляционная связь между уровнем мастерства и творческой активностью учителя. Обучение будущих учителей умениям квалифицированно разбираться в своей специальности, самостоятельно исследовать, анализировать, обобщать факты и явления; связанные с практической деятельностью — вот один из важных вопросов формирования педагогической активности будущего специалиста.

В процессе обучения лекции отводятся роль первичного источника студенческих знаний, а также фактора их систематизации и упорядочения. Небезынтересно знать, какие требования предъявляют студенты к лектору и лекциям. Вот их мнения (результат анкетного опроса): «Чем выше над аудиторией преподаватель, тем спокойнее студент»; лекция «должна быть толковой, конкретной, отвечать на поставленные вопросы», «меньше голый теории, которую можно и по учебнику прочитать», «конкретно подходить к вопросам, поставленным в программе, не расплываться», «давать тему следующей лекции, чтобы студенты заранее знали и могли подготовиться, задавать вопросы и обсуждать их», «оставлять время на вопросы» и т. д. Поэтому перед преподавателем стоит задача: усовершенствование курса, насыщение его научно обоснованным материалом. Немаловажно также умение преподавателя связывать теоретический курс с реальной жизнью школы и использовать технические средства. С этой целью в курсе педагогики БГУ имени В. И. Ленина наряду со слайдами, графиками, таблицами предусмотрено использование кинофрагментов. Так, в разделе «Общие основы педагогики» используются кинофрагменты: «Илья Николаевич», «Н. К. Крупская», «Сердце отдаю детям» и др., по теме «Основы дидактики» — «Час ученичества», «Чему и как учить сегодня», «Педагогические раздумья» и др.

Можно привести много высказываний студентов о том, что систематизированный лекционный курс с использованием технических средств значительно обогащает будущих учителей. Так, после использования в лекции «Эстетическое воспитание» кинофрагментов «В Третьяковской галерее» мы получили от студентов следующую информацию: «Вступая в храм искусства, чувствуешь его величие, незабываемость и неповторимость. Каждому человеку необходимо чаще и чаще соприкасаться с прекрасным. Театры, живопись, кино возвышают человека, вносят огромный вклад в воспитание его личности». Или же: «Картины художников второй половины XIX века вызывают восхищение и удивление. Глядя на картины, чувствуешь вкус воздуха, ветер, весну. Из этих картин я больше узнала жизнь и быт русского народа, почувствовала его силу и мощь. Мне кажется, что картины помогают понять и выразить то, о чем нельзя рассказать словами».

Творчески работающие педагоги целенаправленно ведут студентов к расширению духовного кругозора, диапазона интересов, вовлекая их в решение жизненно важных политических, мировоззренческих, нравственных, трудовых проблем. На вопрос «Смогли ли Вы во время педагогической практики использовать знания, полученные в процессе изучения курса педагогики?» студенты ответили: «До первого своего урока думала, что ничего не знаю, нет никакой подготовки. Но когда начала сама работать, поняла, что лекции по педагогике дали много. Может потому мне так легко и интересно работать в школе». «Я ничего определенного не вспомнил из курса педагогики, когда пришел в школу. Но у меня было такое чувство, что я со всем этим сталкивался раньше и первый урок не казался мне чем-то новым». Или же: «Я знала, что быть учителем трудно, но когда я сама стала проводить уроки, то поняла, что труд учителя (хорошего) — огромный труд».

Отношение студентов к профессии учителя нельзя считать окончательно определившимся. Однако мотивация выбора профессии, ценностные ориентации и профессиональная установка требуют от будущих специалистов активного участия в подготовке рефератов и докладов, диспутов, дискуссий, в работе педотрядов. Творческий поиск в процессе обучения учительскому труду концентрируется на формировании активной жизненной позиции. Реализуя предписания, инструкции, педагогические рецепты курса обучения в процессе пионерской и педагогической практики, студенты обязаны осознать свою деятельность и наметить ее перспективы. Каждый студент на примере труда своих старших коллег, имея научно-теоретическую базу и некоторый опыт, все более осознает себя непосредственным организатором педагогического процесса. Однако, как пишут студенты, нужно приложить немало труда, умений, душевного тепла, чтобы быть понятным и полезным для учащихся.

В практику работы химического факультета прочно вошло проведение научных студенческих конференций, посвященных не только деятельности выдающихся педагогов, но и обсуждению актуальных задач школы. Конференция проводится по определенной теме, например, «Этика и культура поведения учителя», «Эффективность и качество учебно-воспитательной работы в свете решений XXVI съезда КПСС» и др. В этом учебном году проводилась конференция по теме «Урок — основная форма учебно-воспитательной работы в школе». Тематика предстоящей итоговой конференции доводится до сведения студентов заблаговременно, чтобы будущий учитель мог совмещать учебно-воспитательную работу с научно-исследовательской. Студенты работают коллективно над определенным разделом темы. Этот материал впоследствии широко используется в учебно-воспитательной работе вуза.

Проведение подобных конференций помогает будущим учителям осваивать специфику подготовки докладов, учит их умению выступать перед аудиторией, отстаивать свои убеждения.

Обучая студентов творческому отношению к своей профессии, кафедра обращает внимание не только на получение знаний, но и освоение умений и навыков передавать эти знания учащимся, освещать и оценивать изучаемые явления с диалектико-материалистических позиций. Химия как учебный предмет оперирует категориями качества и количества, исследует диалектику их отношений. Поясним сказанное фрагментом из научно-исследовательской работы студента: «Количество и качество выступают как единство противоположностей. Поэтому различают две взаимодействующие формы развития — качественную и количественную, включающие в себя, с одной стороны, непрерывность, постепенность в развитии и, с другой — качественный скачок от старого к новому. Процесс развития в неживой и живой природе идет как переход от старого к новому качественному состоянию, от простого к сложному. Пример с составом воды свидетельствует о том, что молекула — это не просто сумма атомов, а качественно новое образование. Если при образовании молекулы два атома водорода соединятся с одним атомом кислорода (2 : 1), то это обычная вода. Если же в одну молекулу соединить два атома водорода и два атома кислорода, то получится новое, тоже жидкое и прозрачное вещество — перекись водорода. В данном случае качественные изменения, порождающие возникновение новых веществ, обусловлены изменением числа атомов кислорода в молекуле, т. е. количественным изменением».

¹ См.: Кузьмина Н. В. Очерки психологии труда учителя. — Л., 1967.

Л. В. СУНДУКОВА, А. А. КАДУШИНА ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЬСКИХ КАДРОВ В ЧССР

Система подготовки педагогических кадров в ЧССР для всех ступеней образования и воспитания направлена на обеспечение эффективного обучения и воспитания подрастающего поколения социалистического общества. Воспитатели для яслей и детских садов готовятся в средних педагогических школах. Учителя для основных школ и средних учебных заведений готовятся в университетах или в высших педагогических заведениях. Следует отметить, что все выпускники вузов получают по две специальности. Учи-

теля, ведущие спецпредметы, обучаются на педагогических отделениях экономических, технических, сельскохозяйственных, художественных вузов. Квалификацию воспитателей дает любое высшее педагогическое образование.

В настоящее время осуществляется новая программа подготовки учителей. Обучение учителей и воспитателей проводится на основе общегосударственных учебных планов, в которых представлены предметы общественно-политического, психолого-педагогического циклов, спецпредметы. Обязательной составной частью их является педагогическая практика. Система прохождения практики в школе совершенствуется, изменяются ее содержание, продолжительность и организация.

Педвузы ЧССР являются центрами подготовки высококвалифицированных специалистов и одновременно крупными научно-исследовательскими учреждениями. Цель этих учебных заведений — дать школе образованных, знающих и любящих свое дело специалистов, в совершенстве владеющих основами педагогической науки, методами обучения и воспитания. Особое внимание в связи с реорганизацией школьной системы уделяется вопросам повышения эффективности обучения, идейного и педагогического качества учебно-воспитательной деятельности. Пересматриваются критерии и методы определения качества учебно-воспитательной работы в школе, разрабатываются новые учебные планы и программы подготовки учителей.

Педагогические вузы стремятся сформировать у студентов диалектико-материалистическое мировоззрение, правильное понимание законов общественного развития; воспитывать у студентов и научить их развивать у учащихся чувство патриотизма, пролетарского интернационализма, гуманизма; научить студентов вести внеклассную работу, оказывать помощь пионерской и комсомольской организациям; знакомить будущих учителей с достижениями современной педагогической науки, с возрастными особенностями детей, пробудить у них интерес к общественной деятельности.

Постановление «Дальнейшее развитие чехословацкой учебно-воспитательной системы» (1976)¹ нацеливает на необходимость соблюдения единства идейно-политического воспитания; сочетание воспитания у будущих педагогов коммунистической морали со всесторонней подготовкой их к учебно-воспитательному процессу, полного усвоения ими предметов выбранного профиля. В идейно-политическом воспитании ведущая роль отводится общественным наукам. В педвузах, как, впрочем, и в других высших учебных заведениях, организовано глубокое изучение трудов классиков марксизма-ленинизма, теоретических основ политики КПЧ и правительства ЧССР. Вся учебно-воспитательная работа направлена на то, чтобы положения марксистско-ленинской теории были сознательно усвоены и стали убеждениями.

В настоящее время школа ЧССР находится на этапе качественного совершенствования содержания, форм организации учебного процесса и методов обучения. Главными методами обучения будущих учителей считаются проблемные лекции, семинары и спецсеминары, на которых обсуждаются доклады, написанные студентами по избранной ими теме, упражнения с решениями психолого-педагогических задач, практикумы, научно-исследовательская работа. Все эти методы помогают развить самостоятельность студентов, овладеть методами исследований, выработать навыки и умения применять полученные знания на практике, определять научные интересы студентов.

В связи с реорганизацией школьной системы ЧССР, рассчитанной на восемь лет (1976—1984), перед учителем ставятся новые задачи, требующие самообразования, самосовершенствования. Стараясь не отстать от жизни, от прогресса науки, чехословацкие педагоги повышают свою квалификацию, сочетая педагогическую деятельность с систематической учебой. Самообразование учителей осуществляется при помощи широкой сети педагогических библиотек, периодических собраний учителей, в ходе которых учителя обмениваются мнениями и опытом педагогической работы. Достижения лучших учителей широко популяризируются, становятся достоянием всей педагогической общественности республики. Чехословацкие учителя и педагоги-теоретики тщательно изучают постановку дела народного образования в СССР и других социалистических странах, заимствуют у них все лучшее, что отвечает потребностям и особенностям национального развития. Значительную помощь чехословацким учителям в самообразовании оказывают методические журналы, пособия, периодическая педагогическая пе-

чать. Особый вклад вносят психолого-педагогические издания университета имени Коменского в Братиславе, Карлова университета в Праге, издания Европейского информационного центра повышения квалификации учителей. Совершенствованию профессии учителя способствуют также школы передового опыта. В них проводятся совещания, конференции, показательные уроки.

Специфика учительской профессии состоит в том, что она требует непрерывного пополнения знаний, совершенствования методов обучения и воспитания. В течение нескольких лет педагогические вузы следят за успехами своих выпускников, получая сведения от директоров школ и других специалистов о подготовленности и деятельности вчерашних студентов, посещая проводимые ими занятия, анализируя внеклассные мероприятия. Все это помогает изучить, как адаптируется молодой учитель в школьной среде, какие трудности возникают перед ним, что следует учесть при обучении студентов педагогических вузов. Чешские ученые уделяют большое внимание изучению воспитательно-профессиональной деятельности молодых педагогов. При этом наибольший упор делается не на отдельные стороны общей подготовки, а на характер взаимовлияния, взаимодействия учителя и ученика.

Единая система постоянного повышения квалификации учителей является составной частью подготовки педагогов. Задача факультетов повышения квалификации состоит в том, чтобы дополнить, углубить и расширить знания, полученные во время основного курса подготовки учителей в высших педагогических учебных заведениях. При этом в отличие от системы повышения квалификации учителей в нашей стране в ЧССР оно состоит из трех ступеней: первая ступень называется «введение начинающих учителей в практику». Молодой учитель как бы полностью окунается в жизнь школы, в практику учебно-воспитательной работы и под руководством более опытных педагогов на протяжении двух лет повышает свою квалификацию.

Через пять-шесть лет практической работы в школе каждый учитель включается в процесс последипломного вузовского обучения (вторая ступень). Цель ее состоит в дальнейшем повышении идейно-политического, педагогического и профессионального мастерства молодого учителя. Обучение длится два года и завершается написанием реферата и сдачей экзамена. Третья ступень повышения квалификации, обязательная для всех учителей, окончивших две предыдущие, — обучение на специальных курсах. Всем, успешно окончившим отдельные ступени повышения квалификации слушателям, выдаются свидетельства, от которых зависит как продвижение по службе, так и размер оклада. Получение академической или ученой степени в области психолого-педагогических наук приравнивается к последипломному обучению.

Деятельность учителя не должна ограничиваться школой, преподаванием своих предметов. Он должен принимать активное участие в общественной жизни страны. Участвуя в общественной и политической жизни, учитель выступает как посланник партии, разъясняя широким массам проводимую ею политику.

Реформа чехословацкой школы еще не закончена, но результаты развития народного образования в конце 70 — начале 80-х годов свидетельствуют о том, что вводимая в действие система будет способствовать более эффективному решению задач, стоящих на данном этапе перед школой ЧССР.

¹ См.: Další Rozvoj Československej Výchovno-Vzdelávacej Sústavy.— Bratislava, 1979.

БОРИС ПАВЛОВИЧ МИЦКЕВИЧ

Скоропостижно, на пятьдесят восьмом году жизни скончался один из старейших преподавателей филологического факультета БГУ имени В. И. Ленина, ветеран Великой Отечественной войны, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Борис Павлович Мицкевич. Человек большого, щедрого сердца, талантливый и трудолюбивый, Борис Павлович принадлежал к тем, кто, уходя из жизни, потом еще долгие годы живет среди людей в своих добрых делах и поступках. Для многих, знавших его лично, ярким примером навсегда останутся присущие ему беспредельная скромность, чуткая готовность откликнуться, придти на помощь любому, умение искренне порадоваться чужому успеху.

Б. П. Мицкевич прожил жизнь, типичную для своего поколения—его не миновали ни тяготы военного лихолетья, ни радости добытых трудом успехов.

Родился он 20 августа 1925 года в деревне Зеленые Луки Уваровичского района Гомельской области в семье сельских учителей. После смерти отца в 1931 году мать с детьми переехала в Гомель. Когда началась Великая Отечественная война, семья Мицкевичей была эвакуирована на Урал. Здесь Борис Мицкевич в 1942 году закончил среднюю школу и попросился добровольцем на фронт. Пройдя ускоренное обучение, в качестве младшего командира был направлен в действующую армию.

После демобилизации в 1946 году работал в Жлобинском военкомате. А в 1949 году поступил на отделение журналистики филологического факультета БГУ имени В. И. Ленина, которое окончил с отличием. Научные способности Б. П. Мицкевича проявились еще в студенческие годы. За сочинение, посвященное обзору литературной критики на страницах газеты французской компартии «Юманите», Б. П. Мицкевич получил первую премию и медаль на Всесоюзном смотре студенческих работ. С 1954 по 1957 год он занимался в аспирантуре, затем до конца своих дней находился на преподавательской работе в Белгосуниверситете. В 1960 году защитил кандидатскую диссертацию «Творчество Шарля де Костера и становление реализма в бельгийской литературе». С 1966 по 1979 год заведовал кафедрой зарубежной литературы.

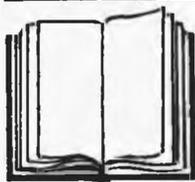
Как преподаватель Борис Павлович Мицкевич выделялся энциклопедическими знаниями и высокой филологической культурой. Он читал лекции по всем эпохам мировой литературы—от античности до наших дней. И всем им были присущи ясность содержания, завершенность формы, яркая публицистичность и увлекательность. Борис Павлович Мицкевич—автор многих популярных статей по истории зарубежных литератур. Особо следует выделить его превосходную монографию о Шарле де Костере, которая до сих пор является единственным в нашей стране исследованием на эту тему. Он является соавтором книги «История печати зарубежных коммунистических и рабочих партий», редактором и автором основных разделов учебного пособия по зарубежной литературе от античности до 1917 года для студентов филологических факультетов университетов, соавтором вузовского учебника «Зарубежная литература 1917—1975 гг.» Немало книг зарубежных авторов, изданных в Белоруссии, вышли в свет с его предисловиями. Борис Павлович входил в состав редколлегии серии книг «Мастера современной прозы» издательства «Прогресс», был членом редколлегии журнала «Вестник БГУ имени В. И. Ленина».

Вел Б. П. Мицкевич и общественную работу. Он был председателем научного совета Белгосуниверситета по проблемам закономерностей развития мировой литературы, научным секретарем секции языка и литературы научно-технического совета Минвуза БССР, активным членом правления общества «Франция—СССР», членом ревизионной комиссии Белорусского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами, научным консультантом Белорусской Советской Энциклопедии, внештатным лектором Минского горкома КПБ.

Боевые и трудовые заслуги Б. П. Мицкевича отмечены орденом Красной Звезды, медалями, Почетной грамотой и Грамотой Верховного Совета БССР.

На полях одной из последних, не завершенных работ Бориса Павловича—о Луи Арагоне—сделана выписка: «Память... Светлая память... Нередко так говорят, когда навсегда уходит хороший человек. Не потому ли последней волей часто бывает просьба помнить добром, не терзаться, не мучить себя, не плакать?..» Да исполнится его желание: пусть навсегда сохранится в сердцах многочисленных учеников Бориса Павловича Мицкевича, товарищей по работе, всех знавших его, светлая память о нем.

И. В. Шабловская, Н. И. Лапидус

Профессор Никита Ильич Толстой / Библиографический указатель по славянскому и общему языкознанию.— Самарканд: Самаркандский гос. ун-т им. Алишера Навои, 1983.— 112 с.

В этом году советские слависты отметили шестидесятилетие профессора Московского университета, заведующего сектором в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, члена Македонской и Венской академий Никиты Ильича Толстого, много сделавшего и для изучения белорусского языка и фольклора, а также для развития белорусской славистики. К этой дате Самаркандский университет выпустил библиографический указатель трудов Н. И. Толстого, задуманный как первый выпуск серии библиографических указателей по общему и славянскому языкознанию (персоналия).

Указатель открывается кратким предисловием и вступительной статьей профессора В. М. Мокиенко, характеризующей научную и педагогическую деятельность Никиты Ильича. Далее следуют расположенные в хронологическом порядке аннотированные труды Н. И. Толстого. Труды разбиты на рубрики: статьи, монографии; редактирование; рецензирование; переводы; персоналии и некрологи. Всего в указатель включено 205 работ. Указатель снабжен именным, терминологическим, лингвонимическим индексами, списком основных рецензий на труды Н. И. Толстого и «образцами текстов» — фрагментами из некоторых его работ. Думается, что вместо последнего было бы целесообразнее дать, скажем, перечень авторефератов диссертаций, выполненных учениками Н. И. Толстого.

Библиографический указатель и аннотации работ Н. И. Толстого выполнены с большой тщательностью. Можно, правда, сомневаться в необходимости аннотирования всех работ, включенных в библиографию. Однако, возможно, составителями здесь руководило стремление к последовательному соблюдению

принципа аннотирования. Пропусков в столь большой библиографии почти нет. Отметим, однако, что в нее не попали тезисы докладов Н. И. Толстого «История литературы — история литературного языка (Некоторые общие проблемы и возможности синкретического исследования)», помещенные в сб. «Тыпалогія славянскіх моў і ўзасмадзяенне славянскіх літаратур» (Мінск, выд-ва БДУ, 1977, с. 282—284), «Мифологические аспекты древней славянской духовной культуры и последующей народной традиции», включенные в сборник «Международная научная конференция «Славянские культуры и мировой культурный процесс» (Минск, Наука и техника, 1982, с. 49—51). Не нашло отражения редактирование монографий А. Д. Дуличенко «Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития» (Таллин, Валгус, 1981, 324 с.), Г. А. Цыхуна «Типологические проблемы балканославянского языкового ареала» (Минск, Наука и техника, 1981). Есть неточности в описаниях позиций 150 и 151, 67, 123, 128; позиция 157 относится к 1981, а не к 1982 году. Это, однако, частности. Самаркандские товарищи, составители сборника и редакторы А. М. Бушуй и В. М. Мокиенко сделали изданием книги большое и полезное дело. Следует пожелать успеха этому полезному начинанию. Одним из основателей самаркандской славистики был Л. И. Ройзензон (1920—1977); было бы справедливым один из ближайших выпусков библиографии посвятить его трудам. Но и другие персональные библиографии советских лингвистов будут встречены специалистами с интересом и благодарностью.

А. Е. Супрун

Г. А. Цыхун. Типологические проблемы балканославянского языкового ареала.— Минск: Наука и техника. 1981.— 230 с.

Кніга Г. Цыхуна з'яўляецца адной

з нямногіх сярод існуючых сінтэтычных прац па балканістыцы, якую можна аднесці да здабыткаў еўрапейскага мовазнаўства. Ужо адно гэта надае ёй вялікую вартасць. Па-другое, у галіне параўнальнага вывучэння славянскіх моў гэта бадай што адзіная праца, у якой балканаславянская лінгвістычная праблема тыка вылучана як цэлае на фоне іншых славянскіх моў. Тым самым яна адкрывае новыя перспектывы ў развіцці параўнальнай граматыкі славянскіх моў, чымі «пасынкамі» да нядаўняга часу з'яўляліся балканаславянскія мовы. Тлумачыцца гэта немагчымасцю аддзяліць параўнальнае вывучэнне славянскіх моў ад гіпатэтычнай праславянскай «моўнай матэрыі» пры спробе прасачыць у параўнальным плане развіцце граматыкі славянскіх моў у шырокім яе разуменні. У сувязі з тым, што тыпалагічныя змены ў балканаславянскіх мовах на фоне іншых славянскіх моў зводзяцца ў асноўным да адносна хуткага перамяшчэння з марфалагічнага на сінтаксічны ўзровень цэлага шэрагу катэгорый, якія традыцыйна разглядаюцца ў раздзеле марфалогіі, існуючыя параўнальныя граматыкі славянскіх моў у значнай ступені ігнаруюць даныя балгарскай і македонскай моў. Іх праблема тыка амаль не закранаецца ў гэтых граматыках, калі не лічыць кароткіх заўваг аб «страце» (або адсутнасці) скланення ці інфінітыву. Такім чынам, сінтаксічныя механізмы функцыянавання названых катэгорый і граматычных форм знаходзяцца па-за межамі цікавасці даследчыкаў параўнальнай граматыкі славянскіх моў, тым больш што пры вывучэнні славянскага сінтаксісу толькі ў невялікай ступені прымаецца пад увагу генезіс ці зыходны агульнаславянскі стан асобных рэгіянальных сінтаксічных інавацый.

Нельга не сказаць і таго, што такія даследаванні з'яўляюцца больш рэдкімі і вядуцца менш кампетэнтна і комплексна, чым ранейшыя параўнальныя славянскія даследаванні ў галіне фанетыкі і марфалогіі. Выклікана гэта перш за ўсё радыкальным абмежаваннем перспектывы асобных даследчыкаў, звязаным з іх больш вузкай спецыялізацыяй. Такага звужэння перспектывы шчасліва пазбегнуў Г. Цыхуна. Паходзячы ў этнічна-моўных адносінах з самай перыферыі ўсходняга славянства, ён добра ведае па меншай меры па адной мове з астатніх славянскіх моўных груп (балгарскую і польскую), што з'яўляецца элементам перадумайовай пашырэння даследчыцкай перспектывы.

Праблема спосабаў і этапаў пераходу з марфалагічнага на сінтаксічны ўзровень, якая належыць раг excellence да праблематыкі моўнай тыпалогіі, да гэтага часу практычна не ставілася ў славянцы. Механізм такога пераходу можна выявіць толькі шляхам шырокага абгульнення, якое прымае пад увагу побач з гісторыяй балканаславянскіх моў таксама іх сучасную і гістарычную дыялекталогію, не гаворачы ўжо аб залежнасці развіцця балканаславянскіх моўных тэндэнцый ад развіцця сусед-

ніх — неславянскіх — моў балканскага моўнага саюзу, а таксама неславянскіх моў за межамі Балканаў, паколькі гэтыя мовы дэманструюць тэндэнцыі развіцця, супольныя з іншымі славянскімі мовамі.

Праца Г. Цыхуна і ставіць перад сабой за мэту дасягненне менавіта такой перспектывы, і тое, што не ва ўсіх выпадках яна падпарадкоўвае сабе гэтую шырокую перспектыву, тлумачыцца сапраўды наватарскім характарам даследавання. У прыватнасці, існуюць значныя разыходжэнні паміж лакалізацыяй эпіцэнтра балканаславянскіх інавацый «у сферы выражэння склонава-прыназоўнікавых адносін» (канструкцыі з *на*; страта склонавых форм) і данымі С. Стойкава (Stojkov St. *Nominale Kasusformen in der bulgarischen Sprache. — Welt der Slaven, 1968, № 1*). З карт і апісанняў С. Стойкава вынікае, што эпіцэнтр «страты скланення» павінен знаходзіцца прыблізна там, дзе Г. Цыхуна лакалізуе цэнтр распаўсюджвання аналітычных форм ступеняў параўнання. Было б дарэчы сустрэць у кнізе крытыку іншых існуючых ці лёгка ўзнаўляльных інтэрпрэтацый развіцця балканаславянскіх граматычных з'яў у галіне сінтаксісу (іменнай групы).

У галіне тыпалогіі славянскіх моў праца Г. Цыхуна ў многіх адносінах мае выключна піянерскі характар. У першую чаргу гэта датычыць гістарычнай тыпалогіі, якая ў славянцы проста не існуе, калі не лічыць доказаў яе «існавання» ужыванне час ад часу яе назвы. Такім чынам, праца Г. Цыхуна «Тыпалагічныя праблемы балканаславянскага языковага ареала» ўносіць значны ўклад не толькі ў славянскую балканістыку, але і ў параўнальную граматыку славянскіх моў.

Х. Ажахоўска

А. Н. Ш а р а н д а. Сравнительная типология категории предлога (на материале немецкого, русского и белорусского языков). — Минск: Наука и техника, 1981. — 230 с.

Манаграфія А. М. Шаранды — гэта спецыяльнае даследаванне, прысвечанае параўнальнаму вывучэнню тыпалогіі прыназоўнікаў у нямецкай і дзвюх роднасных рускай і беларускай мовах. Праца складаецца з пяці асобных раздзелаў.

У першым з іх разглядаюцца некаторыя агульныя пытанні тэорыі прыназоўніка, яго значэнне, віды і тыпы сінтаксічных адносін, якія выражаюцца адпаведнымі склонава-прыназоўнікавымі канструкцыямі ў структуры сказа. Надзвычай важным з'яўляецца тое, што аўтар не проста раскрывае розніцы, а часамі і супрацьлеглыя погляды вучоных на прыроду і функцыю прыназоўніка, але і выказвае сваю прынцыповую думку адносна аб'екта даследавання. Прыназоўнік, паводле канцэпцыі аўтара, — катэгорыя марфалагічная, а на ўзроўні словазлучэння ці сказа — катэгорыя сінтаксічная. Прыназоўнікі не служаць ядром сінтаксічных структур. Яны выкары-

стоўваюцца ў сказе для граматычнай арганізацыі і семантычных сувязей спалучаемых слоў. Пры гэтым, калі прыназоўнік структурна і граматычна прыцягваецца да левага кампанента (часткі) канструкцыі, ён пераўтвараецца ў граматыкалізаваную марфему і не з'яўляецца самастойнай лексічнай адзінкай; калі ж сувязь прыназоўніка больш цесная з залежным кампанентам — склонавай формай назоўніка ці займенніка, то ён захоўвае ў адпаведным спалучэнні сваю лексічную самастойнасць. Лексічная непэўназначнасць ці семантычная «пустата» прыназоўніка ў складзе адпаведнай канструкцыі можа ў раздзе выпадкаў аказвацца запэўненай у сінтаксічным плане — граматычна (с. 14—15).

Аўтар справядліва ўказвае, што асноўнае прызначэнне прыназоўнікаў у выражэнні канкрэтных відаў адносін паміж прадметамі ці паняццямі аб'ектыўнай рэчаіснасці, дзеяннямі, іх уласцівасцямі. Прыназоўнікі прыносяць у выказванне пэўныя сэнсавыя значэнні, якія залежаць ад іх паходжання і функцыянальнага выкарыстання ў мове. Ужыванне прыназоўніка пры склонавай форме таго ці іншага назоўніка заўсёды служыць мэтам выражэння яго адносін да другога ці другіх прадметаў або паняццяў рэчаіснасці. На фарміраванне прыназоўнікавых значэнняў і семантычных адносін паміж прадметамі ўплываюць розныя фактары, сярэдзі якіх, аднак, найбольш пэўна вылучаюцца прыкметы накіраванасці дзеяння, кантактнасці — некантактнасці з прадметам ці дзеяннем і мяжы, ці граніцы прадмета або яго формы. Значная ўвага ўдзяляецца ў гэтым раздзеле прынцыпам і метадам даследавання прыназоўнікаў пры супастаўляльным плане іх вывучэння.

У наступных раздзелах аналізуюцца канкрэtnыя выпадкі сінтаксічнага выкарыстання прыназоўнікаў пры выражэнні розных відаў сэнсава-сінтаксічных адносін — прасторавых, часавых, каузальных і фінальных. Матэрыялам для аналізу паслужылі шматлікія мастацкія творы нямецкіх пісьменнікаў і іх пераклады на рускую і беларускую мовы. Семантычныя варыянты прыназоўнікаў у тых і другіх мовах ілюструюцца данымі спецыяльных табліц. У канцы кожнага з раздзелаў падводзяцца вынікі праведзеных даследаванняў. На жаль, у працы не знайшлі адлюстравання некаторыя спецыфічныя беларускія канструкцыі, напрыклад, з прыназоўнікамі *паўз, па-за, па-над*, з *па-над* (пры выражэнні прасторавых значэнняў), *каля, цераз* (пры выражэнні часавых значэнняў) і інш. Не ўлічаны сэнсавыя адценні паасобных беларускіх склонава-прыназоўнікавых спалучэнняў.

Няма сумнення, што навуковая і пазнавальная значнасць працы яшчэ больш урасла, калі б аўтар глыбей пазнаёміўся са спецыяльнай беларускай лінгвістычнай літаратурай, у якой даволі поўна і деталёва раскрыты граматычныя структура і сінтаксічная семантыка розных прыназоўнікавых канструкцый. Тым не менш навуковая праца А. М. Шаранды — гэта значны крок у тыпала-

гічных даследаваннях славяна-германскіх моўных сувязей.

А. І. Наркевіч,
А. В. Шыдлоўскі

В. В. Кусков. История древнерусской литературы / Издание четвертое, исправленное и дополненное.— М.: Высшая школа, 1982.— 296 с.

Книга В. В. Кускова является учебником, рассчитанным на студентов филологических специальностей университетов, она помогает углубить и расширить представления о Древней Руси и ее духовной культуре, ощутить органические связи всех этапов литературного процесса и единство древней и современной культур. Тираж четвертого издания — 70 тыс. экз. (2-е изд. 1966 г. — 25 тыс., 3-е, 1977 — 40 тыс.). Факты показательные. Они свидетельствуют о нужности, признании и широкой популярности книги.

Творчески освоив достижения предшественников, особенно таких выдающихся ученых-педагогов, как Н. К. Гудзий, А. С. Орлов, И. П. Еремин, В. В. Кусков сумел определить свою манеру изложения, строгую и лаконичную. Автор выделяет важнейшие в идейно-эстетическом плане звенья рассматриваемого произведения, привлекает самые выразительные примеры, и в результате создается весьма целостное представление о его содержании, идейном наполнении и художественном своеобразии. Литературные памятники рассматриваются на широком историческом фоне и в связи с другими культурными явлениями прошлого.

В. В. Кусков показывает многосторонность связей литературного творчества с историей родины в разные периоды, целеустремленно прослеживает диалектику содержания и формы средневековых произведений, эволюцию жанров и способов раскрытия человека, выявляет динамику и непрерывность литературного процесса. Особое внимание ученый уделяет вопросу об истоках формирования традиций народности, высокой идейности и гражданственности, патриотизма и гуманизма и при этом умело оттеняет то, что дорого сегодняшнему человеку. Автору, несомненно, удастся приблизить и сделать понятным студентам своеобразный художественный мир древних писателей, ввести их в круг научных проблем, стимулировать углубленный интерес к изучаемому материалу, содействуя формированию у них научного мировоззрения. Все исторические комментарии, литературные и культурные параллели оправданы: они хорошо служат поставленной цели.

При каждом переиздании книги В. В. Кусков, учитывая новые открытия и исследования, делал необходимые дополнения, вносил изменения. Совершенствовался анализ конкретных литературных фактов и явлений, уточнялись оценочные суждения и выводы. Соответ-

стве программе курса, высокий научный уровень, выверенность оценок в сочетании с доступностью изложения — несомненные достоинства предшествующих и настоящего изданий.

В четвертом издании автор уточнил периодизацию историко-литературного процесса XI—XVII веков. В результате студенты получают более конкретные и обстоятельные представления об изучаемых произведениях. Полнее и четче говорится о методе и стилях. Очень важно также и то, что и в новом издании уделено внимание блистательной прозе Кирилла Туровского, Климентия Смолятича, полнее представлен Симеон Полоцкий. Очевиден их весомый вклад в литературу и культуру восточных славян, в древнерусскую литературу в целом. В конце учебника содержится обновленная рекомендательная библиография, а также указатели имен и произведений.

Одним из достоинств учебника является внимание к сложным проблемам. Однако вопрос о русском Предвозрождении поставлен автором в самом общем виде (с. 174). В первом томе «История русской литературы XI—XVII веков» (М.: Просвещение, 1980) о конце XIV — первой половине XV века говорится как о веке Предвозрождения, отмечаются ренессансные явления и в литературе этого времени. В. В. Кусков, рассматривая те же явления, термина «ренессансные» к ним не применяет. Характеристика сущности раскола была бы более понятной студентам, если бы автор полнее сказал о том, в чем церковная реформа 1653 года, которая была «сведена к внешней обрядовой стороне» (с. 255), «по существу ознаменовала новый этап подчинения церкви светской власти» (с. 355).

Академик Д. С. Лихачев в 1980 году дал высокую общую оценку третьего издания учебника В. В. Кускова, одним из достоинств которого он считал краткость. Это качество, отмеченное известным ученым (и весьма привлекательное для изучающих курс древнерусской литературы), — в четвертом издании явно тяготеет к своей противоположности.

Л. Л. Короткая

В. Шошин. Интернационалисты — мы! К проблеме взаимодействия национальных литератур. — Л.: Советский писатель, 1982. — 366 с.

Книга В. Шошина посвящена актуальному вопросу межнационального взаимодействия литератур. В этой многоплановой теме автор выделяет один из малоисследованных аспектов. Он обращается к рассмотрению инонациональной темы русской советской литературы как составной части общего понятия интернационализма в искусстве. Исследование проблемы ведется в историческом освещении, поэтому вполне закономерны и обращение к прошлому русской литературы и показ развития инонациональных мотивов и тем в советской литера-

туре на всех этапах ее существования. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Л. Толстой дали великолепные образцы изображения быта, нравов, типических черт других народов, заложив таким образом основы межлитературного взаимодействия. Их творчество явилось одной из форм национального самосознания, воплотило способ бытия и особенности психологии русского народа. В. Шошин показывает, как многие черты, составляющие понятие «национальное» в литературе, были продолжены в советский период, что нового внесли писатели в разработку инонациональной темы, он подчеркивает сложность и неоднозначность понятия «национальный характер», отмечает творческие удачи и просчеты его художественного воплощения.

Становление и широкое развитие инонациональных тем и мотивов в русской советской прозе прослеживается на большом фактическом материале литературы 20—70-х годов. В. Шошин отмечает большое влияние русской литературы на развитие других национальных литератур, которое проявляется в самых разнообразных формах. Кроме того, сходные явления действительности обуславливают многие общие черты художественной интерпретации ее на различном национальном материале. Все это способствует взаимному сближению литератур. Автор отмечает новые черты в развитии инонациональной темы современными русскими писателями, а также в изображении жизни своего народа писателями других национальностей: пересмысление значения фольклора и народных обычаев, расширение тематики произведений, усиление их психологизма, углубленное исследование исторических процессов, определяющих движение народов к построению коммунистического общества» (с. 319). Конкретный анализ особенностей современного литературного процесса позволяет сделать вывод: «Проблема инонационального героя современной советской литературы — это проблема диалектической взаимосвязи социалистического содержания и национального его проявления в характере. Передавая становление нового человека, его образ воплощает интернациональное начало в национально-конкретном» (с. 320).

В книге В. Шошина большое место занимает анализ конкретных художественных произведений, органически влетающий в общее течение авторского рассказа. Этот анализ служит иллюстрацией мысли исследователя, исходным материалом для последующих выводов, средством полемики (как, например, рассуждения об образе Курта Вана в романе К. Федина «Города и годы»), а иногда представляет собой относительно самостоятельный развернутый критический очерк. Особый аспект предмета исследования составляет рассмотрение произведений составных писателей о зарубежной действительности.

Рассмотрение специальных литературных проблем тесно связывается

В. Шошным с процессами исторического развития нашего общества, вскрываются обусловленность идейно-художественного постижения действительности политической обстановкой, теми переменами, которые были характерны для разных этапов нашего экономического и духовного развития. Проблема интернационализма литературы, показанная в плане инациональной тематики, получила в книге всестороннее освещение. Ее отражает жанровое многообразие произведений, рассказ о личных контактах писателя с жизнью народа другой национальности, рассмотрение поэтапного развития советской литературы в связи с историческим движением общества к коммунизму, сопоставление расцвета национальных культур народов СССР с упадком их на Западе, вскрытие коренных отличий инациональной темы в произведениях буржуазных и советских писателей.

Т. Г. Симонова

Проблематика газетных выступлений / Пад рэд. Б. В. Стральцова.— Мінск: Выд-ва БДУ, частка I, 1980.— 176 с; частка II, 1982.— 176 с.

Аўтарытэт і ўздзеянне сродкаў масавай інфармацыі і прапаганды ўзрастаюць у нашай краіне з кожным годам. Любоў і павагу, давер'е народа яны заваявалі, дзякуючы глыбіні, праўдзівасці і прыწყывасці выступленняў па самых розных пытаннях унутранага і міжнароднага жыцця, дзякуючы вялікаму умению быць сапраўдным калектыўным прапагандыстам, агітатарам і арганізатарам шырокіх мас. Зноў і зноў пераконваешся ў гэтым, калі знаёмішся з кнігай «Проблематика газетных выступлений». У яе стварэнні прынялі ўдзел прафесары Б. В. Стральцоў, Е. Л. Бондарова, В. А. Пыжкоў, дацэнты Т. Д. Арлова, В. І. Дубовік, выкладчыкі І. І. Беленькі, В. М. Кушнік, А. В. Балаш і іншыя работнікі кафедры тэорыі і практыкі савецкай журналістыкі БДУ імя У. І. Леніна. Аўтары аналізуюць дзейнасць рэдакцыйных калектываў рэспублікі і ў аддзелаў у святле рашэнняў XXV і XXVI з'ездаў Камуністычнай партыі Савецкага Саюза.

Першая частка выдання прысвечана аналізу зместаў і метадаў, якія выкарыстоўваюцца рэдакцыйнымі калектывамі, а таксама асобнымі публіцыстамі рэспублікі пры рашэнні пытанняў партыйнага і сацыяльнага жыцця, практыкі прапаганды марсіска-ленінскай тэорыі і калектываў будаўніцтва, ідэйна-маральнага выхавання, развіцця навукі і тэатральнай літаратуры і мастацтва, адраджэння.

Аўтары даследавання правільна адзначаюць, што партыйная праблематика дасягае большасць чытачоў газе-

ты. Выклікана гэта, падкрэсліваецца ў кнізе, «некалькімі сацыяльнымі перадумовамі. Па-першае, савескія людзі разглядаюць партыйную справу як сваю кроўную, самую блізкую. Планы партыі набываюць сілу народных, іх ажыўлена абмяркоўваюць і настойліва здзяйсняюць мільёны. Па-другое, камуністы сталі героямі нашага часу, а іх жыццё — штодзённым узорам. З іх бяруць прыклад у працы, у вучобе, у штодзённых паводзінах. Па-трэцяе, традыцыямі нашай прэсы, для якой сістэматычная публікацыя матэрыялаў па партыйных тэмах з'яўляецца своеасаблівай справаздачай партыйных камітэтаў перад народам». Грунтоўны раздзел першай часткі «Проблематика газетных выступлений» прысвечаны асвятленню на старонках перыядычных выданняў пытанняў навукі і тэхнікі.

Работа эканамічных аддзелаў рэдакцый, а таксама аддзелаў, якія асвятляюць праблемы савецкага і культурнага будаўніцтва, сацыялістычнага быту аналізуюцца ў другой частцы даследавання. На шматлікіх прыкладах аўтары кнігі паказваюць, як рэдакцыйныя калектывы Беларусі вядуць абмеркаванне надзённых пытанняў і праблем, словам і справай мабілізуюць працоўныя масы на дасягненне новых вышынь у развіцці эканомікі і культуры рэспублікі. Многія газеты, адзначаюць даследчыкі, умела арганізуюць сацыялістычнае спаборніцтва, прапагандуюць перадавыя метады працы, змагаюцца за ўкараненне дасягненняў навукі і тэхнікі ў вытворчасць, за рэжым эканоміі і беражлівасці ў прамысловасці і сельскай гаспадарцы.

Проблематика газетных выступлений, падкрэсліваецца ў даследаванні, катэгорыя адначасова і даволі стабільная, разлічаная на працяглы час дзеяння, і надзвычай рухомая, прыстасаваная да апэратыўных патрэб грамадства. Стабільнасць праблематікі абумоўлена асноватворнымі фактарамі нашага сацыялістычнага і эканамічнага развіцця, глыбіннай сутнасцю жыццядзейнасці савескіх людзей, якія нацэлены на будаўніцтва камунізму. Рухомасць жа праблематікі тлумачыцца неабходнасцю пісаць на «злombo дня», фарміраваць і нацэльваць грамадскую думку на выкананне канкрэтных задач, пастаўленых перад народнай гаспадаркай ці яе асобнымі галінамі на пэўны перыяд. Даследаванне «Проблематика газетных выступлений», несумненна, прынясе вялікую карысць журналістам у іх далейшай рабоце па ажыццяўленню велічных прадвызначэнняў XXVI з'езда КПСС. З цікавасцю пазнаёмляцца і нямала карыснага знойдуць у кнізе і прапагандысты, агітатары, партыйныя работнікі і актывісты, словам, усе тыя, хто заняты праблемамі выхавання савецкага чалавека.

А. Ф. Мяснікоў
П. М. Бараноўскі,